

ОГОНЁК

РАЗГОВОР О СЧАСТЬЕ В ГОРОДЕ СЧАСТЬЕ

ИЗДАТЕЛЬСТВО
«ПРАВДА», МОСКВА № 27 июнь 1985

**ШКОЛА:
ШАГИ РЕФОРМЫ**

**ПРОДОЛЖЕНИЕ
РОМАНА
ИВАНА СТАДНЮКА
«МОСКВА, 41-й»**

РАБОТАЕТ СОЛНЦЕ

Зеленая страда.

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ОГОНЁК

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

Основан

1 апреля

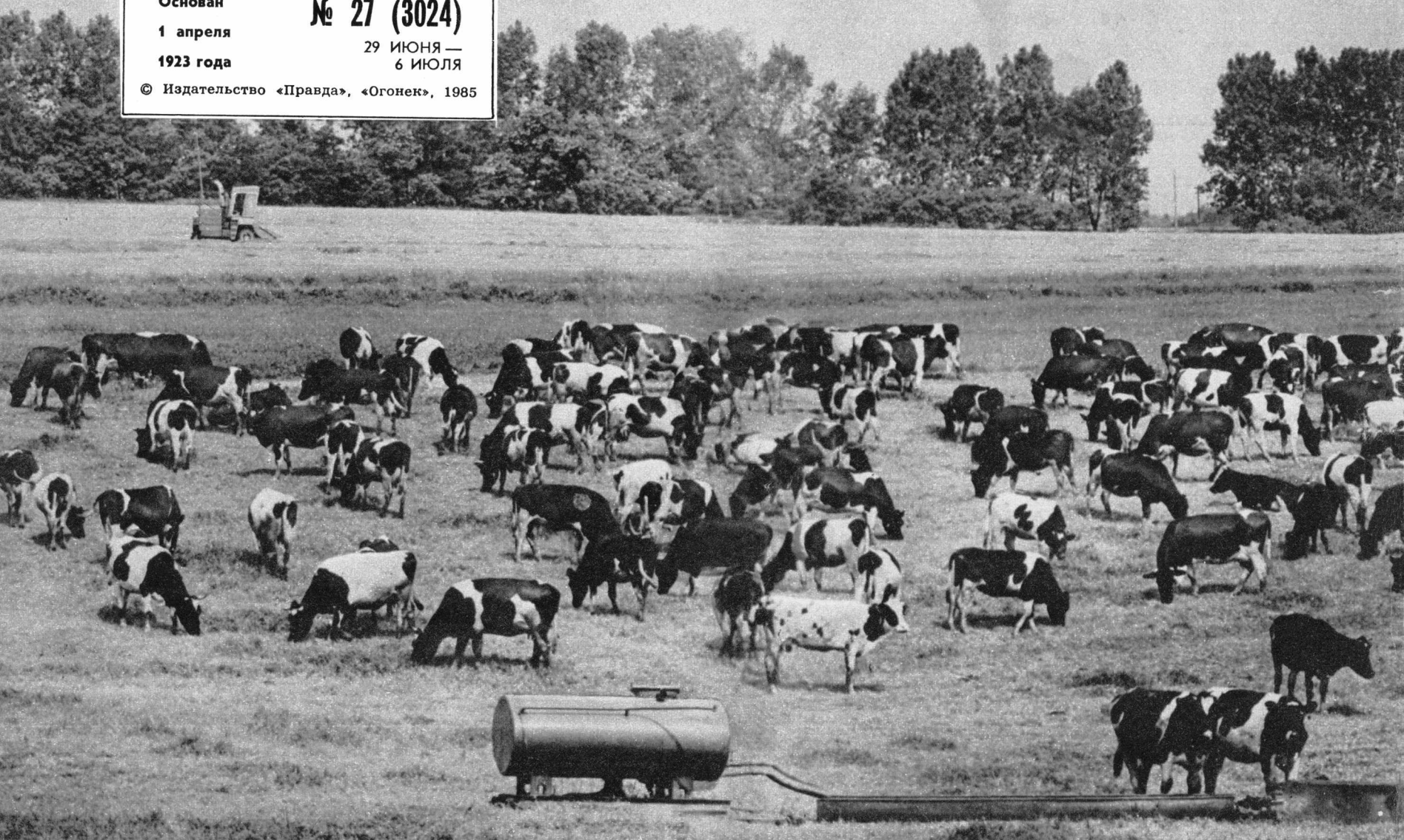
1923 года

№ 27 (3024)

29 ИЮНЯ —
6 ИЮЛЯ

© Издательство «Правда», «Огонек», 1985

ЛЕТО В З

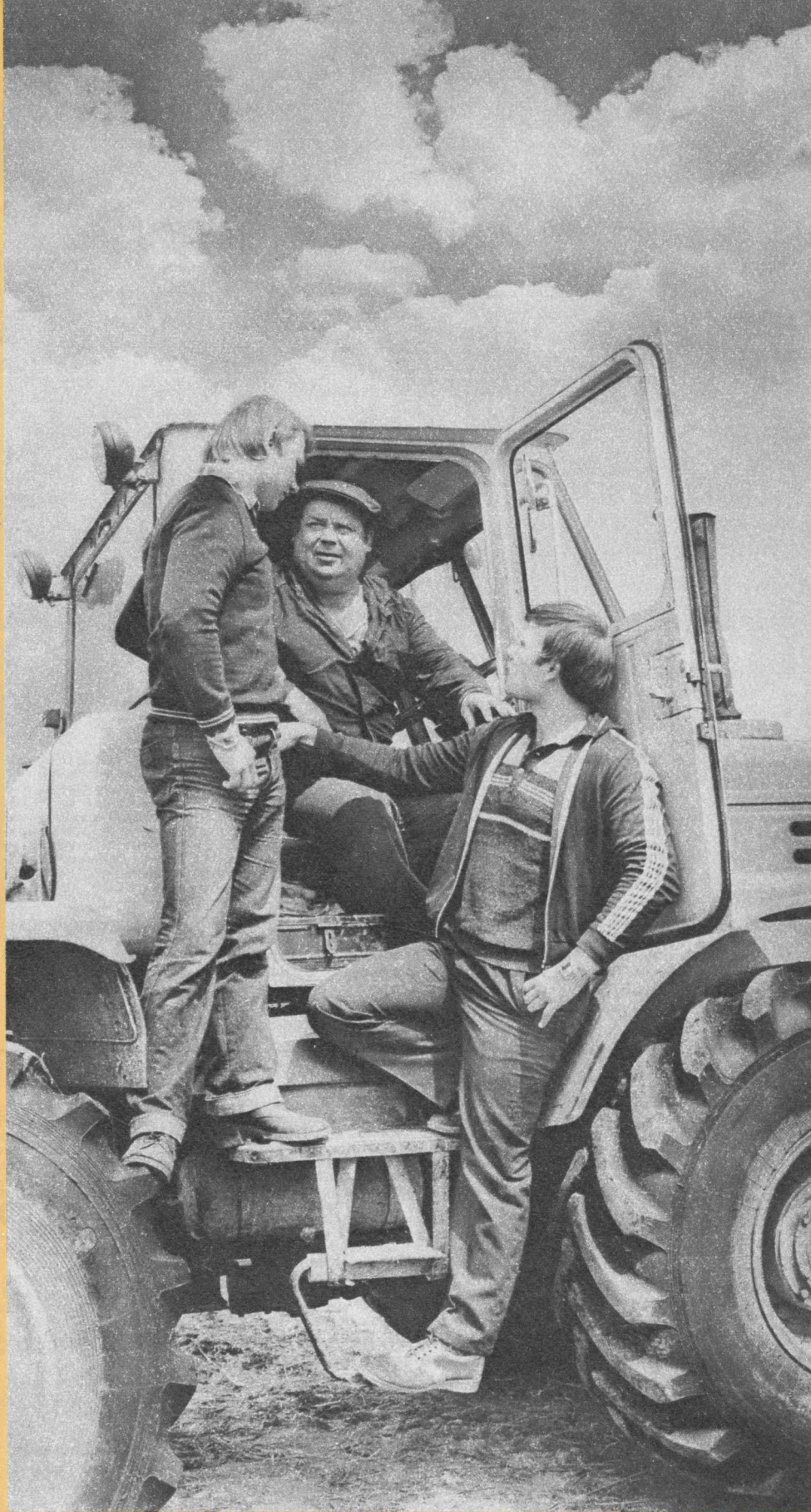

ЕНИТЕ

Полдень.

Сенькевичи — семья работающая.

Фото А. БОЧИННИНА

Травы выросли хорошие. Время косить. Но дожди, недобрые, затяжные дожди. Однако на очередной планерке председатель колхоза все равно настраивает специалистов, бригадиров, звеньевых: «Всё наготове? Перестанет дождь, и сразу — туда». Туда — это на покосы, которые надо завершить, чтобы по крайней мере год не ломать голову, как прокормить огромное стадо и продать государству обещанные тонны мяса и молока. Наконец дождь выдохся. Посветлело. И механизаторы — а они главные люди на покосе — двинули на

Окончание см. на стр. 5.

Во время переговоров.

Фото В. Мусаэльяна и Э. Песова (ТАСС)

С РАБОЧИМ ВИЗИТОМ

По приглашению ЦК КПСС, Президиума Верховного Совета СССР и Совета Министров СССР 19 июня в Москву с рабочим визитом прибыл Генеральный секретарь Партии арабского социалистического возрождения (ПАСВ), Президент Сирийской Арабской Республики Хафез Асад.

19 июня в Кремле состоялись переговоры Генерального секретаря ЦК КПСС М. С. Горбачева с Генеральным секретарем Партии арабского социалистического возрождения, Президентом Сирийской Арабской Республики Хафезом Асадом.

В них приняли участие: с советской стороны — член Политбюро ЦК КПСС, Председатель Совета Министров СССР Н. А. Тихонов, член Политбюро ЦК КПСС, первый заместитель Председателя Совета Министров СССР, министр иностранных дел СССР А. А. Громыко, кандидат в члены Политбюро ЦК КПСС, министр обороны СССР Маршал Советского Союза С. Л. Соколов; с сирийской стороны — вице-президент САР А. Хаддам, заместитель Генерального секретаря ПАСВ С. Каддах, заместитель Председателя Совета Министров САР, министр

обороны М. Тлас, заместитель Председателя Совета Министров САР по экономическим вопросам С. Ясин, министр иностранных дел Ф. Шараа.

В ходе переговоров, прошедших в дружественной атмосфере, с обеих сторон было выражено удовлетворение успешным развитием многогранных отношений между СССР и САР на прочной основе Договора о дружбе и сотрудничестве.

Состоялся обстоятельный обмен мнениями по вопросам положения на Ближнем Востоке, советско-сирийских отношений и международной обстановки.

* * *

19 июня в Кремле состоялась беседа Генерального секретаря ЦК КПСС М. С. Горбачева с Генеральным секретарем Партии арабского социалистического возрождения, Президентом Сирийской Арабской Республики Хафезом Асадом.

В беседе, прошедшей в обстановке взаимного доверия и открытости, был обсужден ряд вопросов, представляющих обоюдный интерес для Советского Союза и Сирии. Особое внимание было уделено положению на Ближнем Востоке.

интервью «Огонька»

СИЛА СОЛИДАРНОСТИ

Курт ЗАЙБТ,
председатель Центральной ревизионной комиссии СЕПГ,
председатель Комитета солидарности ГДР
отвечает на вопросы журнала «Огонек».

— Вы были много лет связаны с антифашистским Сопротивлением в Германии. Расскажите о вкладе немецких патриотов в дело уничтожения фашизма.

— В упорной схватке народов с немецким фашизмом, воплотившим в себе наиболее реакционную и варварскую форму империализма, антифашисты Германии с честью выполняли свой долг. В авангарде их стояли коммунисты.

После поражения Ноябрьской революции 1918 года одними из первых жертв контрреволюции стали Карл Либкнехт и Роза Люксембург. Их имена сегодня — наш революционный символ. Об опас-

ности надвигающегося фашизма предостерегала Компартия Германии: «Кто выбирает Гитлера — выбирает войну».

Десятки, сотни тысяч немцев гордятся своим участием в антифашистском движении. Многие отдали ему свои жизни, в их числе был и Эрнст Тельман... Коммунистическая партия Германии ни на минуту не прекращала своей борьбы с фашизмом, призывая к единству действий всех патристических сил. До моего ареста в 1939 году я принимал участие в антифашистском движении. Весной 1945 года воины Красной Армии освободили меня из застенков Бранденбургской тюрьмы. Мы чтим заветы погибших товарищей и отдаем все силы укреплению первого государства рабочих и крестьян на немецкой земле.

— Мировая общественность серьезно озабочена растущей военной

активностью США в различных регионах мира. Каковы усилия, предпринимаемые Комитетом солидарности ГДР в этих условиях?

— Разгром германского фашизма в мае 1945 года стал началом коренных перемен в жизни многих народов. Изменился дальнейший ход истории, социализм превратился в мировую систему, коммунистическое и рабочее движение достигло небывалого размаха. Стремительно набирающее силу национально-освободительное движение привело к распаду империалистической системы колониализма. Многие страны Азии и Африки разорвали цепи рабства, освободившиеся государства шагнули в новую жизнь. Многие из них идут по пути социалистической ориентации.

Народы Латинской Америки поднимаются сегодня на борьбу, а Куба, первая социалистическая страна на американском континенте,

как пылающий факел, освещает их путь. Симпатии и солидарность прогрессивного человечества на стороне борцов сандинистской революции в Никарагуа. Реакционные круги американского империализма и НАТО проводят политику конфронтации, пытаются повернуть вспять колесо истории. Им хотелось бы вновь овладеть сферами влияния, сырьевыми ресурсами. Администрация США открыто стремится к достижению превосходства в мире, уничтожению социализма и разгрому национально-освободительного движения. С этой целью мировой империализм в «тесном содружестве» с фашистскими и расистскими режимами разжигает конфликты во многих регионах мира: на Ближнем и Среднем Востоке, юге Африки, вокруг Никарагуа.

Верный принципам интернационализма, социалистической внешней политики своей страны, Комитет солидарности ГДР видит свой наивысший долг в том, чтобы всеми силами помогать становлению и укреплению солидарности народов Азии, Африки и Латинской Америки в их антиимпериалистической борьбе.

Международная солидарность помогла нам построить новое, социалистическое государство — Германскую Демократическую Республику, и теперь народ ГДР вместе с СССР, другими социалистическими странами, в союзе с прогрессивными силами мира выступает за активную и действенную антиимпериалистическую солидарность.

За мужество и стойкость, проявленные защитниками Смоленска, массовый героизм трудящихся в борьбе против немецко-фашистских захватчиков в годы Великой Отечественной войны городу в канун 40-летия великой Победы присвоено почетное звание «Город-герой» с вручением медали «Золотая Звезда».

21 июня в Смоленске состоялось торжественное заседание городского комитета партии, городского Совета народных депутатов совместно с представителями партийных, советских и общественных организаций, коллективов трудящихся, воинов Смоленского гарнизона, посвященное вручению высшей награды Родины.

С воодушевлением был избран почетный президиум в составе Политбюро Центрального Комитета Коммунистической партии Советского Союза.

На заседании тепло встреченный присутствующими выступил член Политбюро ЦК КПСС, секретарь ЦК КПСС Н. И. Рыжков. От имени Центрального Комитета КПСС, Президиума Верховного Совета СССР и Советского правительства он сердечно поздравил присутствующих, всех трудящихся города с большой наградой, со вступлением Смоленска в семью городов-героев.

Товарищ Н. И. Рыжков огласил Указ Президиума Верховного Совета СССР о присвоении Смоленску почетного звания «Город-герой» и под бурные аплодисменты собравшихся прикрепил медаль «Золотая Звезда» к знамени города.

Выступившие на заседании выразили глубокую признательность Коммунистической партии и Советскому государству за высокую награду.

От делегаций городов, соревнующихся со Смоленском, его жителей с наградой поздравили первый секретарь Житомирского горкома Компартии Украины Н. Н. Яковенко, первый секретарь Могилевского горкома Компартии Белоруссии Э. А. Шведов.

С большим подъемом было принято приветственное письмо Центральному Комитету КПСС, Президиуму Верховного Совета СССР, Совету Министров СССР.

ЗОЛОТАЯ ЗВЕЗДА — НА ЗНАМЕНИ СМОЛЕНСКА

На снимке: во время вручения награды.

Фото Г. Калаच्याна, Н. Малышева (ТАСС)

— Как прослеживаются традиции немецкого революционного движения в жизни ГДР и ее внешней политике?

— Внешняя политика ГДР направлена на то, чтобы вместе с Советским Союзом и другими социалистическими государствами обеспечивать создание благоприятных международных условий для социалистического строительства, укреплять единство, сплоченность и всестороннее сотрудничество социалистических государств, способствовать их дружбе и дальнейшему сближению, проводить политику мирного сосуществования в отношениях с капиталистическими государствами.

Мне бы хотелось привести только один аспект зафиксированных в Программе СЕПГ принципов: нерушимое сотрудничество и дружба с СССР, постоянное дальнейшее укрепление братского союза с партией и страной Ленина.

Верность революционным традициям немецкого рабочего движения сегодня прослеживается особенно четко, если вспомнить, как горячо приветствовали победу революции в России Вильгельм Пик, Карл Либкнехт и Роза Люксембург. Критерием настоящего коммуниста Эрнст Тельман считал его отношение к первому в мире государству рабочих и крестьян — Советскому Союзу. Мощным источником мужества и воли к сопротивлению брошенных за решетку коммунистов и антифашистов была несгибаемая вера в победу Красной Армии!

Берлин.

ВНИМАНИЕ—МОЛОДЕЖИ

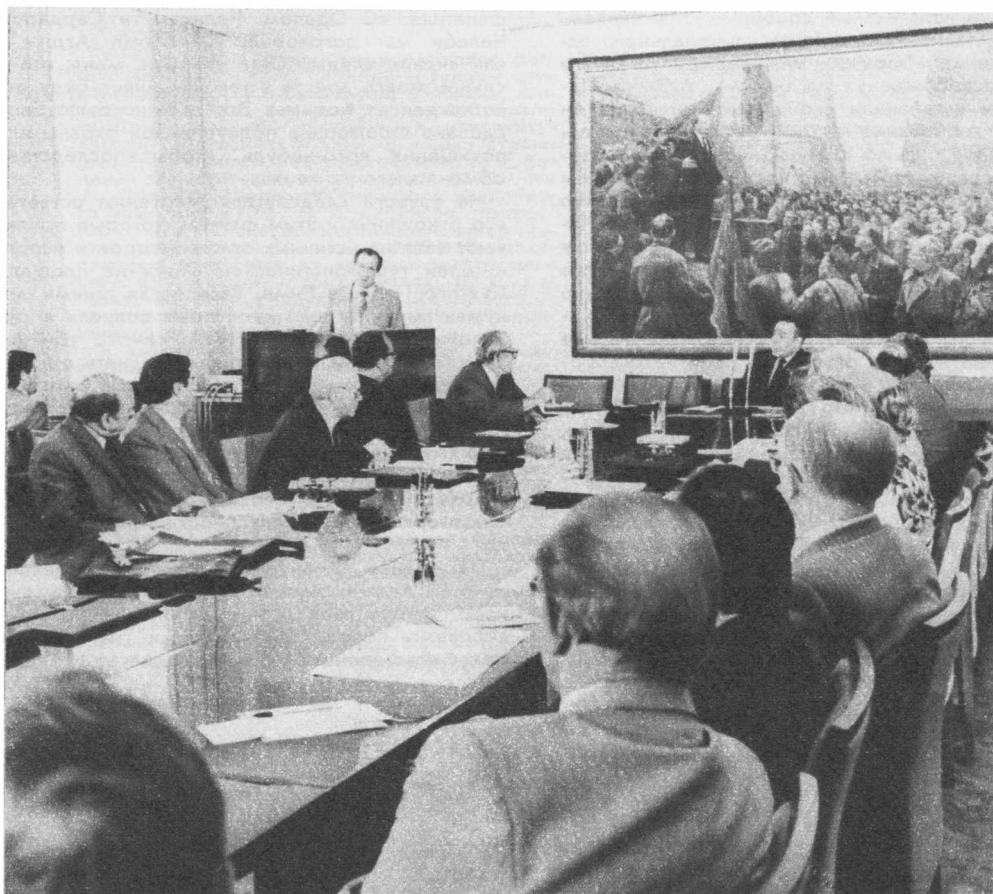
24 июня в Кремле под председательством члена Политбюро ЦК КПСС, первого заместителя Председателя Совета Министров СССР Г. А. Алиева состоялось очередное заседание Комиссии по проведению Международного года молодежи в СССР.

Комиссия на примере Белоруссии и Казахстана всесторонне рассмотрела вопросы активизации работы государственных и общественных организаций по дальнейшему улучшению условий труда, образования, быта и отдыха молодежи. С сообщениями выступили председатели республиканских комиссий по проведению Международного года молодежи — первый заместитель Председателя Совета Министров БССР М. В. Ковалев и заместитель Председателя Совета Министров КазССР М. М. Ахметова.

На заседании комиссии было заслушано сообщение председателя исполкома Моссовета В. Ф. Промыслова о подготовке столицы к проведению XII Всемирного фестиваля молодежи и студентов. Отмечалось, что в Москве в основном завершается работа по подготовке к приему и размещению участников и гостей фестиваля, организации этого важного мероприятия Международного года молодежи. По обсуждаемым вопросам выступили председатель ВЦСПС С. А. Шалаев, первый секретарь ЦК ВЛКСМ В. М. Мишин. С заключительным словом на заседании выступил Г. А. Алиев.

На снимке: во время заседания комиссии.

Фото А. Гостева

Вокруг процесса в Риме

Политические заговоры и убийства, похищения заложников и подкупы, ограбления банков и фальсификации, подпольная торговля наркотиками и оружием — к этим акциям бесчинствующей мафии давно привыкли в Италии. Поэтому похищение два года назад 15-летней девушки поначалу было воспринято в Риме как событие «местного значения». Однако вскоре выяснилось, что таинственное исчезновение Эмануэлы Орланди связано с пребыванием в тюрьме террориста Агджа. Тайна похищения дочери ватиканского служащего приобрела политический характер. О заложнице похитителей вновь заговорили в Риме — на процессе по так называемому «делу Антонова».

Эмануэла Орланди. Фото из журнала «Эспрессо»

Тайна похищения Эмануэлы

Молодая итальянка — ученица музыкально-го училища — шла на занятия. Недалеко от училища ее остановил мужчина и, представившись продюсером, предложил участие в двухчасовом модном ревью. И назвал сумму вознаграждения обладательнице симпатичного личика и гибкого стана — 375 тысяч лир. В училище девушка рассказала своим подругам об этом случае и о том, что ответила незнакомцу отказом. Вечером Эмануэла Орланди исчезла. Случилось это 22 июня 1983 года. Через неделю в бюро итальянского телеграфного агентства АНСА раздался телефонный звонок, и неизвестный сообщил: «Мы являемся представителями фронта национального освобождения «Тюркеш». Мы вернем Эмануэлу после освобождения из тюрьмы Агджи». Похитители установили свой срок, но, когда он истек и требование не было выполнено, послали грозное письмо в редакцию римской газеты «Мессаджеро»: «Мы снова предупреждаем итальянские власти и Ватикан — немедленно освободите Мехмеда Али Агджу, Сердара Челеби и других наших товарищей! В противном случае приведем в действие новые строгие акции». Еще одно ультимативное письмо было такого содержания: «Мы из той самой группы, которая два года тому назад подготовила нападение на папу римского. Если не освободите Агджу, то убьем папу, после чего ликвидируем и Эмануэлу Орланди».

В Риме действовала стая «серых волков», членов крайне правой организации, во главе которой стоял глава турецких неонацистов — «башбуг» Тюркеш. Он объявил себя фюрером турецких поклонников Гитлера и организовал террористические действия «серых волков» во многих странах Западной Европы. «Волки» с берегов Босфора оказались и на берегах Тибра. Один из них — профессиональный террорист Агджа, активный функционер в рядах молодых последователей «башбуга» Тюркеша.

Он бежал из турецкой тюрьмы, где находился в ожидании суда за участие в убийстве главного редактора газеты «Миллиет» Ипекчи и заочно был приговорен к смертной казни. 13 мая 1981 года этот «серый волк» стрелял в главу римско-католической церкви Иоанна Павла II.

Похищение Эмануэлы Орланди было одной из акций террористической группы, обосновавшейся в Италии. Болтливый Агджа подтвердил это, а следователь-судья Иларио Мартелла приобщил свидетельство Агджи к делу о покушении на папу римского террориста-фанатика. «С Оралом Челиком и Сердаром Челеби мы договорились», — сказал Агджа, — как скрыть следы. Они уверили меня, что в случае моего ареста я так или иначе буду освобожден из тюрьмы. Это должно было быть сделано с помощью подкупленной охраны или похищения кого-нибудь, чтобы впоследствии обменять его на меня».

На совести следователя Мартеллы остается его отношение к этим фактам, которые проливают свет на истинных организаторов и исполнителей террористической акции на площади Святого Петра в Риме. Располагая такими документами, как письма «серых волков» в редакции газет, и признанием самого убийцы, следователь имел все основания снять с повестки дня так называемое «болгарское участие». Но, оказавшись с самого начала на ложном пути в связи с путаными и бредовыми «показаниями» матерого убийцы и клеветника, следователь продолжал упорно держаться за насквозь фальшивую версию об участии Болгарии в организации покушения на папу римского.

Похищение Эмануэлы Орланди оказалось на руку Агдже: он получил еще одну возможность делать свои лживые «признания» и позировать перед телекамерами на разных пресс-конференциях. Вскоре после ее похище-

ния он сделал заявление на пресс-конференции, организованной дирекцией римской полиции, которое по своей наглости и фарисейству превзошло предыдущие. Осужденный судом террорист сказал: «Я против терроризма. Раскаиваюсь в нападении на папу... Я сотрудничаю с итальянским правосудием». За такое «сотрудничество» убийца явно рассчитывает на помилование. Вскоре после этого между адвокатом Агджи и самим убийцей произошел диалог, который был похож на грязную и преступную сделку. Адвокат уговаривал своего «клиента» сотрудничать со следствием, и тот, в свою очередь, задал лобовой вопрос: на сколько уменьшат ему за это приговор? В тот же день с Агджой встретился следователь Иларио Мартелла. И «сотрудничество» началось.

Лжесвидетельствуя о «болгарском участии», Агджа продолжал делать заявления о судьбе девушки, похищенной «серыми волками» для его освобождения из тюрьмы. Имя юной итальянки всплыло на самом процессе. Но на этот раз автор трагикомедийных «спектаклей» заявил, что похищенная находится в руках подрывной масонской ложи «П-2», что якобы масоны хотели обменять Агджу на свою пленницу.

Очередной зигзаг в «признаниях» первоклассного хамелеона был сделан в то самое время, когда в Неаполе начался процесс над группой супершпионов из СИСМИ — итальянской службы военной информации и безопасности, тесно связанной и с деятельностью масонской ложи «П-2». В связи с этим возникает вопрос: с какой целью участник крупномасштабной политической провокации «переложил» вину за похищение дочери ватиканского служащего на масонов? И по чьей подсказке он разыграл очередной «спектакль-фарс»? Как свидетельствует статья в журнале «Эспрессо», Агджу в его камере посещали майор Петручелли из СИСМИ и агент по имени Бонагура из службы информации и безопасности МВД Италии. С организацией «Серые волки» долгие годы поддерживал тесные связи главный обвиняемый на начавшемся процессе против группы офицеров СИСМИ — один из лидеров масонской ложи «П-2», давно и тесно связанный с ЦРУ и скрывшийся в США от итальянского суда Франческо Пацценца. Этот супершпион и международный аферист фактически возглавлял созданный в СИСМИ «специальный сверхсекретный отдел», который занимался организацией политических заговоров прежде всего против стран социалистического содружества. Беглый преступник был частым «гостем» в камере Агджи, и поэтому террорист мог знать о существовании ложи «П-2» и о масонском объединении в США с местопребыванием в Бостоне. Эти две масонские организации находились в тесном контакте. Поэтому неудивительно, что угрожающие письма с требованиями освободить турецкого террориста приходили в Рим и из Бостона.

После недавнего сенсационного признания одного из видных деятелей «каморры» — неаполитанской мафии, — Джованни Пандико, о том, что Агджу посетил и один из руководителей СИСМИ, генерал Пьетро Музумечи, стало доподлинно известно главное: именно спецслужбы навязали «серому волку» провокационную версию об участии Болгарии в покушении на папу римского. Вот где, оказывается, истоки мутного потока лжи и клеветы против невинных людей — в «строгой тюрьме», которая стала одним из центров объединенных подпольных действий итальянских и заокеанских спецслужб!

После такого заявления на процессе в Неаполе и другой сенсации — заявления Агджи на процессе в Риме о «новых обстоятельствах» похищения Эмануэлы Орланди можно говорить уже не только о пресловутом «спектакле», разыгрываемом в судебном зале «Форо италико», но и о «карусели», которая завертелась с новой силой вокруг итальянской Фемиды.

Кто же действительно похитил юную римлянку, продолжает оставаться тайной.

Николай ПАНИЕВ,
заместитель председателя
Советского национального комитета
в защиту Сергея Антонова

ЛЕТО В ЗЕНИТЕ

уборку трав всю наличную силу. Тракторы, кормоуборочные комплексы, грузовики, грабли... Председатель колхоза Александр Николаевич Валаханович и агроном по кормопроизводству Петр Иванович Дорошевич с утра объезжают весь уборочный фронт — семьсот десять гектаров. Надо определить сегодняшний маневр. Погода заставляет менять планы. Из-за дождей часть лугов, откуда полагали взять сено, скашивать на сенаж. Стало быть, и технику придется расставить по-иному и людей. Заодно посмотреть, каков ритм. Может, где-то по ходу вмешаться...

Председатель доволен темпами. Люди трудятся в поте лица буквально. Превосходно! В такие дни душа радуется не только тому, что осуществляются расчеты!

Настоящий крестьянин на тракторе знает, что такое покос. Его не нужно подгонять, уговаривать, совестить. Вон Геннадий Слыш, он двести восемнадцать гектаров трав скошил из четырехсот пятидесяти двух уже убранных колхозом — чуть ли не половину. Один! Хвали в нем все подряд: знание техники, хватку, завидную жадность к работе!

Председатель остановил машину возле сенажной траншеи. Тут командует тракторист Иван Сенькевич, замечательный мастер, кавалер трех орденов. Он и Владимир Сорочинский трамбуют тракторами пахучую зеленую массу. Тут тоже нет оснований сомневаться в усердии и качестве работы. По норме на закладку тысячи тонн сенажа отпущено пять-шесть дней. Сенькевич с напарником за пять дней заложили тысячу двести тонн. Правление и партийная организация колхоза каждый день подводят итоги уборки. Победителей соревнования поощряют. Звено Сенькевича получило двести рублей премии. Сергея Хазаркевича отметили: он на «Т-150» с прицепом отвез с лугов больше пятисот тонн травы.

Говорим с председателем о покосе, о делах насущных.

— У колхоза имени Фалько

добрая репутация, — в голосе Александра Николаевича озабоченность, ни нотки самоуверенности. — Мы меньше всего думаем, как бы удержаться на взятых рубежах. Знаем, удержишься, если рвешься вперед. А молоко начинается на лугах. Потому хотим увеличить запасы кормов за счет трав. Много поработать надо! Как видите, стараемся. Шефы из города помогают. Трудности? Ни в коей мере не удовлетворяет нас качество ремонта машин — автомобилей, уборочной техники... Впечатление такое: ремонтники живут тем, чтоб побыстрее вытолкнуть машину со своей территории, а денег с колхоза взять побольше. Не чувствуем мы государственной заинтересованности ремонтников в сельскохозяйственных проблемах. А пора бы ею всем вооружиться!

Эту же мысль выражает первый секретарь Дзержинского горкома партии Владимир Гилярович Гаркун:

— Районная «Сельхозтехника» создала механизированный отряд для уборки трав. Нам подмога. Посылаем его туда, где требуется сил прибавить. И что показательно — техника в отряде не ломается. Что значит для себя подготовлена! А вообще отрядно заметить, — продолжал секретарь, — растет грамотность, люди все лучше ведут дело. С умом используют машины, землю... Стало быть, и отдача растет. И будет расти!

Интенсивнее, рачительнее, продуктивнее... Об этом все серьезнее говорят аграрники. И не просто говорят. В колхозе имени Фалько у входа в правление написано: «Флаг трудовой славы поднят в честь Кокорина Сергея, 20 июня он заготовил 132 тонны кормов».

...Солнце вернулось в лето. Пахнет вянущими травами. Молодые грачи споро ходят в прокосах. Жаворонки славят долгий светлый день. Страда!

А. ЩЕРБАКОВ,
сборкор «Огонька»

Минская область.

Председатель колхоза имени Фалько А. Н. Валаханович.

ИЗ ЖЕНЩИН — ПЕРВАЯ

Рука с пером, деталь машины, колос, раскрытая книга и гриф скрипки — таковы символы творчества и свершений человека, изображенные на большой золотой медали ВОИС — Всемирной организации интеллектуальной собственности ООН. В нашей стране было три человека, ее удостоенных: Г. Н. Елкин, заместитель начальника ГСКБ, — за участие в создании тростникового уборочного комбайна КТП-1; А. Х. Саркисов, профессор ВНИИ по экспериментальной ветеринарии, предложивший вакцину ЛТФ-130, избавляющую животных от тяжелого инфекционного заболевания — трихофитоза; В. И. Лебедев, научный сотрудник ЦНИИЧермета, — за создание технологии и машин для непрерывной разливы стали.

В нынешнем году столь почетная награда впервые в истории присуждена женщине. Профессор, доктор медицинских наук Элеонора Валентиновна Егорова — ученица (так она скромно сказала о себе на торжественной церемонии) известного ученого, члена-корреспондента Академии медицинских наук С. Н. Федорова, заведует отделом хирургии и аллопластики хрусталина в Московском научно-исследовательском институте микрохирургии глаза, им возглавляемом.

...Каждый год двум с половиной миллионам жителей Земли делаются операции по поводу катаракты. Достижения школы С. Н. Федорова в этой области общеизвестны — искусственный хрусталик Федорова — Захарова запатентован в США, ФРГ, Великобритании, Голландии, Италии. Только в США и его помощи прибегают ежегодно пять ты-

сяч человек. Однако поиски ученых продолжается.

— Дело в том, — говорит Э. В. Егорова, — что внутриглазные линзы из полиметилметакрилата, сейчас применяемые, как ни легки — вес их ничтожен, — но все же, будучи инородным телом, дают на ткани глаз. По предложению С. Н. Федорова мы долго искали и наконец нашли такой материал, из которого искусственный хрусталик становится как бы невесомым, обретает способность «плавать», подобно космонавту, но только в глазу. Это силиконовые соединения. Удельный вес их такой же или меньше, чем у внутриглазной жидкости. Сейчас мы решаем такие задачи: как уменьшить и без того крохотный разрез для удаления помутневшего хрусталика и имплантации искусственного и сделать силиконовую линзу более эластичной. Это уже линзы нового поколения. Эластичный хрусталик — ведущее направление наших исследований сегодня.

Мы спросили Элеонору Валентиновну, сколько же операций выполнено ею лично.

— Восемь лет назад было более трех тысяч. В год примерно 350—450 операций. Считайте...

Это значит, что тысячам людей профессор Егорова вернула зрение. И не только в нашей стране — в Болгарии, ГДР, Румынии, Индии, Сирии, Чехословакии, Югославии.

Г. КУЛИКОВСКАЯ

Фото А. Награляна

СЕЛЬСКИЙ УЧИТ

Секретарь Новосибирского обкома КПСС, профессор Л. Ф. КОЛЕСНИКОВ отвечает на вопросы корреспондента «Огонька» Михаила ЩУКИНА

— Леонид Федорович, вы начинали сельским учителем, были ректором педагогического института. Вам несложно сравнить день минувший и день нынешний?

С давних пор в русской деревне фигуры учителя, донтора были окружены особым почетом и уважением. Некоторые, однако, считают, что теперь, дескать, когда всеобщая грамотность выросла и когда человек с дипломом в деревне уже не редкость, а закономерность, нет нужды особо выделять интеллигента. Так ли это?

— Диплом сам по себе мало что определяет или по крайней мере далеко не все. Но в представлении народа профессия учителя всегда считалась далеко выходящей за рамки, обозначенные образованием. Обратите внимание, что и раньше учителя почитали отнюдь не за то, что он знал грамоту, письмо, счет, умел научить этому другого. Вспомните, чеховский Беликов воплощал в себе учительство «от сих до сих» и стал понятием нарицательным.

С профессией учителя люди связывают гораздо большее — приобщение к духовным ценностям, способность формировать личность, которую, как известно, нельзя свести к сумме знаний, умений и навыков. И сегодня учителю на селе сложнее завоевать авторитет. Но сложнее именно для тех, кто считает, что наличие диплома само по себе обеспечивает педагогу особое положение. Право на уважение односельчан завоевывается образом жизни, образом мышления, отношением к окружающим. Они не прощают учителю того, что, на их взгляд, простительно для людей других профессий. И в этом лично мне видится не излишняя требовательность, как иногда кажется молодым людям, а проявление максимально уважительного отношения к самой профессии.

Учитель в селе на виду у всех, и соответствовать в своей жизни тому, о чем ты говоришь на уроке, что стараешься воспитать в детях, конечно, непросто.

— Может ли учитель, занятый своей непосредственной работой, повлиять на нравственную атмосферу села?

— Не только может, но и должен. Думается, разделение профессионального и нравственного вообще неправомерно. Истинно профессиональное уже есть нравственное.

Профессия учителя относится к разряду тех, сердцевину коих составляет связка «человек — человек». Отношение к ученику не как к объекту, а как к личности — это и есть нравственный аспект профессиональной деятельности. Поэтому чем лучше делает свое дело учитель, тем сильнее он влияет на нравственную атмосферу села.

— Отталкиваясь от предыдущего вопроса, хотелось бы уяснить: может ли человек с дипломом института, живущий на селе, заниматься только своей профессиональной работой и ничем больше?

— Думаю, что вопрос сформулирован не совсем правильно. Че-

ловек может заниматься только своей профессиональной деятельностью и в то же время быть «своим» человеком на селе. Важно только правильно понять высокое назначение своей работы. Именно через собственную работу учитель включается в жизнь села.

Вместе с тем трудно сегодня представить себе учителя, который отгораживается от жизни села, от общественной деятельности, скажем, не помогал бы в организации досуга сельчан и т. п. Но, естественно, не в ущерб своей основной деятельности.

Как-то приехав в Усть-Таркский район, я узнал историю двух молодых учительниц (фамилии вряд ли стоит называть), которые в течение двух лет вели затворническую жизнь. Они чурались людей, живущих рядом, своего учительского коллектива, который преимущественно состоял из жителей этой же деревни. И что же в результате? Стали эти молодые женщины хорошими учителями? Нет!

— Жить или «отрабатывать» едет молодой специалист в село? И что необходимо сделать или что уже делается, чтобы он ехал туда именно жить?

— Мне вообще кажется неправильным вкладывать в термин «отрабатывать» пренебрежительный смысл. Обстоятельства нередко оказываются такими, что молодой учитель вынужден именно отрабатывать положенный ему срок. Это долг перед государством, обществом, школой. Но ведь три-то года надо все-таки работать в селе. Установка на горячее, живое дело, а не формальное пребывание в школе снимает противоречие между понятиями «работать» и «жить». Они сливаются воедино.

Главная фигура в народном образовании — это учитель. Никакие благие пожелания, связанные с реформой школы, не могут быть реализованы без его участия, вот почему забота о школе — прежде всего забота об учителе. Молодой человек, приезжающий на село, должен быть обеспечен всем необходимым для нормальной жизни. Но нередко можно встретить с такими примерами, когда к школе относятся как не к своему, а «чужому» делу. Председатель колхоза или директор совхоза, которые делеят специалистов сельского хозяйства и учителей по принципу «свой — не свой», должны получать принципиальную партийную оценку. С подобным отношением еще приходится сталкиваться, и с ним надо вести решительную борьбу.

Вместе с тем мы имеем немало ярких примеров по-государственному мыслящих руководителей хозяйств, которые прекрасно понимают, что проблемы их хозяйства начинаются со школы.

Мне рассказывал директор совхоза «Садовод» Новосибирского района Виктор Прокопьевич Лой-

ченко, что непонимание, которое возникает, допустим, во взаимоотношениях учительницы Анны Ивановны Деминой с одним учеником седьмого класса, имеет прямое отношение к нему, директору. Если не помочь сейчас Анне Ивановне — значит, ему самому потом труднее будет справиться с парнем, который станет совхозным рабочим. Именно за заботу о школе и был удостоен Виктор Прокопьевич знака «Отличник народного образования РСФСР».

У настоящего руководителя хозяйства границы между школой и хозяйством не существует.

А если она существует, тогда мы получаем горькие письма от молодых людей.

— Вот строчки из письма в редакцию: «Деревня — она, как болото: если вовремя из нее не выбраться — засосет. В годы учебы бегала в театры, на выставки, следила за литературой, теперь, через десять лет, могу прийти на урок в мятой юбке — в порядке вещей». Как бы вы прокомментировали их?

— Это, как говорят, из другой оперы. Дело в том, что описанная история отнюдь не сельского происхождения. Она может приключиться и в городе. Прийти неопрятно одетой, не подготовленной к уроку — это отнюдь не результат воздействия «внешнего болота».

В самом деле, разве пребывание в деревне может помешать следить за литературой? Мне кажется, автор письма путает факторы внешние с внутренними, перекладывая на окружение то, что является результатом внутренних процессов. Со школьной скамьи нам известен процесс превращения начинающего врача в обывателя Ионыча. Но Чехов не снимает со своего героя меры личной ответственности за нравственный результат. Обстоятельства могут быть не всегда благоприятны, тем важнее, чтобы личность сумела не только противостоять этим обстоятельствам, но и в известной мере повлиять на них.

Честно говоря, автор этого письма не вызывает у меня сочувствия уже только потому, что позволяет себе называть село болотом, а ведь наверняка в этом селе есть замечательные люди, не говоря уже о детях, которые просто нуждаются в образованном, интеллигентном, любящем их и свою профессию учителе.

Опустившийся учитель, который сознает, что опустился, но не пытается взять себя в руки, вызывает во мне чувство негодования, потому что его личная драма не пройдет бесследно для учеников, с которыми он общается. Да и общается ли он с ними, если понимает под общением не вдалбливание в их головы обусловленного программой минимума знаний?

Мера личной ответственности за свое собственное поведение должна осознаваться учителем в равной степени и на селе, и в городе. Мне рассказывали об учительнице, которая бежала впопыхах к своим ученикам, не сняв передника. О чем это говорит? О сельских условиях, которые деформируют личность педагога? Ничуть! Это говорит о потере профессионализма. Настоящий профессионал не позволит себе такого ни в городе, ни на селе.

Конечно, я допускаю, что в условиях села необходимы большие усилия для поддержания формы, но это уже другой разговор. А если вы сразу решили, что село —

это «болото», «принудилровка», тогда процесс деградации неизбежен. Он практически начался еще в момент распределения.

— Специалист приехал на село. Новые люди, первые дни самостоятельной работы, бытовые проблемы — куда от них денешься? Именно в такой момент нужны поддержка, доброе слово. Всегда ли они есть?

— Этап адаптации молодого специалиста — проблема серьезная. Здесь вступают в действие не только факты социально-экономические, но и психологические. Последние нередко имеют решающее значение. Нормальное жилье, налаженный быт определяют далеко не все, хотя, безусловно, эту норму надо организовать учителю, как можно скорее. Молодой человек хочет реализовать свое призвание ярче, быстрее. Это черта молодости, и с ней нельзя не считаться. Наблюдения показывают, что там, где к молодым проявлено доверие, там, где создан психологический климат, позволяющий делать свое дело творчески, жалоб на бытовые неурядицы меньше. Дело не только в добром слове, которого ждет молодой человек, а в обеспечении права на творчество. Опыт показывает, что поощрение самостоятельности молодого специалиста — наиболее надежный путь закрепления выпускников вузов на селе.

Самостоятельность — прекрасная школа самовоспитания. Попытки жестко регламентировать работу начинающего учителя, инспекторский окрик по поводу любой оплошности лишают его труд притягательности. Вот тогда и возникает мысль любой ценой переместиться в город: пусть там будет то же самое, но зато более широкие возможности для удовлетворения непрофессиональных интересов. Ученье естественную тягу молодых к творческой самодатке — первая задача коллектива любой школы, сельской в особенности.

— Хорошо известно, что в некоторых школах не хватает преподавателей, и в то же время сотни выпускников пединститутов работают секретарями, библиотекарями, программистами — список можно продолжить. Возникает вопрос: те ли молодые люди поступают в пединститут? Отвечают ли правила приема требованиям сегодняшнего дня?

— Фактически мы уже с вами ответили на этот вопрос. Кто они, эти библиотекари, лаборанты, программисты с дипломами учителя? Хорошо, если это люди, проверившие себя. Другое дело, что среди ушедших из школы немало потенциально одаренных учителей, которые просто-напросто не получили возможности реализовать свое призвание. Полагаю, что процессы школьной жизни, обусловленные проведением реформы, благоприятно скажутся на такой категории учителей. И мы уже сейчас можем отметить такое радостное явление — возвращение недавних «дезертиров» в школу. Думаю, что отток дипломированных специалистов из сферы образования приостановлен.

Существующие правила приема в высшие педагогические учебные заведения нуждаются в дальней-

ЕЛЬ

шем совершенствовании. Вообще при отборе абитуриентов надо проявлять осторожность. Вряд ли достаточно одного словесного заявления абитуриента на собеседовании, что он любит детей. Тот, кто работал в школе, хорошо знает, что прекрасные учителя получают нередко из тех, кто увлечен, казалось бы, только предметом своей науки. Человек, влюбленный в физику, уже самой своей страстью к предмету не только обучает детей, но и воспитывает их. Преподавательская деятельность таких людей вызывает у учащихся уважение.

В нашей области хорошо известны имена преподавателей физики Ивана Устиновича Краснова, Михаила Пантелеймоновича Бурлева, Василия Александровича Гунько. Это настоящие мастера своего дела, бесконечно влюбленные в свой предмет. Следует вообще заметить, что приход на преподавательскую работу через увлечение своим предметом бывает нередким. Значит, педагогический вуз нуждается и в таких абитуриентах. Следует только вовремя формировать навыки преподавания. Есть и другая тенденция: человек идет в вуз потому, что ему нравится работать с детьми.

Среди учителей бывают две категории, когда преобладает либо интерес к предмету, либо интерес к детям. Мы не можем этого не учитывать. Есть, конечно, модель совершенного учителя — это когда в учителе гармонически сочетаются любовь к предмету и любовь к детям. Но попробуйте этим понятием найти адекватную систему отбора. Как предсказать эти способности — вот ключевая задача педагогической психологии.

Педагогические способности определить на экзамене сложно. Поэтому огромная роль здесь должна принадлежать школе. Ведь любые способности формируются в процессе деятельности. Включение в педагогическую деятельность, даже эпизодическое, может вызвать интерес к профессии учителя, на основе которого может быть сформирована и способность. Один любопытный пример: казалось бы, профессия учителя для ученика загадок никаких не составляет. Она на виду. Но вот в новосибирской школе № 10 в этом году уже дважды был проведен день самоуправления, по правилам которого учащиеся сами давали уроки. И что же выяснилось? Процесс подготовки к уроку, овладение методами и приемами педагогической деятельности, то есть погружение во внутреннюю структуру работы учителя, вызвали огромный интерес к педагогической профессии у тех учащихся, которые до этого и не помышляли о работе в школе. После второго опыта некоторые ученики окончательно сделали выбор. Думаю, что этот эксперимент получит дальнейшее распространение, в том числе и в сельских школах.

Примечательно, что с учащимися, которые выступали в роли учителей, была проведена и соответствующая профориентирующая работа. Они прошли через консультацию психолога и получили рекомендации, направленные на совершенствование тех качеств личности, которые являются необходимыми для работы в школе. Таким образом, школа может стать одним из источников формирования учительских кадров.

Следовало бы подумать о более раннем выявлении склонностей к педагогической профессии. Пока же мы имеем дело с фактами, вызывающими тревогу.

Мне самому пришлось разбираться в одной человеческой судьбе. Студентка защитила диплом по литературе на «пять», считалась образцовой на протяжении всех лет учебы, но первые же ее самостоятельные шаги в школе показали полную неспособность и, главное, нежелание работать с детьми, учить их. О чем говорит этот факт? Не о том ли, что и само обучение в вузе должно быть ориентировано на собственно педагогическую деятельность. Педагогические способности и определяются, и формируются в ходе непосредственного обучения и воспитания, и чем раньше студент будет включен в реальный процесс труда учителя, тем благотворнее это скажется на его дальнейшей судьбе.

— Многолетнее, благородное служение делу, своему родному селу и в итоге — настоящая, подлинная любовь односельчан не к должности, а именно к человеку. Можете ли вы назвать такие примеры?

— Хочу рассказать об учительнице малокомплектной школы села Украинка Купинского района Наталье Андреевне Апалимовой. Вот уже сорок один год она работает в этом селе. Практически сегодня здесь нет ни одного человека, которого не учила бы Наталья Андреевна. Кстати сказать, средний возраст жителей в Украинке сорок лет. Я был здесь и убедился, что авторитет Натальи Андреевны среди односельчан непререкаем. Ни удаленность маленькой школы от центра, ни многолетнее пребывание в одном и том же селе не наложили никаких отпечатков провинциальности на облик этой учительницы. Она владеет новейшей методикой, является образцом для подражания, ведет школу передового педагогического опыта. Закономерный итог — звание «Заслуженный учитель школы РСФСР».

Есть и прекрасные примеры хорошо сложившихся судеб молодых учителей.

Еще будучи ректором пединститута, проходя однажды по коридору, я увидел выставку картин, возле которых горячо спорили студенты. У нас в то время как раз открыли графический факультет, и я думал, что кто-то из студентов-графиков выставил свои работы. Каково же было мое удивление, когда меня познакомили с автором картин и он представился:

— Сергей Бабушкин, студент филфака.

В прошлом году я был в селе Верх-Коен Искитимского района у заместителя директора местной школы Сергея Владимировича Бабушкина — современного молодого человека с широким кругозором, обладателя прекрасной библиотеки и коллекции собственных картин. Автору того грустного письма о селе как о болоте, из которого надо вовремя выбраться, я бы сообщил такую деталь о Сергее Васильевиче: он не только не опустился, а стал в 1982 году дипломантом Всесоюзного конкурса эрудитов, объявленного журналом «Смена». А это был уже пятый год пребывания С. В. Бабушкина в селе.

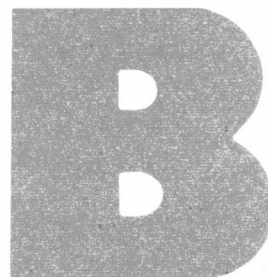
Думается, надо почаще нашей прессе писать о таких людях. Они есть. Их жизнь может стать примером для подражания.

Иван ПАДЕРИН

Весной минувшего года довелось мне съездить в ГДР. Проводить меня пришли однополчане Сергей Федорович Захаров, Александр Дмитриевич Карташов, Михаил Григорьевич Горожанин. В дни штурма Берлина они были молодые, энергичные гвардейцы, теперь — уже седые ветераны. Узнав о том, что я собираюсь навестить родной гвардейский полк, принялись вспоминать былое, боевых друзей...

Путь в родной полк я начал с посещения Заксендорфа, расположенного перед Зееловскими высотами. В свое время этот Заксендорф был превращен гитлеровцами в мощный опорный пункт обороны — всюду доты, дзоты, подземные ходы сообщений. В первые же часы наступления на Берлин наш полк получил приказ

В родном полку

уничтожить этот опорный пункт и продолжать штурм Зееловских высот. Задача была выполнена, но мы потеряли комбата Алексея Сурмача и немало солдат.

Есть суровый закон боя: в атаке нельзя останавливаться возле упавших, так как точка пристреляна и могут быть новые жертвы. Поэтому мы шли вперед. А погибших хоронили ночью, порой не успев разглядеть лиц и отдать все почести. Заксендорф обстреливался орудиями, минометами и был сильно разрушен. Каков он теперь? Найду ли могилы однополчан?

Нынешний Заксендорф красив и опрятен. Вдоль улиц выстроились белокаменные кирпичные дома под шиферными крышами. В центре — небольшая площадь. Над ней зеленеют кроны каштанов. Каштаны цветут, и кажется, это не деревья, а люстры с множеством свечей. А под ними могилы, восемь хорошо ухоженных могил. Когда я остановился и склонил перед ними голову, ко мне подошел пожилой немец. Я представился, и он протянул левую руку. Правая у него скрючена, как видно, после ранения. Мой новый знакомый сказал:

— Здесь лежат русские солдаты... Вскоре после войны мы разгребали развалины. Кто-то заметил торчащий из-под земли сапог. Разрыли — русский солдат. На бурке нашли две каски. Раскопали

холмики и обнаружили еще двух солдат. А на этом месте был похоронен офицер. Мы подвели к нему на вечный покой и его солдат.

Нетрудно представить мое состояние: ведь я знал и погибшего офицера и солдат. «Мои дорогие однополчане, — думал я. — Вот и свиделись. Простите, что так долго шел, что ваш комиссар навесил вас лишь через сорок лет». И вдруг я услышал детские голоса: две группы школьников принесли к могилам цветы. Молодая учительница стала рассказывать им, как был разгромлен фашистский гарнизон в Заксендорфе. Слышу, она назвала имя комбата и номер нашего полка. И тут пожилой немец указал на меня:

— Это есть бывший комиссар полка.

Учительница изумленно взглянула на меня и воскликнула:

— Дети!

Потом что-то быстро-быстро им сказала и обратилась ко мне:

— Пожалуйста, расскажите. Нам это очень важно знать именно от вас...

Рассказывая, я заметил, что школьники старательно записывают мою сбивчивую речь. Оказалось, это юные историки. Один из них, белокурый мальчик в очках, вдруг, будто поняв не высказанный мною вопрос «Зачем вам это?», сказал:

— Если я не буду знать, кто принес нам избавление от зла, у меня не будет друзей в Стране Советов.

— Все так думают? — поинтересовался я.

— Все, все! — ответили ребята звонкими голосами.

Вот и попробуй тут забыть, в каком кармане валидол. Сердцу бывает тесно в груди не только в час грусти.

В мемориале нашим воинам, погибшим при штурме Зееловских высот, нашел я имя Александра Ивановича Семикова, моего друга, с которым прошел по дорогам войны от Москвы через Сталинград до этих высот. Он здесь был тяжело ранен, точнее, буквально изрублен осколками снаряда, но в список погибших попал ошибочно. Выжил, выжил мой друг! Герой Советского Союза полковник в отставке Александр Семиков живет теперь под Москвой, в городе Химки.

Улицы, проспекты, скверы и парки восточной части Берлина невозможно сравнить с тем, что довелось мне видеть в апреле сорок

пятого. Из руин, из нагромождений развалин выросли, поднялись жилые корпуса, дворцы, театры, и всюду зелень деревьев, цветущих клумб и каштановых аллей. Деревья были посажены после войны и выросли так, что затеняют окна до четвертого этажа.

Навестил я и Трептов-парк, над которым возвышается величественная фигура Воина-Освободителя с ребенком на руках.

И вот, наконец, я в родном полку. Четкий строй на плацу. Предстоит строевой смотр. На меня наплывает зная. Какое сердце ветерана не дрогнет перед боевым знаменем?! На знамени нашего полка — четыре ордена. Они будто вспыхивают в лучах солнца и воскрешают в моей памяти и Сталинград, и ночной штурм Запорожья, и Магнушевский плацдарм на западном берегу Вислы, и штурм Берлина. Опускаюсь на колени и целую край юмачового шелка, как мне показалось, все еще пахнущего огнем и порохом.

Начался строевой смотр. Перед трибуной чеканят шаг молодые солдаты. Справа и слева от трибуны портреты живых и погибших однополчан — Героев Советского Союза Владимира Бурбы, Александра Евдокимова, Павла Зубенко, Александра Семикова, Сергея Мостового, Василия Зайцева, Виктора Медведева, Шота Тибуба, Петра Хлюстина, Ефима Цитовского, Ильи Шуклина, Михаила Шейкина. В центре — портрет командира дивизии, недавно умершего генерал-майора Героя Советского Союза Леонида Ивановича Вагина. Мне даже показалось, что это он сейчас оценивает строевую подготовку полка, как это делал вскоре после окончания боев в Берлине. Смотрит взыскательно, и потому молодые гвардейцы особенно старательно держат равнение.

После смотра я уговорил командира полка, чтобы он разрешил мне ночевать в казарме, в расположении шестой роты. Почему именно шестой? Да потому, что мне хотелось побыть поближе к своим товарищам — командиру роты Владимиру Бурбе и его ординарцу Петру Хлюстину. На Магнушевском плацдарме в критический момент они со связками гра-

нат бросились под гусеницы «тигров». Звание Героев Советского Союза им было присвоено посмертно.

Командир полка приказал старшине роты приготовить мне постель рядом с койкой, к которой прикреплена табличка «Петр Хлюстин». Его имя и имя Владимира Бурбы навечно занесено в списки роты и называется на поверках.

Заснул я быстро, да так крепко, что проспал команду «Подъем!». Ничего не слышал — ни как солдаты ушли на зарядку, ни как вернулись. А когда открыл глаза, увидел: перед койкой стоит командир полка и приглашает на завтрак. Со стыда я готов был провалиться сквозь землю! Чтобы старый солдат не слышал, как поднимается целая рота!

— И как могло это случиться? — смущенно кричал я, одеваясь.

— Не знаю, — с улыбкой ответил командир.

— Возмутительно! — ругал я себя.

— Напрасно возмущаетесь, — сказал дежурный по роте. — Все нормально.

— Как это нормально?

— Команды «Подъем!» никто не подавал. Солдатам было сказано: «Тихо, гости спят». Поэтому они вынесли сапоги в руках и обулись на лестничной площадке.

Представив себе, как босоногие солдаты на цыпочках выходили на лестницу, я почти до слез разволновался. Вот она, солдатская нежность!

Казалось бы, как можно сохранить нежность в строгом режиме армейской жизни? Быть может, эти солдаты еще не испытали на себе походы с полной выкладкой, не участвовали в трудных учениях без всяких условностей, потому сохранилась в них домашняя чувствительность? Молодые, еще не успели очерстветь, еще юнцы?

Ничего подобного. Достаточно побыть с ними в парке боевых машин, затем выехать на полигон и посмотреть, как они владеют оружием, как управляют машинами — нет, это не юнцы, это настоящие мужчины! Им доверили грозную боевую технику, и это доверие утвердило в них созна-

ние ответственности за боевую готовность части, за судьбы мира. По действиям — они солдаты, строгие и требовательные к себе. Что касается нежности, то это не мешает им выполнять боевые задачи. К тому же у каждого среднее образование, есть и недавние студенты институтов. Все они много читают. Жаль только, что в полковой библиотеке маловато книг, особенно русской и советской классики...

До чего же хороши эти ребята были на полигоне! Все экипажи и расчеты получили отличные оценки. Мне трудно было воздержаться от восторга, когда экипаж боевой машины пехоты старшего сержанта Владимира Александрова поразил без единого промаха четыре цели! Еле заметные точки двигались в темноте кустов. Но прозвучала одна короткая очередь, вторая, третья, четвертая, и все четыре цели были поражены.

Вечером в Ленинской комнате я встретился с отличниками боевой и политической подготовки. Возник обмен мнениями о прочитанных книгах. Большой интерес вызвал роман-эссе Владимира Чивилихина «Память».

— А знаете ли вы свою родословную, ну хотя бы с половины прошлого века? — спросил я. Спросил не случайно. Перед вылетом из Москвы мне довелось побеседовать с десятиклассниками. Из двенадцати только трое могли сказать, чем занимались их деды. Остальные недоумевали, дескать, зачем им это знать, ведь на экзаменах таких вопросов не будет?

И мне пришлось напомнить, что знание родословной есть зов памяти, благородное стремление к самосовершенству, к утверждению чувства гордости за все доброе, что сделали далекие и близкие предки. Таков закон памяти. Деревья с подрубленными корнями не растут.

Первым ответил на мой вопрос сержант Федор Боровков, призванный в армию из Свердловской области. Он знает, что его прадед погиб в первую мировую на германском фронте, а дед в сорок первом под Москвой.

Включился в разговор и Владимир Александров.

— Мой дедушка воевал под Ленинградом. Прадедушка участвовал в революционных событиях. О прапрадеде нет никаких сведений, знаю только, что корни наши издавна связаны с Питером.

Рассказывали о своих предках сержант Сергей Федоров, рядовые Игорь Ливанов, Ричард Шитискас и другие. Знают родословную, но не дальше прапрадедов. В сравнении с теми десятиклассниками, которые не могли назвать имени и отчества своих дедов, мои собеседники из шестой роты родного полка выглядели духовно богаче. И тут я должен отметить, что политотдел соединения постоянно напоминает командирам и политработникам о проведении бесед и политинформаций о боевых традициях отцов и дедов, об участниках исторических событий, привлекая солдат и сержантов с рассказами о славных делах своих предков, участников первой мировой войны, Октябрьской революции, гражданской и Великой Отечественной.

Солдатская газета посвятила этой теме не один номер. В одной из заметок рассказано о солдате, который почему-то не пользовался доверием друзей. Замполит роты предложил ему рассказать о себе на комсомольском собрании. Солдат, родом из горной Ингушетии, рассказал о красоте родного края, о национальных традициях, к удивлению, хорошо знал родословную со времен Шамиля, дед — активный борец за Советскую власть, отец оборонял Моздок от фашистских захватчиков, был ранен... Почувствовав, что комсомольцы слушают его внимательно, парень признался, что потерял доверие товарищей во время уборки парка машин — схитрил, прикинувшись больным. «Но теперь это не повторится. Даю слово!» — взволнованно закончил он. Откровенность понравилась сослуживцам, и они помогли солдату обрести уважение и доверие.

Это очень важно — знать, с кем ты служишь, с кем пойдешь в бой.

Теперь мне есть что рассказать и чем порадовать ветеранов-однополчан. Я убедился, что боевые традиции, заложенные нами, свято хранятся и приумножаются. А что может быть для нас радостнее!

Кубок СССР по футболу оспаривали на Центральном стадионе имени В. И. Ленина в Москве две украинские команды — киевское «Динамо» и «Шахтер». Это был большой футбол, который нам удастся теперь видеть не так уж часто, и хотя весь первый тайм прошел в безрезультатной борьбе, зрители не скучали. Первый мяч в ворота «Шахтера» был забит на 68-й минуте, две минуты спустя — второй, а киевляне пропустили лишь один ответный гол.

Итак, Кубок отправился в Киев, а на следующий день уже начались отборочные игры на Кубок-86.

На снимках: команда «Динамо» (Киев); капитан киевского «Динамо» Сергей Балтача с Кубком СССР.

Фото А. БОЧИННИНА

Д. Обозненко. Род. 1930. ВОЗМЕЗДИЕ. 1984.

Всероссийская выставка «Мир отстояли — мир сохраним»

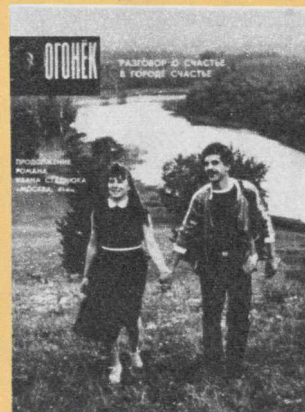

А. Мазитов. Род. 1928. ПАМЯТЬ. БРЕСТСКАЯ КРЕПОСТЬ. 1979—1985.

Всероссийская выставка «Мир отстояли — мир сохраним»

Разговор о счастье в городе Счастье

Виталий ЗАСЕЕВ,
фото Валерия КОРЕШКОВА,
специальные корреспонденты «Огонька»

В центре Ворошиловграда, на одном из оживленных перекрестков, есть просто скалочный указатель: «До Счастья 25 км».

Свернув вправо, как и предписывалось табличкой, и вырвавшись за городскую черту, мы действительно вскоре оказались в Счастье — уютном городке с небольшими двухэтажными домами, ровными, утопающими в зелени улицами.

Председатель горисполкома, может быть, единственного в мире города со столь необычным названием, Владимир Юрьевич Флященко при первом знакомстве кажется несколько озабоченным. Вскоре в разговоре выясняется причина. Оказывается, приезжал когда-то из столицы в Счастье непомерно восторженный журналист, расписал, расхвалил город, и в местный исполком хлынул поток писем. Со всех уголков страны люди обращались с предложениями поделиться своими силами и знаниями для еще большего расцвета и благополучия Счастья. Председатель исполкома отписывался день и ночь. По субботам собственноручно отправлял десятки писем на Дальний Восток и Крайний Север, на Памир и в соседнюю Амвросиевку, каждый раз терпеливо и вежливо объясняя, что хотя в Счастье немало нерешенных проблем, но в людях нужды нет. Однако самые настойчивые авторы писем, не дожидаясь ответа на свои послания, тут же садились в самолет и, обогнав письмо, с рюкзаками и чемоданами ввалива-

лись в тесный кабинетик председателя с ликующими возгласами: «Здравствуйте! Мы вам писали, принимайте...» Председатель хватался за голову, развязывал галстук, выпивал кряду два, а то и три стакана газировки из объемистого сифона и... Постепенно люди устраивались, обживались. Потом заводили семьи, воспитывали детей, в метриках которых местом рождения значился, отныне и навсегда, город Счастье.

Сегодня в Счастье рабочие руки не требуются. По крайней мере пока. Часть молодежи даже потянулась отсюда в Ворошиловград. Ну, а те, что остались, именуют себя не иначе как счастливцами. О них и пойдет рассказ.

...У Сергея Лактионова серые глаза, мягкая улыбка и приятные манеры. Говорит негромко, умеет слушать собеседника, в общении доверителен и прям. Сергей трудится на Ворошиловградской ГРЭС, которая и подарила Счастью расцвет и всеобщую известность. Лактионов — электрослесарь высшего разряда, «профессор» в своем деле. Но требование времени заставило и его продолжить учебу. На этот раз в институте. Отрада и гордость Сергея и его жены Натальи — два хлопца, которые родились здесь, в Счастье.

— Вы счастливы? — спрашиваю я Лактионова.

— Конечно, — не задумываясь, отвечает он. И, точно усомнившись в том, что его слова прозвучали неубедительно, начинает пояснять свою точку зрения на человеческое счастье.

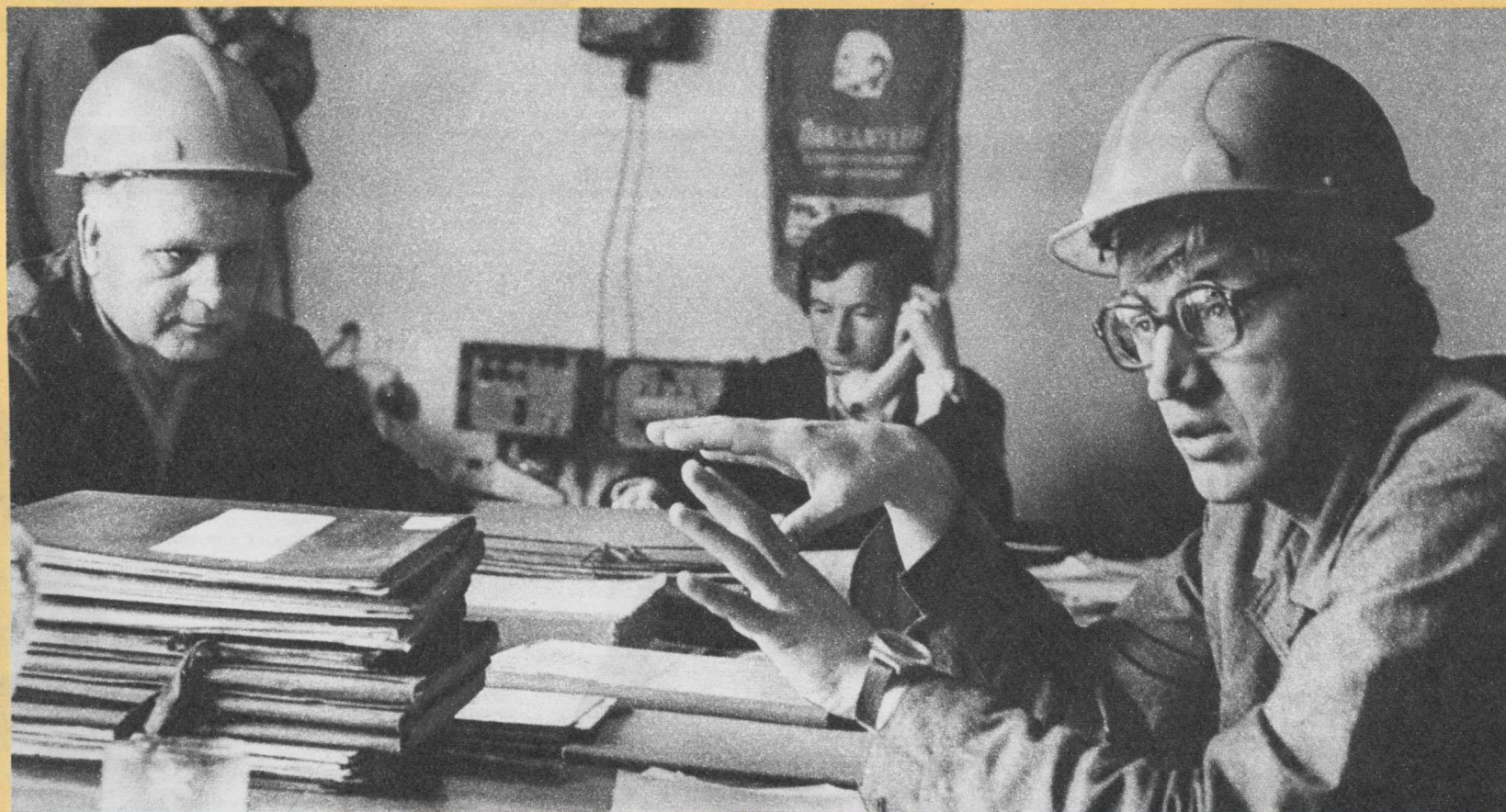
— Судите сами, работа любимая у меня есть. Хорошая семья, удобное жилье, свободное время для отдыха тоже. Есть перспектива роста. Есть друзья, с которыми приятно и встретиться, и время провести. Ну, а главное, пожалуй, это то, что у моих сыновей есть будущее. Надежное будущее.

— А проблемы? Неужто уж и проблем никаких нет? — допытываюсь я.

— Проблемы есть, но они по сравнению со всем тем, что мы имеем, чем богаты, мизерны. И что очевидно: решение их зависит от нас самих. Я имею в виду отдых, досуг молодежи. К сожалению, организован он у нас пока не на должном уровне. Особенно в зимнее время, когда вечера бесконечно длинны. Летом многие из нас занимаются спортом: бегают, играют в футбол, городки, ходят в турпоходы. Зимой же всего этого мы практически лишены из-за отсутствия спортзала. Хотя, честно признаться, всему виной наша инертность. С этого года решили ее сокрушать. Общий настрой в стране после апрельского Пленума ЦК партии требует и нашей активности.

Секретарь комитета комсомола Ворошиловградской ГРЭС Сергей Шоха, улыбочивый и неторопливый добряк, всего несколько месяцев, как возглавил комсомольскую организацию станции. В планах у Сергея — активизация спортивной жизни города. Руководство, партиком ГРЭС поддерживали начинания комсомоль-

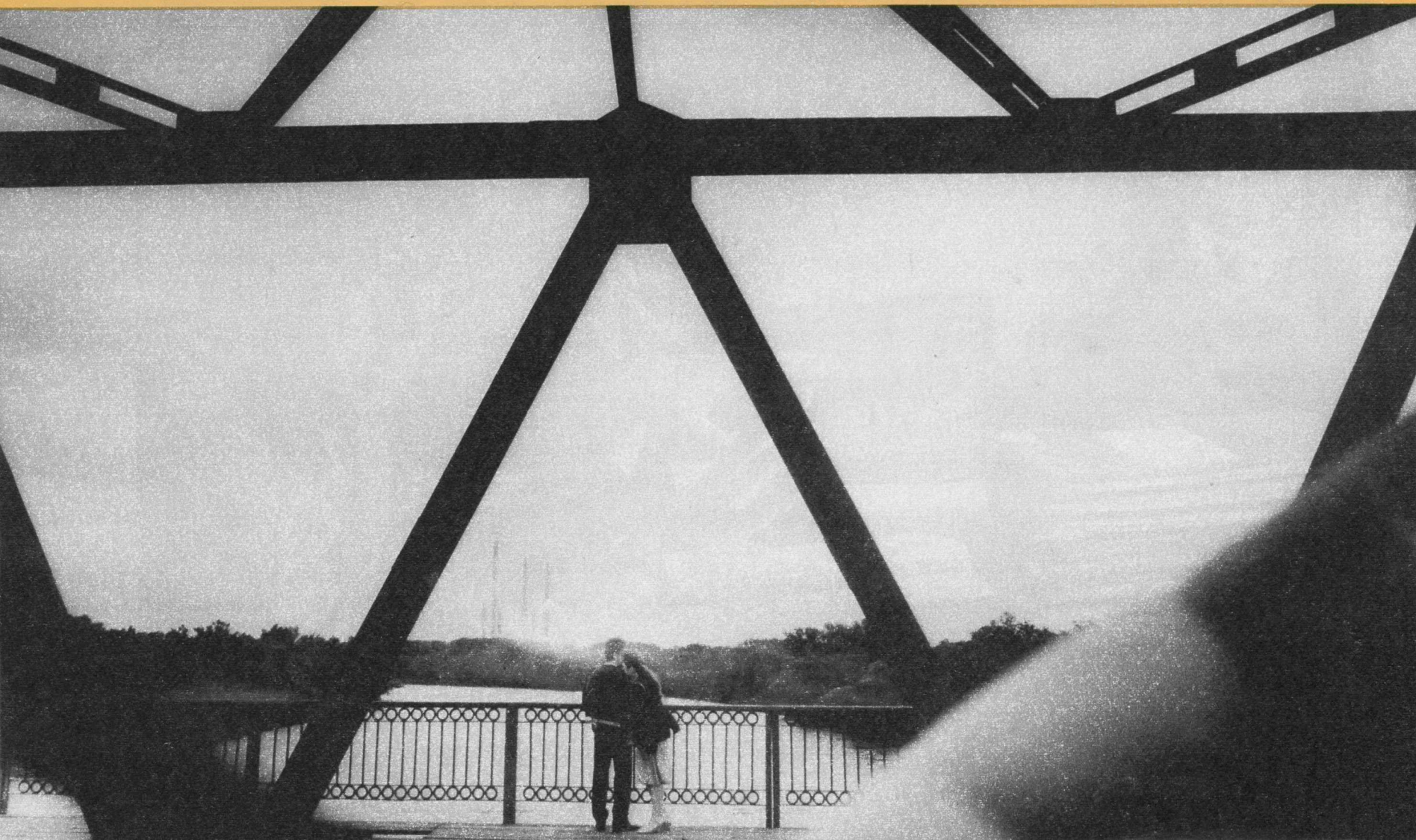
Виктор Пушкин (с права) — один из самых молодых командиров производства.

В разгаре лето!

Есть тут и свой мост влюбленных.

цев, выделили средства на сооружение зала тяжелой атлетики, игровых видов спорта. Сейчас решается вопрос строительства бассейна.

...Жила на Урале Вера Бондаренко. Окончив в Уфе техникум, в поисках счастья отправилась в Счастье. Была уверена, что именно здесь обретет его в полной мере.

Теперь она лаборант. Ежедневно, в любую погоду, она проводит анализы загазованности атмосферы, изучает химический состав сточных вод, которые мощная ГРЭС сбрасывает в Северский Донец. И в том, что очистные сооружения станции работают исправно, немалая заслуга Веры Бондаренко и ее подруг.

— Нашли вы его?— спрашиваю Веру. Моя собеседница в ответ только смеется, а глаза без слов выдают, что она по-настоящему счастлива. Крепкая семья, заботливый и верный муж и непоседа-сынишка, закидывающий маму ежедневно тысячей «почему»,— разве этого мало?

— Ну, а чего вам не хватает для полного счастья?

— Боюсь показаться брюзгой,— говорит Вера.

— И все же?

— Нет, нет, не думайте, у нас есть все. И снабжение хорошее, и никаких проблем с детскими садами, и работа по душе. А какая здесь природа! Это же чудо. И оттого, что это чудо, мы стали больше беречь его, с большим уважением к нему относиться, я по-настоящему чувствую себя счастливой. Вот только, пожалуй, чаще бы к нам приезжали хорошие артисты, лекторы, писатели. Ведь Дворец культуры у нас отменный, аудитория самая что ни на есть доброжелательная и благодарная.

Кажется, кто-то из писателей сказал: «Есть счастье — случай... Хотелось бы, чтобы счастье пришло как заслуга». Как заслуга пришло оно ко многим из тех, с кем пришлось мне беседовать в городке. Как заслуга пришло оно и к Виктору Пушкину — выпускнику Донецкого политехнического института.

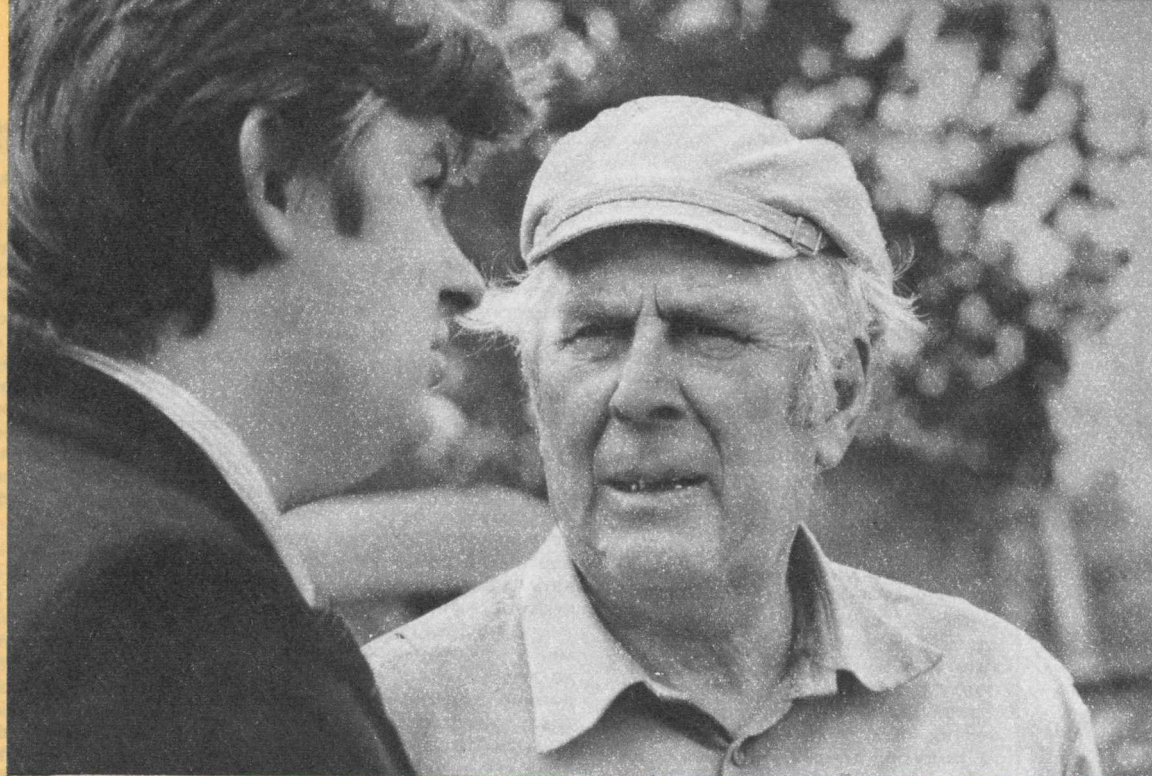
После защиты диплома по комсомольской путевке приехал Виктор на строительство ГРЭС. Сегодня он возглавляет цех наладки и испытаний. Коммунист, уважаемый в коллективе человек, он думает о завтрашнем дне предприятия, которое стало для него и родным, и близким.

— Не один я в нашем коллективе давненько мечтал о повышении престижа инженерного труда, о собственной максимальной творческой отдаче. Я с большим вниманием прочитал материалы апрельского Пленума ЦК КПСС и полностью согласен, что главные лозунги момента, которые надо сделать лейтмотивом всей подготовки к предстоящему XXVII съезду партии,— это творческий труд, единство слова и дела, инициатива и ответственность, требовательность к себе и товарищам.

Приведу конкретный пример того, как откликнулись на этот призыв партии коммунисты нашей ГРЭС. Ученые доказали, что из сырья, которое используется на нужды человека, лишь десятая часть его переходит в готовую продукцию. Все остальное — в отходы. Еще меньше коэффициент использования сырья в теплоэнергетике. Только на нашей станции в одном золоотвале скопилось 22 миллиона тонн шлаков. Сейчас работники ГРЭС, а среди них много молодежи, совместно с учеными разработали комплексную программу мер по осуществлению разработок малоотходной технологии. И хотя она рассчитана на перспективу, уже в этом году проведены первые успешные испытания установки по извлечению из шлака ферросилиция — ценнейшей «приправы» для металлургического производства. Все это даст стране миллионные прибыли, сотни тонн сэкономленного сырья.

Об одном слове я не сказал, которое чаще других произносилось моими собеседниками, когда речь заходила о счастье. Это слово — мир. Лучше других об этом сказала коммунист Валентина Марченко, старший инженер АСУ Ворошиловградской ГРЭС. Ее словами я и хочу закончить репортаж из города Счастье:

— Мирное небо над головой, смех ребенка, пение птиц на восходе солнца, шелест травы, разливы реки — все это помогает нам чувствовать себя по-настоящему счастливыми. И я уверена, каждый из нас сделает все от него зависящее, чтобы так было всегда.

С. Шох и Герой Социалистического Труда С. Белодед.

Профилакторий.

Делегат XII Всемирного фестиваля молодежи и студентов в Москве Сергей Лактионов (второй слева) с друзьями по бригаде.

нужен порядок

Станислав КАЛИНИЧЕВ

Сотни автобусов разъезжаются из Киева по совхозам и колхозам области. Одетые не в лучшие одежды, едут рабочие и служащие, студенты и преподаватели, инженеры и ученые за город. Не на пикник, конечно. И не на воскресную прогулку. Едут, чтобы сеять, а летом прорывать и окучивать, и не на дачных участках — на полях совхозов и колхозов.

Мой знакомый кандидат технических наук, призванный на уборку редиски, сделал нехитрый подсчет. Свою дневную зарплату, получаемую в институте, он разделил на количество надерганных и связанных им пучков. К своему изумлению, обнаружил, что девятикопеечная редиска, которая часто вянет на прилавках магазинов, пройдя через руки кандидата наук, могла бы сравниться в цене с заморским фруктом.

— Да лучше бы я, — рассуждает мой знакомый, — купил эти тридцать пучков в магазине и тут же безвозмездно вернул бы на прилавок.

Понятно, в данном конкретном случае мобилизованный горожанин, несмотря на всю его ученость, впадает в ошибку. Если бы он и другие шефы стали поступать таким же образом, то покупать было бы нечего... Потому что для выращивания редиски, картошки, огурцов, морковки и прочих овощей в селе часто не хватает людей, а нередко высаживать, полоть, убирать и вывозить вообще некому. И такое явление характерно не только для нашей Киевской области. Как-то мне довелось быть во Владивостоке. Там в местной газете я прочитал любопытную статью экономиста. Взяв на вооружение свой научный аппарат, он сравнил производительность труда сельских жителей с производительностью труда приезжающих на их поля горожан по культурам и по видам работ. Приводил сводные данные и даже прогнозировал роль горожан — в выращивании капусты и картошки чуть ли не до конца века... Значит, экономистов тоже волнует проблема шефства, его экономика. Проблема внепланового, малопроизводительного, часто из рук вон плохо организованного труда на полях, к которому привлекаются рабочие достаточно высокой квалификации, техническая интеллигенция и даже ученые. Волнует эта проблема и многих хозяйственников, партийных и советских работников. Правда, они в отличие от моего знакомого понимают,

что от этой проблемы так просто уйти нельзя — ее надо решать. Причем не кому-нибудь, а им. Им ясно, что выполнить Продовольственную программу без привлечения технического и научного потенциала невозможно. Причем имеются в виду не только предприятия, работающие непосредственно на сельское хозяйство. Имеются в виду и рабочие руки горожан всех специальностей.

Проблема настолько злободневна, что о ней в числе других шла речь и на апрельском (1985 г.) Пленуме ЦК КПСС. Было сказано: «Нельзя добиться существенных результатов ни в одной сфере деятельности до тех пор, пока партийный работник будет подменять хозяйственника, инженер — курьера, ученый — работать на овощной базе, ткачиха — на ферме. К сожалению, сегодня нередко так и бывает. Разумеется, подобное положение сложилось не сразу, кое-где обусловлено известными трудностями, и за один день его не поправить. А поправлять надо».

Примечательно, что от авральных выездов на прополку, уборку, заготовку, сортировку больше других страдают именно те производства, где больше порядка, выше культура труда, а следовательно, строже штатное расписание. Сорвать вдруг двадцать — тридцать человек с основной работы для учреждения всегда болезненно. Не случайно именно в передовых коллективах стали искать пути делового решения проблемы.

Например, в объединении «Точ-электроприбор» на индустриальную основу поставили производство... меда. Связались со специалистами, учеными, проанализировали передовой опыт — и весьма преуспели. Создали оригинальную конструкцию павильона — это нечто вроде кассеты, в которую помещаются 28 ульев тоже собственной разработки. Несколькими кассетами устанавливаются на автомобильную площадку, и передвижная пасека едет на гречишное поле или в липовую рощу, на семенной участок трав, в лес или сад. Мед качают тоннами. В хозяйствах им рады, потому что опыление пчелами повышает урожайность многих культур.

В этом новом для себя деле приборостроители преподали урок высокой культуры производства: создали термонамеры для санитарной обработки пчел, контейнеры для перевозки пчеломаток... К ним уже едут за опытом пчеловоды, просят чертежи разработок. Дело пошло настолько успешно, что в нынешнем году киевские приборостроители намерены расширить свою пасеку до трех тысяч ульев. Но главное, что важно для нашего сегодняшнего разговора, — производительность труда этих неопытных в пчеловодстве вдвое-втрое выше, чем на сельских пасеках!

Киевский радиозавод, например, создал мощное подсобное хозяйство, в котором с начала пятилетки произвели около пятисот тонн свинины. А завод «Арсенал» обзавелся своим совхозом. Причем это большое многоотраслевое хозяйство существует на правах заводского филиала — там есть директор, постоянный штат рабочих, свой расчетный счет. Последнее важно, потому что все работы, которые выполняются для него на основном предприятии, подсобное хозяйство оплачивает. А что дало административное подчинение «Арсеналу»? Всего лишь за четыре года

средняя урожайность зерновых, надоев молока возросли почти вдвое, доходы — в два с половиной раза, производство мяса — почти втрое.

Можно привести и другие примеры благотворного вторжения горожан в сельскохозяйственное производство. Интересно рассмотреть случай, который вообрал в себя, с одной стороны, элементы шефства и обязательной повинности, когда приходится срывать с работы горожан и бросать их на прополку или уборку, а с другой — специализированное производство сельскохозяйственной продукции городским предприятием.

Есть в Киеве филиал московского института «Госниилхорпроект». Организация небольшая, крепкая, со стабильными кадрами. Здесь ведут учет отвлечения сотрудников на общественные работы: подшиваются разнарядки из района, отмечается, сколько человек послано на прополку, уборку... В 1980 году таких отвлечений набралось 5454 человеко-дня, а в следующем — 9120 человеко-дней. Для филиала — потери ощутимые. Но добро бы этих людей использовали с толком! А то, бывало, приедут несколько десятков человек в совхоз, и один ищет бригадира, остальные сидят. Найдут бригадира — нет ящиков или сапок. Привезут тару — нет тракториста... Так получилось, что люди филиала московского НИИ чаще работали на луковой плантации. Они видели и понимали, что прополку, на которую их бросили в пожарном порядке, проводить уже поздно — не отыскать перьев лука среди бурьянов, да и семена не были должным образом подготовлены, и теперь лук гнал стрелу... В 1982 году, несмотря на все старания шефов, урожай лука в совхозе «Рогозовский», где трудились представители НИИ, составил срок центнеров с гектара — вдвое меньше запланированного. Вместе с тем потери времени на основной работе за счет такого рода отвлечений составили за год 10 500 человеко-дней! То есть вдвое больше, чем два года назад...

Вот тогда руководство и общественные организации филиала НИИ выступили с предложением: пусть совхоз отдаст нам луковое поле. Мол, будем сами выполнять все работы. Кроме, естественно, вспашки и некоторых других работ, когда нужна техника. И вот поле разделили на тридцать участков — по гектару. Половину разработали добровольцы, а вторую половину раскрасили за конкретными лабораториями, отделами или цехами. Народ грамотный, ученый — не объяснять, как пользоваться информацией. В общем, вошли в азарт, изучили передовой опыт, выбрали старшего по луковому хозяйству, за зиму подготовили семена. Все по науке. Но самое главное, появилась возможность планировать работу сотрудников: и основную в филиале, и ту, что требовала земля, теперь как бы родная.

В первый год вот такой шефской (или общественной, или подсобной — не знаю, как определить) работы урожайность поднялась более чем вдвое — до 94 центнеров с гектара. Конечно, это не так уж много, однако... Небольшой в общем-то коллектив, помимо основной научной работы, вырастил и собрал сто грузовиков репчатого лука. Важно и другое. На меже поля, куда теперь охотно выезжают люди за десятки километров от дома, появилась бытовка с газовой плитой, кладовка для инструмента да и сам инструмент, туалеты, душевая... Естественно, прибавилось и опыта. И вот в 1984 году на той же площади было выращено по сто семь центнеров лука с гектара.

Казалось бы, решение задачи найдено. Но в комитете профсоюза, где я беседовал с ответственными за то дело товарищами, победных нот не прозвучало. Почему? Ведь опыт специализации удался!

— Удался... в общем, — уклончиво ответили мне. — Дело в том, что отвлечения людей от основной работы снова составили более десяти тысяч человеко-дней...

— Неужели и при новой заинтересованности производительности труда не поднялась?

— Поднялась, конечно, однако старые разнарядки типа выделить людей на капусту, на картошку продолжают поступать каждый день! Как три и пять лет назад... Получается, что наша специализация по выращиванию лука не дала коллективу ничего. Кроме лукового удовлетворения и дополнительных хлопот.

— Кто же определяет, сколько людей и для чего надо отвлечь от работы в институте, на заводе? — спросил я.

— Районный штаб. Наш Дарницкий штаб возглавляет заместитель председателя райисполкома Михаил Александрович Белоусов.

К встрече с М. А. Белоусовым пришлось вооружиться цифрами и фактами, запастись вопросами, которые казались мне гвоздями без шляпок: забьешь — не выдержишь. Тон разговору задал Михаил Александрович. Оказалось, он человек сельский, хорошо знает и любит землю. Так же четко ориентируется в проблемах крупного промышленного района. Молодой, энергичный, с откровенностью судит о самых сложных, щекотливых проблемах. И суть моих вопросов Михаил Александрович понял сходу. Он пошел в наступление:

— А что, ваши подопечные захотели легкой жизни? Научились лук выращивать — честь им и слава. У нас почти все коллективы предприятий и организаций ищут пути подобной специализации. Но вот в хранилищах начинает гнить картофель. Но же его должен перебрать?.. Да, есть в районе организация, которая специализируется на переборке овощей. Молодцы! Придумали механизмы, изучили зарубежный опыт, повысили производительность труда в этом деле, но всю работу свалить только на них нельзя, в лучшем случае десятую часть! Больше не потянут... Товарищи из «Хлорпроекта»

Кандидат и редис

в самые горячие дни на посадке и уборке лука, но там они тоже сами не управляют. И штаб посылает им на помощь людей. С других предприятий!.. Помните, в январе, например, Киев завалило снегом. А кто работал на расчистке улиц? Тоже горожане, люди с предприятий, в том числе из Дарницкого района. Стихия!.. Конечно, затраты труда на выращивание, заготовку и хранение овощей, фруктов, картофеля все еще непомерно велики. Но мы не сидим сложа руки. Силами предприятий района построили холодильник-хранилище на семь тысяч тонн, механизировали цехи по очистке картофеля и овощей, изготовили две тысячи контейнеров, придумали движущиеся площадки для уборки огурцов и помидоров... Прошлой осенью Дарницкий район увеличил заготовки овощей и картофеля по сравнению с предыдущим годом на пять с половиной тысяч тонн. А вот автомобилей выделяли на сто тридцать пять меньше. Меньше. За счет чего? Мы оборудовали на полях погрузочные пункты. Да такие, что дополнительные механизмы не нужны... Пройдите по овощным магазинам нашего района — картофель, лук, морковь, капуста, огурцы, моченые и свежие яблоки, чеснок. Пожалуй-ста!

Я спросил Михаила Александровича, есть ли какие-то нормы отвлечения людей с основного производства. Ведь он свободно манипулировал десятками, сотнями тысяч человеко-дней, отработанных на прополке, заготовке, на сельских стройках... Как будто район Дарница — не район железнодорожников, ткачей, приборостроителей, химиков, ученых и конструкторов, а сельскохозяйственная фирма... Белоусов ответил: «Ну, рассылаем разнарядки...»

Однако несложный подсчет показывает, что для коллектива, который освоил специализацию, дает вполне реальные, весомые результаты, эти отвлечения составляют почти **десять человеко-дней в год на каждого работающего!** Белоусов такой вывод не смутил, он это назвал «частным случаем». Сокрушался Михаил Александрович по другому поводу:

— Растут иждивенческие настроения подшефных! Мы вот тут ежедневно собираемся на оперативки. Даже по субботам и воскресеньям! А поезжайте в выходной день на поле — кого там найдете? Еще несколько лет назад мы в штабе осознали, что за дела на селе отвечаем мы. А теперь и в селе это осознали... В совхозе «Бориспольский», например, при старом директоре горожан на поле не пускали, обходились своими людьми. Теперь за совхозом закрепили две организации нашего района. И еще, говорят, мало...

Дальнейший разговор показал: чем глубже вникать в ситуацию, тем больше возникает проблем. И начальник районного штаба бессилен их все хотя бы сформулировать. Очевидно, необходим анализ накопленного опыта. Назрел нелицеприятный разбор негативных явлений, широкое их обсуждение. Такую работу могло бы сделать представительное совещание. Возможно, во **всесоюзном масштабе!** Конечно, собрать участников к этому делу лиц для то-

го, чтобы похвастаться отдельными случаями удачного, даже блестящего опыта горожан в подъеме сельскохозяйственного производства, — толку мало. Главное — привлечь людей компетентных, экономистов. Обширнейший материал, опыт есть повсеместно.

Такое совещание (семинар, конференция?) могло бы рекомендовать наиболее удачные формы шефства, более того — провести широкий эксперимент в некоторых районах, а главное, придать этому явлению нашей повседневности правовую основу. Иначе что же получается? Огромная, повсеместно проводимая работа отнимает практически у каждого из нас, по самым скромным подсчетам, четыре дня в году — и она никак не узаконена. Нет у нее правовой основы — и все тут! Значит, тысячи людей незаконно отвлекаются на сельские работы? Ни один директор не может не подчиниться распоряжению штаба. Не имея соответствующих лимитов по труду, на автотранспорт, бензин, нужные инструменты и материалы, директор завода или институт все это находит. Все «полевые» расходы списываются на основное производство. Но вот права отдать команду, чтобы рабочий оставил станок и выехал на прополку, — такого права у директора нет! И рабочий, и лаборант, и кандидат наук могут сказать: «Не поеду!» Трудовое законодательство за него, за горожанина. Нет статьи, параграфа, которые обязывали бы горожанина подчиниться такому распоряжению. Вот тут и начинаются поиски путей праведных и неправедных... Правовая неопределенность порождает бесконтрольность, а нередко и разбазаривание трудовых ресурсов. «Запасливый» руководитель старается обзавестись десятком, еще лучше — сотней «лишних» людей, которым выкраивает ставки слесарей, лаборантов, научных работников...

Когда готовилась эта статья, в «Вечернем Киеве» появилось любопытное сообщение о заседании городского штаба по заготовке овощей. (Слова «по заготовке овощей» никого не должны вводить в заблуждение. Штаб занимается и переборкой, и хранением, вопросами торговли, изготовления киосков и т. д. — до очистки городских улиц от снежных заносов, то есть всеми авральными работами, связанными с отвлечением людей от основного производства.) Члены штаба пришли к заключению, что — цитирую газету: «...помощь по принципу «утром приехали — вечером уехали» вряд ли можно назвать помощью: столь мала отдача» (сколько же это лет понадобилось, чтобы прийти к такому убеждению!). Теперь решено посылать людей на более продолжительный срок, лучше всего на две недели. Правда, штаб не конкретизировал, где набрать таких столь свободных людей, без которых основное производство может обойтись не в ущерб плану в течение двух недель, как должно составляться в связи с такой ориентацией штатное расписание предприятий и организаций, будут ли выплачиваться и за чей счет этим людям командировочные и... насколько это согласуется с КЗотом?

Проблема есть. От нее не уйти. Ее надо решать. И чем скорее, тем лучше. Для дела.

**Александр
АЛЕКСАНДРОВ**

Дороги

ВETERАНЫ ВОЙНЫ

Вечер в зале Колонном...
И среди москвичей
Был солдат батальона,
Что держал оборону
Восемь дней и ночей.
Родом парень с Арбата —
Дом второй от угла,
А дорога солдата
Далеко увела.
Воевал он, как надо,
Шел в огне и в пыли,
Не ушел от снаряда,
И с тех пор — костыли...
А как только на сцене
Запели «Дороги»,
Он почувствовал: целы,
Нетронуты ноги...
И как будто война
Не над ним прогремела,
И железом она
Не впиалась в его тело.
И в дорожной пыли
Видит свой батальон.
И, забыв костыли,
Шаг печатает он.

Переняв отвагу:
Велика Россия,
А назад ни шагу!

СТАРАЯ ДОРОГА

От реки в лесок уйдешь
Немного —
Колею увидишь,
Два следа.
Старая, заросшая
Дорога
Не ушла от сердца
Никуда.
Вот иду по ней
Сосновым бором,
Слышу: колокольчик
Под дугой...
Может, это Пушкин
Едет в гору,
Он, конечно,
И никто другой.
Вышел из коляски —
Сено косят,
Мужики размашисто
Идут...
— Дайте косу!
Болдинская осень,
Пусть стихи немного
Подождут...
Мирно спят
Курганы-городища,
Тракт большой колесами
Разбит.
Стук телеги —
Может быть, Радищев
Едет,
О Руси больной скорбит.
Дотемна дорогой
Этой едут —
Выдержат ли кони
И гужи? —
Лермонтов,
А может, Грибоедов —
Славные, великие мужи...
Ах, дорога,
Старая дорога,
В душу лезь и сердца
Не жалея...
Посиди,
Поразмышляй немного,
Отдохни чуть-чуть
От «Жигулей».

ПОЛЕ КУЛИКОВО

1

Кто назвал так просто
Поле русской славы?
Шесть веков, как версты,
В дорогой оправе.
Разбежалось к Дону
В рубашонке синей,
А кругом раздолье —
Нет конца России!
Разлилась ручьями —
Где весна, где осень,
Хлынула лучами
На макушки сосен;
Наплыла в тумане
И в морозной стыни,
Пала снегом ранним
В придонской долине;
В летний зной просила
Дождика у неба,
Сена накосила,
Нарастила хлеба...
Отдыхает снова
На груди державы
Поле Куликово —
Поле русской славы.

2

Трубы голосили,
Цокали подковы...
Все поля России —
Поле Куликово.
И Полтавы слава
У Днепра явилась,
Вновь когда держава
За свободу билась.
И когда от боли
Грудь земли сдавило,
Бородинским полем
Вел полки Панфилов.
И на том сходились,

ТРОПИНКА

Тропинка с речкой сходится,
Она с водичей водится,
Бежит к ней по пригорочку
С ведром босиком.
Тропинка диву дивится —
Идет от речки девица,
И утру улыбается,
И полю с ветерком.
Идет — ведро качается,
Тропинка не кончается,
И васильки колышутся
У загорелых ног.
А ветер до околицы
За той девчонкой гонится,
И яблоки медовые
Ей дарят сладкий сок.

НЕПОБЕЖДЕННАЯ ТЕРРИТОРИЯ РЕВОЛЮЦИИ

27 июня, восемьдесят лет назад, над броненосцем «Князь Потемкин-Таврический» поднялся красный флаг. Восстание матросов на мощном корабле царского флота началось! Восставшие избрали судовую комиссию, к потемкинцам присоединилась команда миноносца № 267, а позже «Георгий Победоносца». В. И. Ленин, получив известие о восстании на броненосце, послал в Одессу представителя ЦК...

В. И. Ленин писал: «...«Потемкин» остался непобежденной территорией революции и, какова бы ни была его судьба, перед нами явится несомненный и знаменательнейший факт: попытка образования ядра революционной армии».

Сегодня «Огонек» публикует материалы, посвященные подвигу революционных матросов.

ПИСЬМА ПОТЕМКИНЦА

В вестибюле Саратовского индустриально-педагогического техникума установлены бюсты Юрия Алексеевича Гагарина и Александра Николаевича Заулошнова. На мемориальных досках высечено: Ю. А. Гагарин учился в этом здании в 1951—1955 гг., А. Н. Заулошнов — в 1898—1903 гг.

Заулошнов был одним из активных участников восстания на броненосце «Князь Потемкин-Таврический».

Гагарин с огромным интересом на уроках истории слушал рассказы учителей о восстании на «Потемкине», о потемкинцах. И вот теперь они, Гагарин и Заулошнов, навсегда рядом.

Один из потемкинцев вспоми-

нал, что матросы уважали Александра за спокойствие, находчивость и деловитость. В критический момент он обратился к команде со словами: «Не сдавайтесь, братья! Коль начали хорошее дело, доведем его до конца!»

И слово Александра прозвучало точно приказ. Он, социал-демократ, боевой друг большевика Г. Н. Вакуленчука, своим личным примером вдохновлял моряков на борьбу.

Позднее царский судья отмечал: «Матрос Александр Заулошнов изобличается в том, что был одним из зачинщиков и главных руководителей бунта, в самом начале бунта вместе с Матюшенко вооружился винтовкою и все время

находился в толпе бунтующих... вошел в состав выбранной мятежниками комиссии и принимал деятельное участие во всех последующих распоряжениях комиссии, составлял прокламации от имени мятежной команды, которые впоследствии распространялись по Одессе, а на броненосце произносил речи с целью склонить команду к продолжению мятежа; участвовал в демонстративных похоронах Вакуленчука... ездил с ружьем на катере, когда броненосцу приходилось иметь сообщение с берегом, ездил и на броненосце «Георгий Победоносца» после присоединения его к бунту... Был задержан в Феодосии на угольной барже, которую вместе с другими бунтовщиками намеревался насильно увести к броненосцу». Вскоре после подавления восстания в Петербурге нелегально вышла книга о потемкинцах, в которой говорилось, что Заулошнов «заключен теперь в Севастопольской крепости и ждет над собой варварского суда служителей самодержавия». До заключения в крепость его держали в плавучей тюрьме. Неправый суд приговорил Александра к смертной казни через повешение. Но, боясь возмущения матросов, смертную казнь заменили 15 годами каторги с лишением всех прав состояния. Перед читателем письма (все его сохранилось одиннадцать), написанные Заулошновым из тюрьмы: севастопольской, московской, саратовской. На каждом штамп: «Просмотрено».

Естественно, узник не мог со-

общить своим родным, близким всю правду. В письмах многое недоговорено, недосказано. Но из них видно: царские власти обрели героя-потемкинца на мучительную смерть.

16 января 1908 г.

Здравствуйте, дорогие родители! Извините, что я так долго не заявлял Вам о своем существовании. Вы, вероятно, думаете, что меня и в живых нет давно — после всего случившегося. Нет, я еще жив, и как ни странно — если иметь в виду условия, в которых я нахожусь, — еще и здоров, о чем вам и заявляю. Мой адрес: Москва, Бутырская тюрьма, осужденному на каторгу А. Заулошнову.

Пишите немедленно.

5 ноября 1908 г.

Здравствуйте, дорогие родители, братья и сестры! Ваши открытки, письма, посылку и фотографическую карточку я получил. Извините, что не мог на все это так быстро ответить, письма я могу писать только один раз в месяц, и то не больше одного.

Теперь отвечу на ваши письма. Вы, мама, спрашиваете меня, где я буду отбывать свой срок. Я могу ответить только то, что если не будет никаких исключений (как, например, ходатайств со стороны и т. д.), то придется сидеть здесь, в Москве, до естественного конца — смерти, так как отсидеть срок при таких условиях, в которых я нахожусь, немыслимо ни для какого человеческого организма. А перевода (в другую тюрьму. — Ю. П.)

ИСТОРИЯ ОДНОЙ ФОТОГРАФИИ

О броненосце «Князь Потемкин-Таврический» и его легендарных матросах написано немало. И тем не менее есть новые свидетельства героической эпопеи. Публикуемая фотография хранится в фондах Центрального государственного архива Октябрьской революции. Фотография, вернее часть ее, была когда-то отрезана от снимка большой группы людей, а теперь находится в отдельном конверте с надписью: «Потемкинцы Румынии». Ее наклеили на розыскной бланк охранки, где отмечали особые приметы взятых на учет «политических преступников».

Каким образом фотография матросов, сделанная в Румынии, попала в царскую охранку? Почему изображенные на ней потемкинцы пронумерованы? С какой целью фотография была разрезана? Наконец, какова судьба этих людей?

Вот что удалось выяснить после изучения архивных документов.

После одиннадцатидневной борьбы команда восставшего броненосца, израсходовав запасы угля, воды и продовольствия, сдалась румынским властям. Получив право на политическое убежище, около восьмисот матросов были восторженно встречены населением Констанцы. Возвращению на родину и суду они предпочли эмиграцию.

Правительство королевской Румынии дало указание расселить матросов по различным городам и селам. Их отправляли в Галац, Плоешти, Кымпину и другие места. Перед отправкой матросы фотографировались группами — на память. Популярность русских матросов была в те дни необычайной. Поэтому вместе с потемкинцами нередко фотографировались местные жители.

Между тем в России началось судебное следствие над участниками восстания. К суду удалось привлечь лишь несколько десятков человек: некоторых активных участников восстания, захваченных войсками и полицией в Одессе и

и отправки по официальным сообщениям не будет. Об остальном хорошо бы поговорить лично. Как я рад, что дома все обстоит, кажется, ничего себе. Как хотелось бы мне увидеться со всеми вами. До свидания! Что бы ни было, а я все-таки надеюсь увидеться с вами.

А. Заулошнов.

5 декабря 1908 г.

Здравствуй, дорогие родители! Месяц назад мною было послано открытое письмо — не знаю, получили вы его или нет. По всей вероятности, не получили, так как у нас здесь относительно писем очень плохо. Поэтому повторю то, что писал в предыдущем письме. Посылка ваша мною получена, в ней находились письма и фотографическая карточка. Здоровы ли мамы? Пишите мне, а то меня сильно беспокоит ваше молчание. Мне все представляется, что у вас случилось несчастье. Я думаю, вас не обременит, если будете хоть раз в месяц уведомлять открыткой о состоянии в семье. О себе я скоро перестану и думать. Положение мое безнадежное, о перемене к лучшему, кажется, нужно бросить и мечтать. Здоровье ухудшается, а условия все те же и на многие годы останутся без перемен для меня... Вы обещались в предыдущих письмах прислать мне еще фотографические карточки. Присылайте, кроме той, которая у меня. Буду, хоть созерцая карточки, жить с вами.

Извините, что мои письма несколько сухи, и я не все пишу, не досказываю всего. Вы, вероятно, знаете, что они проходят через цензуру. А пока до свидания. Теперь дождитесь следующего письма — через месяц или через два.

Целую всех. Кланяйтесь от меня всем знающим меня. Сообщу на всякий случай свой адрес: Москва, центральная пересыльная тюрьма, камера № 39. А. Заулошнову.

Остаюсь ваш сын Александр Заулошнов.

5 января 1909 г.

Здравствуй, дорогие родители! Недели две назад мною было послано к вам открытое письмо, получили ли его? Я же получил от Лиды в конце декабря письмо, откуда узнал, что она Рождество и Новый год проведет дома, завидую

ей. В открытке я обещал вам поподробнее описать условия своей жизни, постараюсь сделать в этом письме, но поподробнее — по некоторым обстоятельствам не придется писать. Сообщу только некоторые факты.

Как я вам сообщал в 1907 г. после неудачной попытки дать себе свободу, я опять попал в тюрьму, где был посажен в одиночную камеру и закован в кандалы, в которых нахожусь и в настоящее время.

Следовательно, с сентября 1907 года приблизительно будет полтора года, и еще придется пробыть в них, по всей вероятности, с полгода. В Севастопольской тюрьме я пробыл не больше месяца, потом был отправлен в Москву, где и нахожусь в настоящее время. Сажу в общей камере. Много таких камер здесь по всей тюрьме, и выстроены они по одному образцу — шириною сажень $2\frac{1}{2}$, длиною саж. 5, вышиною около 2-х саж. К стенам приделаны железные койки в количестве 25-ти. Устройство такого рода, что на день они поднимаются одним своим концом вверх и при посредстве прута запираются на замок. День, следовательно, приходится толкаться на пространстве 10—12 кв. сажень 25-ти человекам. Вследствие тесноты можно приблизительно представить себе состояние воздуха в камере. И прибавьте ко всему этому шум и звон кандалов, в которые закованы почти все за исключением 2—3-х человек. И в таком помещении приходится сидеть не час, не два и не день, а целые годы. После этого у вас, вероятно, — и это будет естественно — напросится вопрос о здоровье. Про себя лично скажу в этом отношении, что прихварываю частенько, но серьезно не болен. Серьезно заболеть это почти равносильно смерти при здешних условиях. На днях я выписался из больницы. Болея инфлуэнцией, чувствую себя нездоровым и сейчас. Заболел, как я чувствую, оттого, что ко общему плохому состоянию в камере прибавилось в последние месяцы то, что стали каждый день мыть полы. При этом они обильно смачиваются, для более успешной просушки приходится отворять форточки, а иногда и окна. В этот момент от сырого пола пар поднимается чуть ли не до потолка. Ста-

новится сыро, как в болоте. Кроме этого, в нашей камере бывает сыро еще и оттого, что сквозь потолок с чердака протекает.

Если придется, буду писать в этом роде в следующем письме. А теперь я хотел бы вас попросить, если только вас не затруднит, конечно, пришлите, пожалуйста, мне к великому посту обыкновенной сухой воблы (кажется, она стоит в Саратове 10 коп. десятка), чай и сахар у меня бывают.

Если можно, пошлите около 10-ти фунтов, положите в обыкновенный мешочек, зашейте, напишите адрес. Целую всех вас.

Мне хочется хоть через письмо раз в месяц общаться со всеми вами.

До свидания

Ваш сын А. Заулошнов.

Еще раз целую всех, желаю всем здоровья и счастья.

Вскоре по ходатайству родителей больной Александр Заулош-

нов был переведен в Саратов, в губернскую тюрьму.

11 декабря 1909 г.

Дорогие родители!

Если можете, положите, пожалуйста, мне в контору сколько-нибудь денег. Я было отказался, но теперь чувствую в них необходимость, так как здоровье начало опять ухудшаться. Пришлите книг хоть сколько-нибудь. А пока до свидания. Целую всех вас. Ваш сын А. Заулошнов.

* * *

24 февраля 1910 года Александр Заулошнов умер в Саратове в тюрьме. Он прожил всего 26 лет. Но память о нем будет жить вечно. В Саратове есть улица его имени. На борту одного из волжских теплоходов начертано «Александр Заулошнов».

Публикацию подготовил
Ю. ПЕСИКОВ

Саратов,

Феодосии, а также штрейнбрехеров-кондукторов и раскаявшихся молодых матросов, вернувшихся в Россию. На всех остальных департамент полиции издал специальный розыскной циркуляр, в котором насчитывалось 637 человек. По численности это был беспримерный в практике русской охраны список лиц, разыскиваемых по одному делу. Их искали в России и за рубежом. В слезке за матросами охране нередко помогали русские дипломаты. Об этом свидетельствуют материалы особого отдела «О матросах-эмигрантах с броненосца «Князь Потемкин-Таврический». В нем-то и удалось обнаружить следы истории группового снимка потемкинцев.

В сентябре 1905 года жандармский офицер одесского порта отобрал у одного из вернувшихся в Россию потемкинцев фотографическую карточку матросов с броненосца и других лиц. Копии фотографии были посланы в департамент полиции и в севастопольское жандармское управление «на предмет выяснения имени и фамилии матросов под выставленными №№».

Вскоре фотография была возвращена в Одессу вместе со списком пятидесяти трех опознанных

потемкинцев. Среди них оказались такие активные участники восстания, как члены судовой комиссии матрос Е. Бредихин, строевой квартирмейстер И. Дымченко, машинист В. Кулик. Список опознанных послали в Петербург. В департаменте полиции разрешили фотографию на несколько частей, увеличили каждую часть, а затем использовали для розыска потемкинцев. В 1907 году, например, московской охране удалось выследить и арестовать нелегально приехавшего в Россию матроса Е. Бредихина. Он был осужден на пятнадцать лет каторги.

К сожалению, изображения упомянутых членов судовой комиссии остались на той части снимка, которую обнаружить пока не удалось. Что же касается этой дошедшей до нас части фотографии, то поиски привели к интересным открытиям. Так, из материалов следствия суда севастопольского военно-морского порта удалось выяснить, что матрос второй статьи Ф. Ковалев (№ 27) был хорошо осведомлен о планах

подготовки всеобщего восстания Черноморского флота, принял участие в восстании на «Потемкине». 16 июня, вооруженный винтовкой и револьвером, он находился на примкнувшем к «Потемкину» миноносце № 267, 23 июня принимал участие в попытке захватить угольные баржи в Феодосии и при этом был ранен стрелявшими с берега солдатами. В Румынии жил в городе Тульча. Ковалев — один из авторов коллективного письма пятнадцати потемкинцев к русскому политэмигранту З. Арборе-Ралли, в котором матросы, имея в виду успех революции в России, писали, что уже в 1906 году они надеются «быть свободными в свободном отечестве».

Строевой квартирмейстер И. Морозов (№ 10) 16 июня был рулевым парового катера, на котором свезли на берег почетный караул для похорон погибшего во время восстания комендора Г. Вакуленчука. В списках командования флота числился как «главарь», «один из главных зачинщиков мятежа».

Участниками восстания были матросы И. Шарапов (№ 28) и П. Никулин (№ 94). Матрос И. Суржиков (№ 66) и кочегар И. Тростонец (№ 68) после добровольного возвращения в Россию в 1916 году были осуждены на несколько лет исправительно-арестантских отделений. Из заключения их освободила Февральская революция.

Матрос К. Чубенко (№ 9), оставшийся жить в Румынии, был участником рабочего движения в этой стране.

Гальванер И. Дудин (№ 92), вернувшийся на родину в 1917 году, был членом Совета в городе Бузулуке.

Судьбы других матросов выясняются.

Такова история этой фотографии. Простые и мужественные лица... Они смотрят на нас из героического прошлого, напоминают обо всех борцах первой русской революции. 80 лет минуло, но социалистическая Родина свято чтит героев.

Ю. КАРДАШЕВ,
кандидат исторических наук

еперь — хорошо! — Старик подошел к выключателю, повернул его, и под потолком засверкала лампочка. Включил телевизор, — передачи в этот час не было, но голубые волны эфира словно плеснули в чабанский домик прохлады. Отворил дверцу холодильника, и на нас пахнуло уже самой настоящей свежестью. Старик знал, что совершает чудо, и заговорщически промолвил: — Электричество от Солнца! Теперь — хорошо!

Старик знал: сейчас гости начнут дружно восхищаться, а он скажет: «Маленько чай будем пить» — и заварит кипяток из электрического чайника. А во время чаепития прочтет гостям маленькую лекцию, суть которой в том, что очень хорошо, когда среди раскаленной пустыни, вдали от дорог и линий электропередачи, можно вот так запросто включить лампочку или насос, который поднимет воду из колодца глубины в сотню метров, напоить овец или вскипятить себе чай, в лютую жару хоть малость охладить свое жилище, а в зимний холод обогреть его. Теперь хорошо, когда в небо глядит голубой глаз установки, вырабатывающей и холод, и тепло, и двигательную энергию от Солнца. Об этом и расскажет старик: пусть знают гости, до какого времени удалось ему дожить...

...Недавно в Ашхабаде я разговаривал с известным физико-географом, специалистом по изучению пустынь, президентом Академии наук Туркменской ССР Агаджаном Гельдыевичем Бабаевым.

— Представим себе, — говорил академик, — что из космического корабля мы рассматриваем Землю. И сделаем маленькую оговорку: все пустыни видятся нам независимо от реальных оттенков желтыми. Нетрудно будет заметить, что желтых пятен на Земле немало. Из ста сорока девяти миллионов квадратных километров суши тридцать семь миллионов, то есть около четверти площади, — это пустыни. Территория, захваченная ими, в семнадцать

вращения солнечной энергии в другие ее виды...

...Мне и раньше не раз приходилось бывать на площадке вблизи Ашхабада, в местечке Бекрава. Первый раз случилось это ровно двадцать лет назад, в пору самого крутого солнцепека, в разгар июля. На выжженной, голой площадке стояли металлические зеркала по несколько метров в диаметре. Полированные их поверхности нестерпимо сверкали на солнце, а в скудной тени наскоро собранных навесов у столов с приборами трудились люди — кто в легких рубашках, кто в майках, в газетных шапках на головах или скрученных и смоченных водой платочках, тут же высыхавших...

Сейчас непросто узнать в разросшейся и основательно застроенной территории объединения ту скромную лабораторную площадку. Но зеркала показались мне прежними, в их вогнутых боках отражались перевернутые теплицы, экспериментальные дома, многочисленные установки, назначения которых без комментариев специалиста нельзя было угадать, и прозрачные трубы, наполненные текучей зеленой массой, — установки для выращивания хлореллы. Лариса Евгеньевна Рыбакова, заместитель генерального директора научно-производственного объединения «Солнце», доктор технических наук, терпеливо вела разъяснения, во что и как «переплавляется» тут Солнце. А оно на одной установке резало металл, на другой обращало свое тепло в холод, на третьей училось поднимать из колодца воду, подальше — выращивало зеленую водоросль, а где-то просто прогревало теплицу или воду для душевой установки, то есть занималось самой прозаической, но такой необходимой в пустыне работой. Пожалуй, Солнце тут превращалось во все — в питье для овец и в корм для крупного рогатого скота, в зреющие по весне помидоры и в жидкие капли металла. Во все, кроме электричества. А в эле-

кой автономный гелиокомплекс обеспечит жизненные потребности человека в пустыне... И такой комплекс существует не только в проекте. Поезжайте в Черкезли...

Асфальтовая лента дороги, а возле пески... Ну пески и пески, тоже относительно ровные да гладкие. Кое-где перехваченные травой да кустиками растений, а где голые, но все равно нестрашные и нековарные... если глядеть на них с асфальта. Но путь наш вскоре сворачивает в сторону, шоссе остается позади, а дорога уже петляет с кочки на кочку, с бархана на бархан. Мотор резко взвывает, одолевая кручу, и тут же машина стала как вкопанная: шофер с маху нажал на тормоза. Дорога куда-то исчезла, и «уазик» повис словно над пропастью. Впрочем, никакой пропасти нет, просто намело новую сопку с крутым склоном и похоронило наезженную дорогу. И вот мы сползаем вниз и снова карабкаемся на кручу, и снова вниз, и опять наверх...

— Нам еще хорошо — пустыни едем, — замечает мой спутник Велиназар Агаджанов, заведующий лабораторией экспериментальных испытаний объединения, или, говоря проще, хозяин комплекса в Черкезли, — а как по таким дорогам воду везти? А еще везут каждый день во многие точки, где пасутся отары... Не дай бог, что случится с водовозкой в жару — быть беде. И людям и овцам не поздоровится.

Наша опреснительная установка дает четыре кубометра воды в сутки, дистиллированной, чистойшей. А овцам годится и солоноватая вода. Смешивая дистиллят в определенной пропорции с соленой, мы получаем питьевой воды несколько больше. И все это без затрат бензина, транспорта, нервов, — заключает Велиназар.

Поплутав, дорога наконец приводит нас на научный полигон, который встречает прежде всего беспорядочным блеянием овец. Они шумно обтекают привычное им, но так контрастно выделяющееся в пустыне сооружение

**пути
научно-
технического
прогресса**

РАБОТАЕТ

**Лев ШЕРСТЕННИКОВ,
специальный
корреспондент «Огонька»
Фото автора**

СОЛНЦЕ

раз больше, чем вся пашня такой огромной страны, как наша! Это бы еще ничего, если бы пустыня не наступала на плодородные земли, не происходил бы процесс опустынивания. Но солнце пустыни из недруга можно превратить в союзника человека, заставить его и поить землю, поднимать из колодцев воду, опреснять ее, использовать его энергию взамен дров. А энергия Солнца в отличие от энергии не только дров, но и каменного угля и нефти возобновляема. Каждый год миллионы и миллиарды лет Земля получает свою порцию солнечной энергии. И порция эта огромна. Мощность излучений, которые приходят к Земле от Солнца, двести тысяч миллиардов киловатт. А мощность всех электростанций земного шара, где в значительной мере сосредоточено наше энергетическое могущество, один миллиард киловатт, — как видите, силы несоизмеримы, природа в двести тысяч раз мощнее человека. И не случайно в «Энергетической программе» страны впервые уделено серьезное внимание солнечной энергии.

Туркмения — одна из самых солнечных республик нашей страны. И неудивительно, что именно здесь работает Институт солнечной энергии, на базе которого в 1981 году создано и научно-производственное объединение «Солнце». Они и решают вопросы энергетического дефицита, исследуя пути использования и пре-

вращения солнечной энергии в другие ее виды...
...Мне и раньше не раз приходилось бывать на площадке вблизи Ашхабада, в местечке Бекрава. Первый раз случилось это ровно двадцать лет назад, в пору самого крутого солнцепека, в разгар июля. На выжженной, голой площадке стояли металлические зеркала по несколько метров в диаметре. Полированные их поверхности нестерпимо сверкали на солнце, а в скудной тени наскоро собранных навесов у столов с приборами трудились люди — кто в легких рубашках, кто в майках, в газетных шапках на головах или скрученных и смоченных водой платочках, тут же высыхавших...

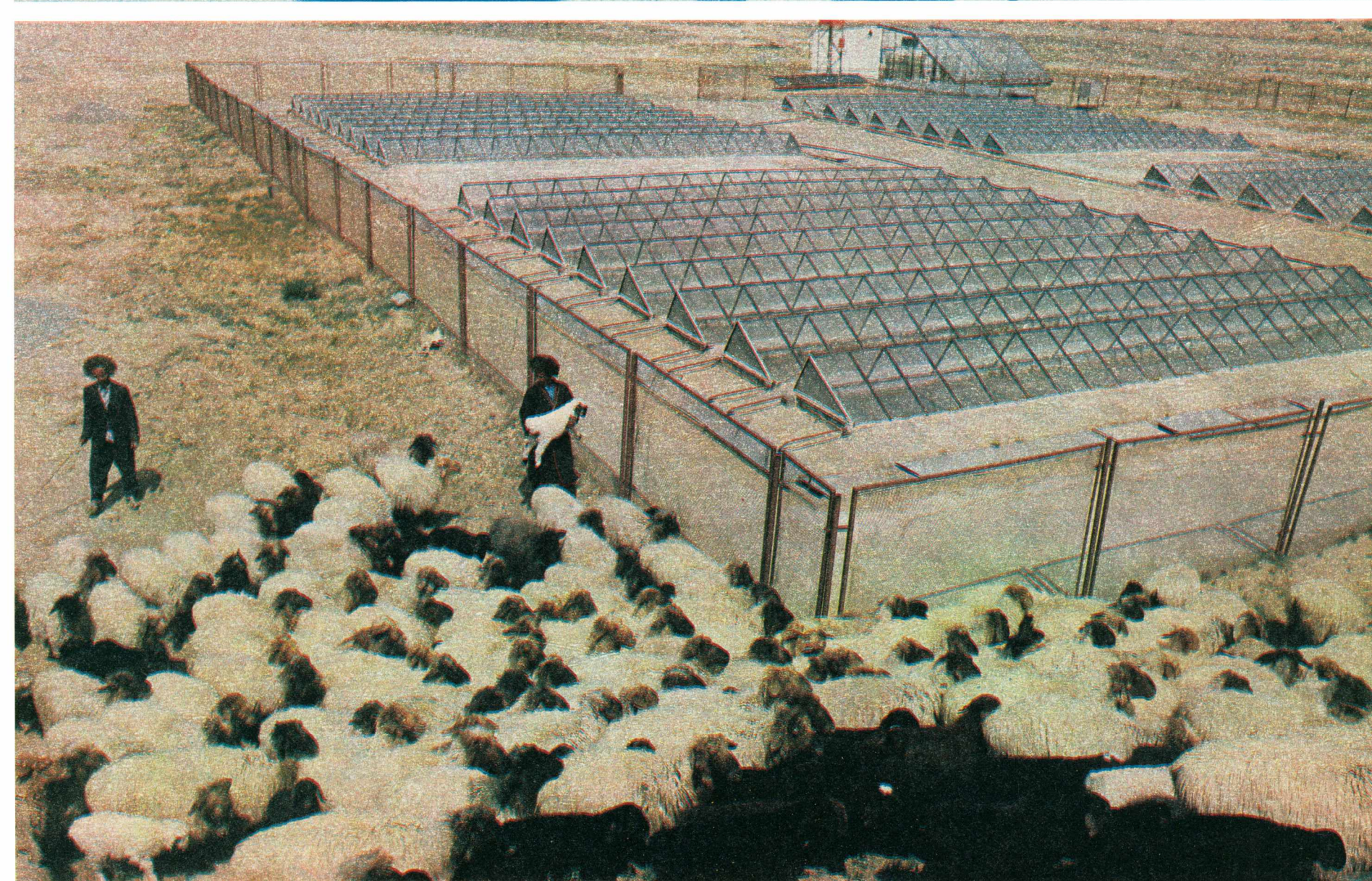
Сейчас непросто узнать в разросшейся и основательно застроенной территории объединения ту скромную лабораторную площадку. Но зеркала показались мне прежними, в их вогнутых боках отражались перевернутые теплицы, экспериментальные дома, многочисленные установки, назначения которых без комментариев специалиста нельзя было угадать, и прозрачные трубы, наполненные текучей зеленой массой, — установки для выращивания хлореллы. Лариса Евгеньевна Рыбакова, заместитель генерального директора научно-производственного объединения «Солнце», доктор технических наук, терпеливо вела разъяснения, во что и как «переплавляется» тут Солнце. А оно на одной установке резало металл, на другой обращало свое тепло в холод, на третьей училось поднимать из колодца воду, подальше — выращивало зеленую водоросль, а где-то просто прогревало теплицу или воду для душевой установки, то есть занималось самой прозаической, но такой необходимой в пустыне работой. Пожалуй, Солнце тут превращалось во все — в питье для овец и в корм для крупного рогатого скота, в зреющие по весне помидоры и в жидкие капли металла. Во все, кроме электричества. А в эле-

опреснителя, — спешат на водопой. Поодаль белеет чабанский домик, высится ветряк — пусть и ветер работает в паре с Солнцем, заряжает аккумуляторы. Протягивает руки пастух — поздороваться с гостями. «Сейчас маленько чай будем пить, — думаю я, — Солнце вскипятило его...»

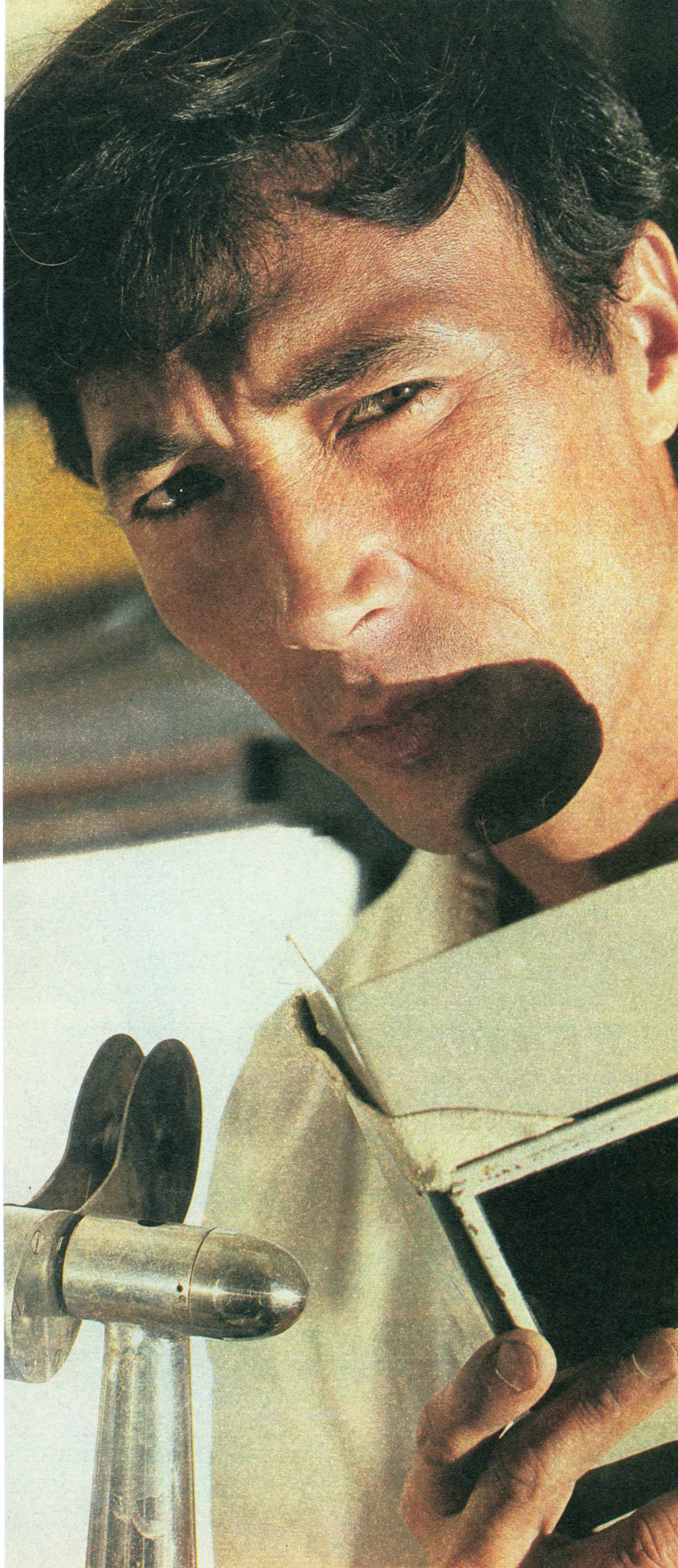
...Уезжая из Ашхабада, узнаю, что начато строительство и первой в республике гелиокотельной для восточной части города. Что ж, Солнца хватит всем, работы оно не боится.

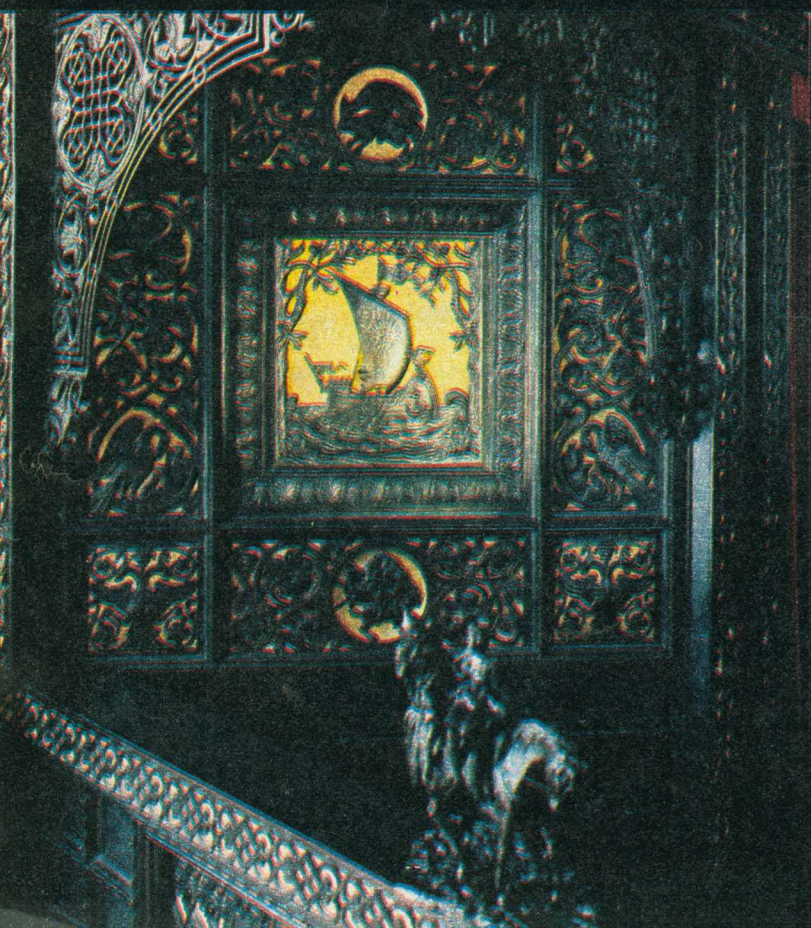
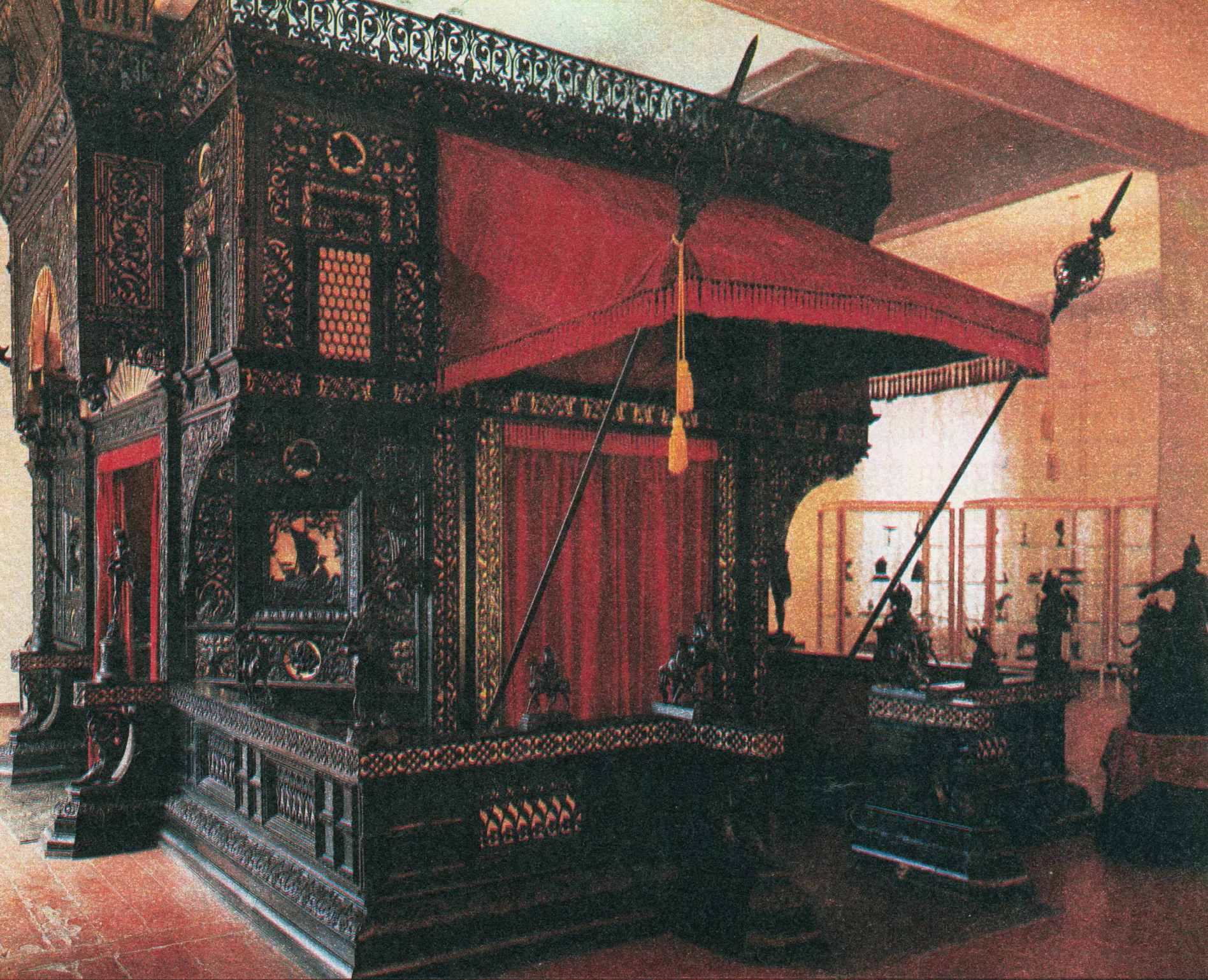
В этих прозрачных трубах Солнце выращивает хлореллу — ценную белковую добавку к корму животных. А нижнее сооружение, похожее на теплицу, скот поит, превращая с помощью того же Солнца горькую соленую воду в «сладкую» — питьевую.

НА РАЗВОРОТЕ ВКЛАДКИ: Древнейшая обительница пустыни тоже «работает» на солнечной энергии: холодно — кобра «спит», разогрело Солнце кровь — берется * А сколько сил «потратило» Солнце, чтобы взрастить этот привычный нам плод!! * Лучи, собранные зеркалом в пучок на установке, на которой работает инженер Джума Ханов, легко плавят даже металл!

УРАЛЬСКОЕ ЧУДО

Ч

угун — это что? Заглянем, как водится, в словарь Даля: «первая выплавка из железной руды, из коей... добывается железо». Еще чугуном литой чугунный горшок называют, который ухватом в русскую печь ставят, а чугунок в старину железную дорогу именовали. Чего-чего, а поэзии здесь, как видим, не много.

Но живут на Южном Урале, у берегов Каслинского озера, потсменные мастера, для которых чугун не косное сырье для последующих железоделательных процедур, а совершенный в своем роде пластический материал для создания предметов настоящего искусства.

Это их деды и отцы отливали поразительные по изяществу творения: миниатюрные копии коней Клодта, что украшают Аничков мост в Ленинграде, узорчатые канделябры, забавных длиннохвостых чертей и чертенят, кружевные блюда и даже изделия ювелирные, которые обычно делают из золота, платины, серебра, — перстни, броши, серьги, ожерелья, табакерки, пользовавшиеся неутолимым спросом на мировом рынке. В Париже литой чугунный каслинский портсигар ходил в той же цене, что равный ему по весу серебряный. Потому-то с откровенной гордостью писал Павел Бажов в сказе «Чугунная бабушка»:

«Против наших каслинских мастеров по фигурному литью никто выстоять не мог. Сколько заводов кругом, а ни один вровень не поставишь».

Три тонкости, говорят на Урале, принесли

всемирную известность блистательным произведениям Каслинского завода: тонкие мелкозернистые чугуны, тонкие формовочные земли и умелые руки формовщиков, литейщиков и чеканщиков.

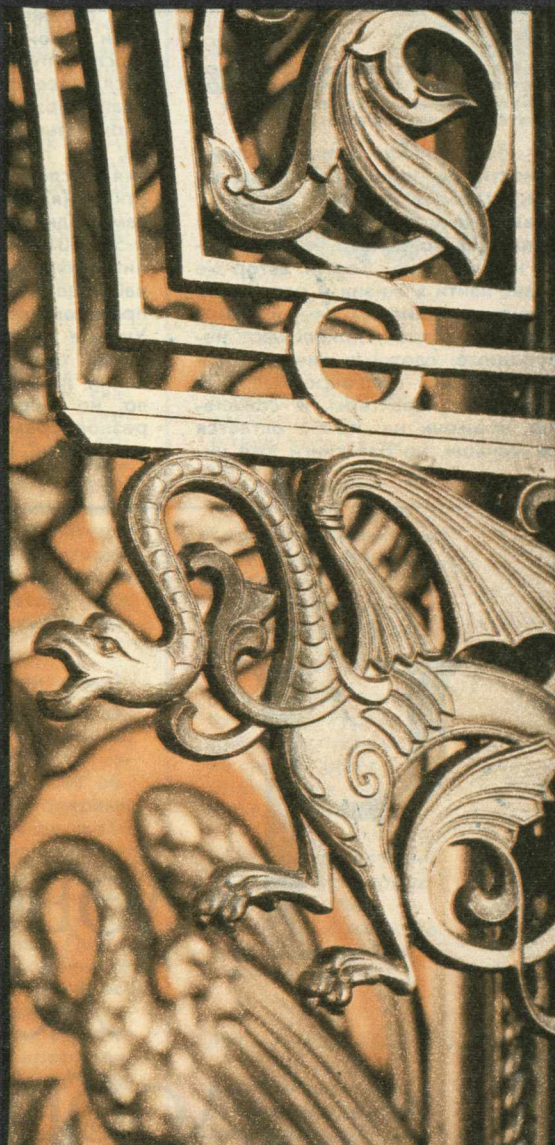
Самым же великолепным и вершинным творением каслинских мастеров справедливо считается чугунный павильон, уникальный экспонат Свердловской картинной галереи.

Каслинский завод был основан в 1747 году, но лишь в начале прошлого века там зародилось художественное литье. Чугунный павильон, фрагменты которого вы видите на этих страницах, был изготовлен для Всемирной выставки в Париже 1900 года по проекту русского архитектора Е. Е. Баумгартена. Павильон был признан шедевром литейного искусства. По отделу горного дела и металлургии ему была присуждена высшая награда — Гран-при.

...При первом взгляде на павильон кажется, что невозможно разобраться в его прихотливых хитросплетениях, в изящных орнаментальных кружевах, в живописной игре сверкающих бронзовых бликов и густых темных теней, во всей этой гигантской чугунной паутине почти пятиметровой высоты. Но постепенно замысел создателей проясняется, и мы видим среди ветвей плодовых деревьев птиц Гамаюна и Сирина, сюжеты из искусства древней Руси, фантастических драконов и рыб, сказочные дурман-цветы... Парадность и торжественность фасадной части павильона усилены тяжелым бархатным балдахином, поднятым чугунными пиками и отдаленно напоминающим входы в древние походные шатры...

Когда погасли огни Всемирной выставки, детали павильона были доставлены из Парижа в Касли и... свалены в заводском дворе как ненужный лом. Многие детали были утеряны, разбиты... И только полвека спустя под руководством Семена Михайловича Гилева начали восстанавливать по старым фотографиям, отдельным деталям весь павильон.

В наше время каслинское литье украсило мосты и метрополитен Москвы, чугунные величественные знамена венчают шлюзы Волго-Донского канала имени В. И. Ленина. Во многих городах Урала можно встретить памятники героям, павшим за революцию, мемориальные решетки, чугунную вязь оград и решеток — творения золотых рук каслинских мастеров.

Касли. Цех художественного литья * Чеканщик Александр Михайлович Зацепин.

Фото Н. РАХМАНОВА

Александр ВИХРЕВ

как слово наше отзовется

— Быть может, начнем с вопроса не к писателю, а к читателю Олжасу Сулейменову: что вы ищете и любите находить в книгах?

— Ищу прежде всего крупные личности. Во-первых, личность автора, которая обычно видна с первых же страниц. А если сразу незаметна, то дальше читать просто неинтересно. Серый автор не может найти в жизни и рассказать тысячам, миллионам людей что-то яркое. Во-вторых, привлекают незаурядные, сложные личности героев, живые, полнокровные, неожиданные характеры. К сожалению, времени на чтение остается все меньше, но без книги уже ни-

мени — «Знак беды» Василия Быкова. Читал, забыв обо всем...

— Что для вас поэзия: возможность исповедаться или возможность проповедовать?

— Наверное, и то, и другое. Я как-то не очень задумывался над этим. В поэзии, пожалуй, искреннее, чем в прозе, проявляется личность автора, поскольку там лирический герой есть, как правило, отражение этой личности. И если герой вял, немощен, тускло мыслит, пусть даже лихо выражается, — все сразу заметно. В этом плане поэзию и читать легче, и «показаться» в ней вроде бы легче, но... Не знаю почему, но поэзия последних лет не дарит нас открытиями. Нет такой россыпи самородков, какие были, скажем, в 50—60-е годы во всех советских литературах. Это не только мое наблюдение, и критикам еще предстоит осмыслить это явление. Ученые считают, что талантливых людей рождается в каждом поколении примерно одинаковое число, но выразиться они могут в разное время с разной степенью активности. Наверняка где-нибудь

чтобы ко мне пришел человек, способный снять гениальный фильм. Не дождался. Теперь я думаю, что некоторые администраторы просто мечтают «бороться» за талантливое. Но обычно приходится мириться с серостью. Кино- и книгоиндустрии обязаны давать продукцию каждый день. Но не каждый день приносит современные, талантливые вещи.

— А что такое, на ваш взгляд, современный фильм, спектакль, современная литература?

— Качество творчества всегда определяется сознанием и талантом. Если писатель с сегодняшним планетарным сознанием написал о шумерах — эта книга для меня современна. Все, что воспитывает во мне личность, заставляет задуматься о проблемах завтрашних или нынешних, о будущем человека, все это для меня современно. Современен «Дон Кихот», Гоголь современен, Есенин, Абай или Островский с его пьесами о давным-давно канувшем в прошлое купечестве... Можно написать о цветах или, скажем, о муравье и быть остросовремен-

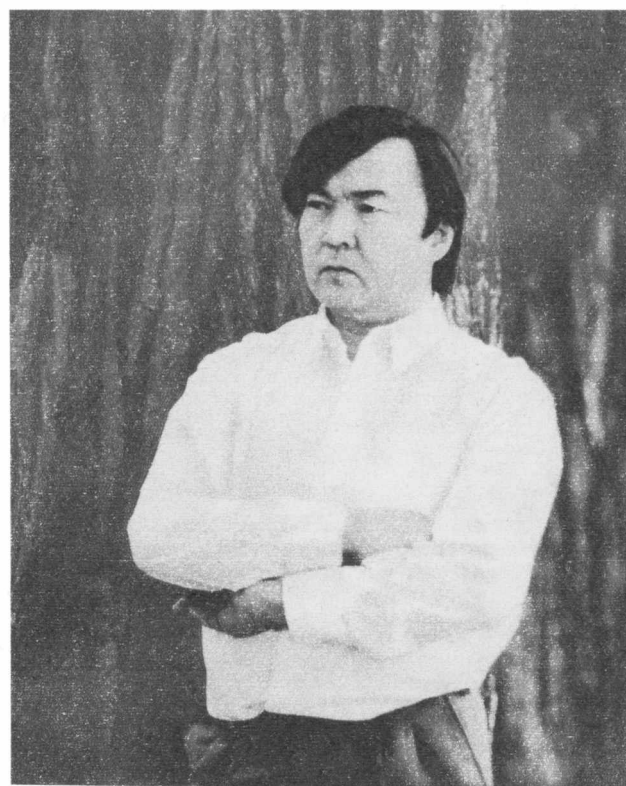
его читатель. Еще в четвертом классе заюгом прочел двенадцать его томов — все, что было тогда в нашем доме. Прочитывал том и относил его в свой 4-й «А», чтобы другие прочли. Потом следующий — и так до двенадцатого. Детской литературы тогда не хватало, и мы учились по Толстому. Благодаря ему понял: писать надо, не упрощая и не усложняя намеренно. Искренне, как для себя.

— Какое событие в биографии вашего поколения кажется вам наиболее значительным?

— Я не могу привыкнуть к одному апрельскому дню 1961 года, когда я узнал, что Юрий Гагарин в космосе. Этот день стал не просто потрясением, а настоящим переворотом в сознании. И не только в моем. В этот день все люди вдруг поняли, что они не просто, скажем, американцы, китайцы, русские, казахи или французы, не просто люди, а ЗЕМЛЯНЕ. Один факт сразу сплотил всех. Земляне как-то ясно вдруг поняли, что все они на одном космическом корабле — на Земле. Но человек вскорости начал это забы-

Человечество должно добреть

Олжас СУЛЕЙМЕНОВ

как не обойтись. Поэтому читаю избирательно, не все подряд. Иное приходится читать профессионально, невольно следя за стилем, наслаждаясь или огорчаясь языком, приемами и техникой письма. Такие книги пробуждают во мне редактора. Когда же книга заставляет забыть об этой редакторской привычке, когда читаю по-детски взахлеб, тогда понимаю: попалось что-то настоящее. Такие книги всегда меня волновали и будут волновать. Они пленяют сразу и бесповоротно, они вовлекают в свой мир, не спрашивая твоего разрешения, заставляют переживать вместе с их героями, сочувствовать им, любить или ненавидеть их, они будят в тебе совесть. Это для меня настоящая литература. Одно из ярких читательских впечатлений последнего вре-

сейчас бродит новый Пушкин или, допустим, Абай. Проявят ли они себя? Не знаю, да и никто не знает. Мне кажется, что когда не проявляется Поэт, то не выражается в полной мере и народ, не проявляется время, эпоха, страна... Поэтому устранять какие-то препоны, мешающие такому проявлению, самовыражению яркой личности, есть задача политическая, социальная.

Чтобы не плодилось серое безличие...

Когда я работал в кино сценаристом, редактором, я полагал, что многое зависит от администратора. Потом я стал главным редактором и даже на какое-то время председателем Госкино республики, то есть как раз администратором. Хотел дать дорогу необыкновенным произведениям, мечтал,

История литературы доказывает, что самое современное и по теме, и по средствам может воспитывать пещерное сознание.

— Наш сегодняшний читатель умный, чуткий, мыслящий. Он не любит откровенной дидактики, лобовых нравоучений. Труднее ли стало писать для такого читателя?

— Лев Николаевич Толстой пытался писать специально для крестьян облегченные рассказы, полагая, что «Война и мир» или «Анна Каренина» доступны пониманию лишь элиты. Ту литературу для крестьян помнят теперь лишь специалисты, зато остальное читается массами. Я бы сказал: весь читающий народ стал элитой. Когда-то я об этом уже говорил. И нашлись критики, увидевшие в этом примере проявление неуважения к Толстому. Я преданный

вать. Опять мы делимся, опять мы врозь. Однако судьба-то у нас у всех одна, и от этого никуда не деться.

— Не потому ли тревога за судьбу планеты не оставляет писателей? Не потому ли тема минувшей мировой войны, принесшей столько горя землянам, по-прежнему актуальна?

— С тех пор, как люди осознали себя людьми, они не устанут задавать себе вечные вопросы: кто мы такие? Куда идем? Что нас всех ждет впереди? Эти вопросы современные и теперь. Но появился и еще один, пожалуй, главнейший. Хватит ли у нас общего разума, чтобы попросту физически выжить, чтобы не уничтожить самих себя? Если мы не ответим утвердительно на последний вопрос, то

остальные задавать будет некому. Литература сейчас может выражаться только через общую боль, через ощущение той смертоносной качки, которой подвержен наш общий корабль-земля.

— В вашем «Муравье» я прочел: «Много миллионов лет человек был смиренным рабом природы, поклоняясь всему, что постиг он был не в силах. С первой геометрической фигуры, которую он начертил на песке, начался Великий бунт человека. Сегодня человек достиг небывалого, он может посмотреть на себя, землянина, с другого космического тела...». Действительно, человек стал почти всемогущим, и теперь уже существование самой природы во многих случаях зависит от его разума и знаний. Что вы думаете о наших отношениях с окружающей средой?

— Думаю, что они пока не идеальны. С одной стороны, природе нет дела до наших забот, и, не спрашивая нашего согласия, она посылает суховей на поля, страдающие от жажды, или, напротив, ливень туда, где и так сухого места не осталось. С другой стороны, человек подчас бесцеремонно вторгается в окружающую среду, что нередко приводит даже к экологическим катастрофам. Где же выход? Ясно, что прошлое невосвратимо и рабом природы человеку уже никогда не быть. Он и в дальнейшем неизбежно будет вмешиваться в дела природы: добывать уголь, нефть и прочие полезные ископаемые, (пока они есть), орошать пустыни и осушать болота, рубить леса и строить плотины. Важно при этом не перейти грань разумного, не навредить природе бесповоротно. Но кто подскажет, где она — эта грань? Человек ведет диалог с природой с помощью экспериментов, рывками подвигаясь вперед в познании. Это и есть проявление разума. Чем точнее рассчитан рывок-эксперимент, тем меньше вероятность ошибки, тем дружелюбнее диалог. Ни на миг нельзя забывать, что природа — живой организм, остро реагирующий на наше вторжение. Решили, например, отгородить знаменитый Кара-Богаз от Каспия глухой плотинкой, мотивируя тем, что слишком много воды теряет море, что образованию мирабилита в отрезанном заливе это не повредит. Оказалось, повредило, да и морю особой пользы не принесло. Пришлось плотину разгоразживать...

Выгоды мелиорации доказывать не приходится. В наших южных, засушливых районах вода — это жизнь. Но при одном условии: если соблюдаются все правила водопользования. В иных же местах у нас тратят на полив вдвое, втрое воды больше, чем требуется. От этого лишь вред — земли заболачиваются, засоляются, выходят из строя, то есть люди наносят урон не только сами себе, но и окружающей среде. Значит, и здесь важна мера разумного, хотя меру эту начинают узнавать, когда уже мерить нечего. Создается впечатление, что в последние годы слишком щедро тратились воды Амударьи и Сырдарьи. Там, где вода всегда измерялась каплями, внезапное половодье не всегда полезно. Не только для земли. Однажды мы с Робертом Рождественским вели семинар молодых поэтов. Обсуждали рукопись начинающего туркменского поэта. Рождественский сказал, что в стихах много воды (в том смысле, естественно, что они еще незрелы, несовершенно). Но видели бы вы, как обрадовался,

просил тот туркмен. Ему просто трудно было представить, что вода может повредить даже стихам. Такая оценка могла расстроить волюгодского или полесского поэта, но не туркмена. Но если в стихах ошибки исправить проще, то природе наши промахи так просто не прощает. Поэтому призыв беречь природу я ощущаю как призыв к действию.

— Вероятно, к вам обращаются молодые поэты с первыми стихами. Что чаще всего приходится им отвечать?

— Говорить правду. Но двери в литературу я никому не закрываю. Увидев, допустим, явные пробелы в знаниях, стараюсь объяснить: неграмотному человеку в поэзии жить трудно. Поэтому читать — читайте. Писать — пишите... Для себя. Когда человек сидит над тетрадкой, я полагаю, он так или иначе совершенствуется, формирует свою личность. Другое дело, что его писания пока интересны только ему самому. Поэтому я говорю: придите лет через пять, посмотрим, что получится, а пока поучитесь поэтическому ремеслу. Но работа в поэтической мастерской оказывается слишком тяжелой. За все годы лишь один человек пришел ко мне вторично после подобной рекомендации. Пришел через несколько лет, и я с радостью обнаружил в нем проблески дарования...

Всегда помню, как я сам впервые пришел к Поэту с тетрадкой стихов. Дело происходило в Москве. Поэт просмотрел мои стихи, расспросил меня, кто я и откуда. Потом сказал: «Геолог, говоришь? Хорошая профессия, вот иди и приноси людям пользу, а о стихах забудь. Не получишься». Два других поэта — Леонид Мартынов и Борис Слуцкий, прочтя ту же тетрадку, сказали: «Получится!» Ободрили меня, поддержали, помогли впервые напечататься. С той поры я опасаясь быть категоричным.

— Какая из черт человеческого характера вам импонирует более всего?

— Доброта. У казахов есть пословица — мудрость, сформулированная как постулат морали: «Если встретишь человека, обрадуй его, может быть, ты видишь его в последний раз». Это выражение бескорыстной доброты. Обрадуй человека не потому, что завтра, быть может, он тебя обрадует, а просто потому, что встретил его. Если каждый из нас будет по утрам просыпаться с такой мыслью, то уверен: в мире исчезнут войны, насилие, черная зависть, оскорбление достоинства, раздоры, исчезнет зло. Человечество должно добреть. Вот к этому мы, писатели, обязаны призывать своего читателя, к этой вере, к этому сознанию. Это, конечно, идеал, его трудно достигнуть, но мы постоянно к нему стремимся. Стремимся с того дня, как вошли в новую эпоху из всех пластов истории — из капитализма, феодализма. И все, такие разные, приняли один старт. И все одновременно двинулись, все разные — к одному высшему сознанию, на ходу переделывая себя. Это очень сложный и непростой процесс. Но даже за очень короткий промежуток истории мы преодолели громадный путь, равный векам. Без преувеличения. Сейчас новое сознание характерно для многих. Верю — такое сознание будет все-

общим. Человечество должно добреть...

— Насколько существенной вам представляется проблема признания, успеха, популярности писателя?

— Каждому человеку важно знать о результатах его труда. Признание писателя, его популярность — это результат его работы. Если твою книгу читают, если она вызывает интерес, значит, ты не зря называешься писателем. Наша жизнь — это постоянное взаимодействие с читателем, потому что книга начинает жить лишь тогда, когда обретает своего читателя. Как писатель узнает об этом? По читательским письмам. Вдруг получаю письмо с Сахалина, из Эстонии, Азербайджана, из Франции... Конечно, приятно и радостно. Значит, книги мои живут, путешествуют, значит, не зря работаю.

— Как вы относитесь к критике?

— К сожалению, редко удавалось встретиться с настоящей профессиональной критикой. Не скажу объективной, поскольку таковой критика просто быть не может, ибо она не наука. Критика в моем понимании — это профессиональный читатель прежде всего. А потом уже философ литературы. Но иным нашим критикам не хватает именно читательского мастерства. А без этого все остальные его достоинства бесполезны, если не вредны.

— Критикуют ли вас читатели?

— Бывает, и еще как. Кстати, такую критику признаю и принимаю. Читательские письма... Это то самое, что мы называем сейчас обратной связью. Эпистолярный жанр исчезает, все меньше люди пишут друг другу. Увы, писатели не исключение. Общаемся по телефону, торопимся. А письма требуют напряжения ума, работы души, остановки внимания. Пишут люди очень знающие, подлинные ценители литературы, прочитавшие тысячи книг. А какой интереснейший в этих письмах проследивается социальный, нравственный разрез общества. Давно мечтаю издать избранный том писем моих читателей. Просто мечтаю. Или другое: разве не интересно при переиздании какой-либо книги приложить к ней десяток, другой читательских писем, чтобы проследить, как работает книга.

— Что бы вы пожелали своим детям?

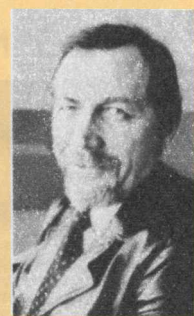
— Стать хорошими читателями, кроме, разумеется, пожеланий доброго здоровья. Чтение книг — это ведь форма общения с человечеством, с накопленной им за многие века мудростью. Мне больно смотреть, что классическую литературу мои дочери познают все больше по телевизору. Получается какое-то усеченно-ящичное, поверхностное знание, вызывающее такие же поверхностные чувства. Убежден, что только литература способна воздействовать глубоко и мощно на культуру чувств и мыслей, пробуждая в читателе талант. Только настоящая литература.

— Что бы вы пожелали самому себе?

— Новых книг, новых изданий. Для меня счастье — прочитать хорошую книгу, но трижды счастье — написать ее.

Беседу вел Ю. ЛУШИН

Борис КРОНИН

ВЫСОТА

ПЛАНЕР

Как птица белая, крылами-стрелами чертя простор и тишь застойную, над степью знойною кружит планер.

Сорвется камнем вниз, упруго взмоет ввысь — лиха игра. Всегда опасен путь, но неизменна суть: искать ветра.

Под облаком один, не грохоту турбин — рулям послушный, из синевы отлит, он тянется в зенит, пера воздушной.

Когда он на земле — подранком на крыле лежит, забытый. Лишь там, где высота, и смысл, и красота в планере слиты.

ДУБ, РАНЕННЫЙ МОЛНИЕЙ

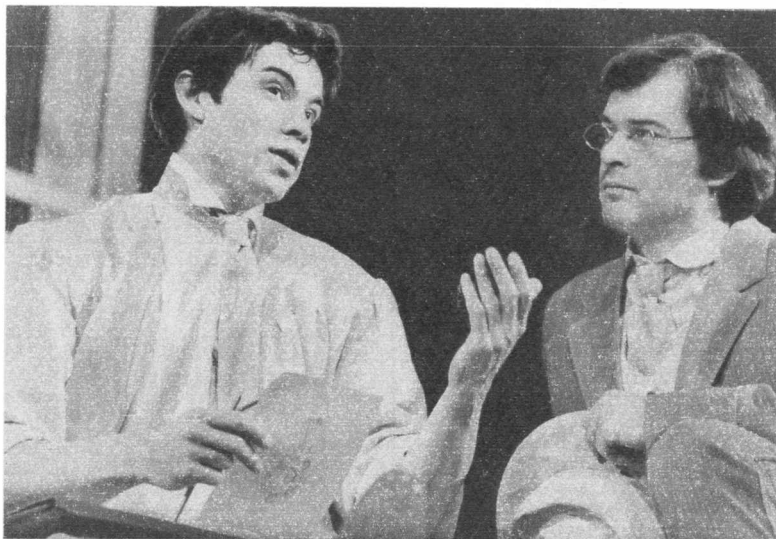
В Останкинской дубовой роще стоит корявый темный дуб. В нем выжжен угольный проруб: разряд был пламенен и туп, но не сломил столетней мощи. Ровесников теснится строй вокруг — бесцветных и зеленых, — а он, до сердца пораженный, закрыл полнеба пышной кроной, хоть держится одной корой.

Меня, какой не знаю силой, всегда тропа к нему ведет. Он выше и мощней растет, как будто яростней живет с тех пор, как громом опалило...

Немного о многом можно знать. Но лучше, если много о немногом: ведь на немногом многого печать видна тому, кто зорек оком.

Немного о многом говори и многим будь немногому обязан. Помногу над немногим не мудри, на многое умей решиться разом.

ТУРГЕНЕВ НА СЦЕНЕ МАЛОГО ТЕАТРА

А. Коршунов в роли Шубина и А. Овчинников — Берсенева.

Фото А. Косинца.

Спектакль по роману И. С. Тургенева «Накануне», поставленный режиссером В. Седовым на сцене филиала Малого театра, представляется самостоятельным, серьезным ответом на те тенденции в решении классики, о которых так много и горячо говорили и спорили в последнее время.

Естественно, что цель режиссера была художественная, а не театро-эстетическая. Он захотел раскрыть

перед зрителями живую душу тургеневских характеров. Ясный, гармоничный, негромкий, музыкальный, внутренне напряженный строй его спектакля невольно противопоставит иным внешне эффектным композициям «по мотивам» классики. Лукавство определения «по мотивам» заключается в том, что режиссер защищает своего рода «охранной грамотой»: он ведь и не ставил перед собой задачу

сколько-нибудь полно отразить смысл великого произведения, а разыграл лишь «вариации на тему».

В. Седов сам написал инсценировку для постановки «Накануне». Трудность для режиссера и актеров заключалась в том, чтобы средствами театра восполнить неизбежные при этом потери и передать тургеневскую атмосферу, включив зрителя в сотворчество, способное раздвинуть горизонты сценического действия. И главная удача спектакля в том, что в основе своей это получилось.

Сценография О. А. Твардовской и В. А. Макушенко контрастна: залитая солнечным светом беседка на даче в Кунцево сменяется заброшенной часовней на фоне темного, глубокого пространства сцены — здесь придет к Елене счастье и решится ее дальнейшая жизнь; несколько парадная и в то же время обжитая гостиная в московской квартире Стаховых резко отличается от бедной комнаты, которую снимает Инсаров.

Молодых людей играют молодые актеры, и мы верим словам Инсарова: «Наши глаза молодые — глядят далеко». Слова эти важны для данного спектакля, они связывают Елену и Инсарова с Шубиным и Берсеневым, заставляют по-новому увидеть это своеобразное молодое братство. Ведь каждый из них накануне — в преддверии главного дела своей жизни. «Найти себя» всегда было руководящей идеей Тургенева. При такой трактовке выбор Инсаровым и Еленой их жизненного пути предстает как естественная

для них потребность. Понимание героизма наполняется многообразным и современным смыслом.

А. Харитонов в роли Инсарова лишен внешних примет исключительной личности. Он прост, мягок. Слова о готовности бороться за независимость своего народа он произносит без всякого подобия декламационного пафоса, несколько даже стесняясь того, что они могут быть восприняты как «громкая фраза». Серьезный разговор о себе он ведет совсем по-домашнему, присев на корточки; от растерянности, когда его знакомят с Еленой, забывает снять шляпу; играет вместе с Берсеневым и Шубиным в чехарду... В любви к Елене прорывается его до сих пор сдерживаемая страсть.

Елена в исполнении И. Печерниковой — центр спектакля. К ней тянутся все его нити. Роль построена так, что зритель может проследить развитие сложного, привлекательного характера. Это тонкая, изящная актерская работа. И все же в ряде сцен хотелось видеть Елену более счастливой. Тогда трагичнее прозвучит финал спектакля, Сейчас тему счастья, важную, кстати говоря, для Тургенева да и для режиссерского замысла В. Седова, несет в себе прежде всего Шубин — А. Коршунов.

Шубин в его исполнении обаятелен, полон неистраченных жизненных сил. Кажется, что он занят только собой, однако у Шубина обостренное восприятие людей и событий. Увлечение Еленой постепенно переходит в восторженное преклонение перед ней. Как верно подмечено актером, восторг этот — восторг артистической природы, способной загораться...

Спектакль имеет успех. Особенно дорого то, что нравственные проблемы, социальное звучание прозы Тургенева, тонкая духовность внутреннего мира его героев находят отклик у современного зрителя.

Н. ЛИТВИНЕНКО

ПЕСНИ ВОЛЖСКОЙ СТАНИЦЫ

— Ну всё, живем! — прямо с порога сказала Мария Федоровна Рудова. — Наш запевала в санаторий только осенью поедет. Все лето петь будем!

Новость эта была принята участниками фольклорного хора волжских казаков Волгоградского Дворца культуры имени Ю. А. Гагарина с радостью. А сам запевала — восьмидесятилетний Петр Филиппович Чмелев, гордый и чуть смущенный всеобщим вниманием, походил в этот момент на именинника.

Конечно, без Петра Филипповича хорошей песни не сладить. Мужчин в хоре — только он и Алексей Иванович Кузнецов, ровесник. Но ведь не зря говорят: настоящий казак один семерых стоит. Когда перед выступлением наденут свои боевые награды, на боку сабля как жар горит — brave еще солдаты!

Полное название хора — «Волжский казачий хор бывшего Астраханского казачьего войска». Все самодеятельные артисты из одной старинной волжской станицы Суводская, все они либо земляки, либо родственники.

...Начали с распевки. Чинно расселись друг против друга, вроде и не в зале они, а в просторной горнице, за большим крестьянским столом. Повел Петр Филиппович: «Прощай, премилая станица и Волга-матушка река, прости, красавица девица, меня, молодого казака...»

Легко, раздольно понесли старые казачьи песни. Обо всем в них пелось, что веками дорого и свято было казаку: о службе воин-

ской, о Волге-матушке, о верном товарище — боевом коне: «Как на тихом на Дунае коней напугали, кони пьют, в землю бьют, дороженьку чуют...»

Кажется, что вобрали в себя эти напевы и светлые волжские дали, и пряный, дурманящий запах степного разнотравья. Льется-переливается песня, сильная и вольная, как народная душа. Замрет на мгновение на высокой, звенящей ноте и вновь обрастает голосами, крепнет, мужает. И такая сила и чистота таятся в ней, будто идет ее первородство от самой земли.

— Давайте, давайте на сцену, — заторопила всех неугомонная староста Мария Федоровна, — ишь, засиделись.

Грянула свадебная плясовая «Гуляй, Настя, в саду». И платочки вдруг у артисток появились и взмахнули-то ими так, словно разом все свои годы, боли и потери сбросили. Да еще каблучками в пол вбили. И в каких красавиц обратились неприметные с виду старушки!

Диву даешься, как цепко хранит стариковская память десятки песен, с детства родные слова и напевы. Пристально следят все участники хора за чистотой песенных традиций — не приведи кому сфальшивить ни жестом, ни голосом, ни взглядом.

В репертуаре хора такие малоизвестные, редкие песни, как «Выпадали снежки», «Во кузнице», «Черемушка», «Взойди, солнце, взойди ясно...». Наиболее любимые — песня о казаке Платове, ей более ста семидесяти лет, и песня о Мамаевом кургане, сло-

женная одним из участников хора. Третий год руководит им недавний выпускник Ленинградской консерватории Михаил Рубцов, тонко понимающий народную песню. Самодеятельные артисты, несмотря на преклонные годы, часто выступают с концертами на сцене Дворца культуры, в заводских цехах, на городских агитплощадках. Ведут и свой рукописный альбом, уже разбухший от многочисленных отзывов и благодарностей.

— Сколько же вы всего песен знаете? — поинтересовался я.

— Может, сто, а может, и больше, у нас им и конца нет, — ответила за всех Полина Алексеевна Козловцева.

— Хотели нас по городскому телевидению показать, — вступила в разговор Клавдия Ефимовна Ковалева, — а потом сказали: поете, мол, хорошо, а уж больно устаре-

ли, и еще на лицо сказали, запятовала я только...

— Нефотогеничные?

— Так, так, — согласилась моя собеседница, — да ведь не люблю, не смотрю, а песню мы не испорти-

тим. — Вы уж там скажите о нас, — обратилась ко мне Анна Сергеевна Краснопрошина, — жаль, молодежь наших песен не знает. Пропадут вместе с нами песни-то. Вот о чем душа изболелась!

— Не глядите, что старые, куда надо, туда и поедем, — поддержали ее остальные, — хоть в Москву, хоть в Ленинград, кому только наши песни понадобятся... Ведь есть, поди, такие люди?

— Обязательно есть, — заверила я.

Л. ЧЕРКАШИНА

Волгоград.

«Тени исчезают в полдень».

«Государственный обвинитель».

Путь перевоплощения

Соберись все вместе герои Сергея Яковлева, особенно заметно будет, как в этой немалой толпе один непохож на другого. Каждый герой Яковлева неповторим, как неповторим живой человек со своим единственным на свете темпераментом, ритмом движений, выражением глаз. Будь то современный или историческая личность.

Впервые выступать Яковлев начал на фронте. Восемнадцатилетний пулеметчик, он вдохновенно читал произведения классиков и свои собственные стихи. В его талант верили те, с кем вместе он ходил в атаку, видел смерть. И побеждал.

Яковлев попал на фронт в конце войны, в 1941-м Сергею не было и шестнадцати. Его талант постепенно формировался в самостоятельности, в постоянном общении с искусством. А потом и в Государственном институте театрального искусства.

Значительной для биографии актера была роль Дениса в ставшем сегодня уже классическим фильме «Коммунист». Когда на экране появляется человек с пустой котомкой на плече, в старой шинели, из-под которой видны прочные, неуклюжие ботинки, кажется, не профессиональный актер, а крестьянин смотрит на вас застенчиво: «Ну уж такой я... извиняйте...» И походка его, и речь, пересыпанная междометиями,

подтверждают эту застенчивую неловкость. Тем больше поражает целеустремленное бескорыстие Дениса, сумевшего через голодающую Россию провезти неприкосновенным вагоном с продуктами.

Большинство сегодняшних зрителей хорошо знает Устину Морозова из телефильма по роману Анатолия Иванова «Тени исчезают в полдень». Для многих этот образ по-новому осветил целый пласт взаимоотношений, позволил увидеть истоки чудовищной ненависти собственника к народной власти. В исполнении Яковлева Устин Морозов — умный и сильный враг, не останавливающийся ни перед каким преступлением, даже перед убийством собственного сына. Этот человек перечеркнул в своей душе чувства жалости, любви, уважения. У него нет нравственных преград. И все-таки, несмотря на ум, коварство и безжалостность, он беспомощен перед силами жизни, он страдает, страдает глубоко и неистово. Горит боль, замешанная на жестокости и отчаянии, в глазах Устина Морозова, прежде таких коварно-веселых и безжалостно-холодных, вырывается она криком из перекошенного рта. И мороз продирает по коже, когда прикасаешься к этой озлобленной, изуродованной, но живой душе.

Каков же Сергей Яковлев в жизни? Многие о человеке может рассказать его дом. Сергей Сергеевич — коренной москвич. Родился и вырос в центре Москвы. Из этого дома уходил воевать. Комната, в которой прошла вся его жизнь, непохожа на жилье актера с афишами и фотографиями. Зато на рабочем месте пишущая машинка. Вокруг рукописи. Сценарии, заметки... И стихи, которые он пишет с самого детства. На самом светлом месте — мольберт. На стенах и вдоль стен на полу прислоненные друг к другу картины и рисунки.

В новом телесериале, посвященном сорокалетию Великой Победы, участник войны Сергей Яковлев говорит от лица очевидца. Бывший солдат, получивший в боях орден Славы и медаль «За отвагу», он включил в текст, написанный сценаристом, свои фронтовые воспоминания, вложив в них собственную ненависть к войне.

С той же ответственностью Яковлев работал над ролью государственного обвинителя в одноименном фильме Тимофея Левчука. Ему было важно, чтобы на примере процесса над американским летчиком-шпионом Пауэрсом, на материале недавней истории прозвучало сегодня предостережение об опасности глобальной атомной войны.

Наталья ЛИТВИНОВА

«ПЕР ГЮНТ»

В ЭФИРЕ

«Я намерен приспособить для сцены «Пера Гюнта»... Согласны ли вы написать к пьесе необходимую музыку?» — с таким вопросом обращался Генрик Ибсен в письме к Эдварду Григу. Благодаря этому пожеланию родилось удивительное по красоте музыкально-драматическое произведение, постановку которого осуществила недавно Главная редакция музыкального вещания Всесоюзного радио.

— Премьера радиоспектакля «Пер Гюнт», — рассказывает режиссер-постановщик Анатолий Липовецкий, — вызвала множество добрых откликов наших слушателей, пожеланий услышать вновь это произведение. На днях по первой программе была еще раз повторена запись композиции в исполнении популярных артистов столичных театров, Московского государственного симфонического оркестра под управлением народной артистки СССР В. Дударовой, Государственной республиканской академической хоровой капеллы имени Юрлова. На главную роль мы пригласили заслуженного артиста РСФСР Н. Караченцова. Выбор не случаен. Нам показалось, что между образом Тилля, созданным им на сцене театра имени Ленинского комсомола, и Пер Гюнтом существует определенная общность, взаимосвязь. И не ошиблись. Артист удивительно точно нашел тон повествования. Его Пер Гюнт — деревенский парень, философ и поэт, человек глубоких страстей. Мудрое слово Ибсена близко, понятно и современному человеку. В исполнении Караченцова оно прозвучало как раздумье о пережитом, выстраданном: «Я ввысь хочу. На самую крутую, высокую вершину... А там — пусть погребет меня лавина...»

«Пер Гюнт» Ибсена — Грига — произведение сложное для радио, когда слово, звук должны заменить зрительный ряд. В передаче заняты артисты В. Якут, В. Кенигсон, З. Славина, Г. Киришина, Н. Дробышева, А. Равенских, солисты ГАБТ СССР В. Мальченко и Т. Ерастова, певица В. Баева. Многие исполнители уже знакомы нашим слушателям по предыдущим постановкам...

В спектакле ярко очерчены характеры персонажей, жителей суровой и прекрасной Норвегии, обитателей мира реального и фантастического. Музыка Грига помогла артистам в их поисках достоверных красок образа и доставила истинное наслаждение слушателям. Тем более что «Пер Гюнт» был передан по первой программе вечером, в самое доброе для них время.

М. КОРОТКОВ

ИЗ БЛОКНОТА ТЕАТРАЛА

ПЕРВЫЙ МУЗЕОГРАФ

Иван Федорович Горбунов... Сейчас это имя почти забыто, а во второй половине прошлого века не было в России лучшего эстрадного актера-рассказчика, чем Иван Горбунов. Появилось множество подражателей, которые пытались приблизиться к знаменитому актеру даже тем, что каждый из таких эпигонов объявлял себя то Горбунковым, то Горбунковским и даже Горбунчиковым.

Горбунов играл в первых постановках пьес А. Н. Островского на сцене знаменитого Александринского театра, писал рассказы, а в конце жизни увлекся идеей организации Музея русского театра. Его стараниями в фойе Александринского театра в Петербурге и открылся первый русский теат-

ральный музей. Был и каталог подготовлен с пышным названием «Каталог портретов, помещенных в фойе императорского Александринского театра. Составил Иван Горбунов, актер русской драматической труппы».

Однажды музей посетил граф П. С. Шереметев — правнук именитого предка, который некогда организовал театр из крепостных актеров в своем подмосковном имении Кусково.

Человек низкого происхождения (мать была крепостной крестьянкой), Горбунов не жаловал аристократов. И теперь он не скрывал этого, сопровождая мецената. Но вдруг Горбунов оживился и торжественно, уважительно произнес:

— Несравненная Прасковья Ивановна Ковалева-Жемчугова! По-

истине жемчужина крепостного театра графа Н. П. Шереметева. Сама из крепостных. Стала женой сиятельного графа!..

Меценат отпрянул. Зато Горбунов все более оживлялся. Он ходил от портрета к портрету и с чувством объявлял:

— Знаменитый трагический актер Павел Степанович Мочалов, из семьи крепостных... Щепкин Михаил Семенович. Был крепостным графа Волькенштейна...

Меценат заспешил к выходу. А Иван Федорович вдогонку негромко, но внятно повторял:

— Из крепостных... Да-да, из крепостных!..

«НЕ НАУЧЕНА Я ПЯТИТЬСЯ...»

В старые времена не отмечали юбилеи актеров и ничем их не награждали, но на долю Надежды Михайловны Медведевой все же выпала некая милость.

Надежда Михайловна была бли-

стательной актрисой русского революционного театра. Достаточно сказать, что Михаил Семенович Щепкин считал ее достойной ученицей, а Константин Сергеевич Станиславский читал как учительницу. К этому можно добавить, что именно она благословила свою воспитанницу — М. Н. Ермолову, доверив ей в Малом театре роль Эмилии Галотти.

В день своего пятидесятилетия Надежда Михайловна вдруг удостоилась вызова в царскую ложу и, как передавали, была «обласкана» похвальным словом государя.

По этикету уходить ей следовало, оставаясь лицом к царствующей особе. Но она, наступив на собственную юбку, не могла двинуться дальше.

Актриса, сделав вид, что сконфузилась, сказала:

— Уж вы меня, старуху, извините, ваше величество: не научена я пятииться...

Дмитрий БРУДНЫЙ

МОС

Иван СТАДНЮК

27

Рослый и по-юношески стройный, с чуть лукавым и мудрым прищуром голубых глаз, с улыбочивыми, четко очерченными губами и щедрым перламутровым блеском зубов, да еще светлый, высокий лоб и темно-русая густая шевелюра — вот далеко не законченный портрет Рокоссовского Константина Константиновича. Однако броская мужская красота да кавалерийская выправка являлись далеко не главными достоинствами сорокапятилетнего генерал-майора. Наиболее привлекателен он был своей готовностью идти навстречу человеку, своим пониманием людей во всех разнообразиях их характеров и искренне-душевным расположением к тем, кто относился к воинской службе как к естественной жизни, а не к «отбывке повинности»... И ни тени рисовки или позерства в нем. Все это, вместе взятое, влекло к Рокоссовскому людей, как родниковая вода влечет к себе все живое.

Прошлое Константина Константиновича отличалось от прошлого его одногродков и соратников по службе в кавалерийских войсках, может, только некоторыми оттенками биографии. Родился он в Великих Луках — глубинке России. Отец его был по национальности поляк, работал железнодорожным машинистом, мать — простая русская женщина. Детство будущего полководца проходило в Варшаве, столице королевства Польского, бывшего западной окраины Российской империи. Уже в четырнадцать лет Костя остался сиротой, познал тяжкий труд чернорабочего, ткача, каменотеса.

Когда взрели пушки первой мировой войны, восемнадцатилетний Костя Рокоссовский добровольцем пошел в армию, попросился в кавалерию и стал унтер-офицером 5-го Каргопольского драгунского полка 5-й кавалерийской дивизии. И уже в первых боях показал себя отчаянным конником-рубакой, заслужив воинскую награду — Георгиевский крест.

Вступив в Красную гвардию и став в 1919 году коммунистом, Рокоссовский участвовал в боях против гайдамаков, анархо-бандитских отрядов, колчаковцев, семеновцев, громил белых в Забайкалье, Приморье, в Монголии. За личную храбрость и высокие командирские качества красный кавалерист Рокоссовский в годы гражданской войны был награжден двумя орденами Красного Знамени.

И позвала судьба Константина Константиновича на всю его жизнь остаться военным человеком — стражем Отечества...

А ведь покойный родитель Кости мечтал о том, чтоб сын пошел по его, железнодорожного машиниста, стопам. Иногда в кругу семьи отец рассказывал о том, какая это «великая» профессия, как глубоко чувство восторга, особого душевного взлета, когда перед его паровозом вскидывалась плоская рука семафора, открывая путь к следующей станции и как бы делая на этой дороге его, машиниста, полновластным хозяином. Сын же, Костя, испытывал нечто подобное, зашагав по «ступеням» военной службы в Красной Армии, достиг постов командира эскадрона, отдельного дивизиона, затем командира кавалерийского полка... Далее учеба на курсах усовершенствования состава, через несколько лет — на курсах усовершенствования высшего начальствующего состава при академии имени Фрунзе... И ему казалось, что «семафор жизни» теперь никогда не опустится перед ним — заслуженным, об-

КВА, 41-й

РОМАН

Рисунки П. ПИНКИСЕВИЧА

стрелянным, увенчанным высокими боевыми наградами и еще совсем молодым человеком. А когда назначили его командиром 7-й Самарской кавалерийской дивизии, воспринял это как высочайший взлет и особое доверие, понимая, что дивизия — это уже не эскадрон, а несколько полков конницы и артиллерии, и он в ответе за боевую выучку тысяч людей — красных воинов.

И уж такова логика жизни: если у тебя не закружилась голова от достигнутой и желанной высоты, если хмельно не замутился взор от блеска твоих воинских отличий — ты неистощим в командирском деле, неукротим в решении новых задач, и тогда, как оценка твоих достоинств, неизбежно наступает время, когда надо по приказу свыше братья за еще более ответственное дело... Правда, к этому времени в тебе уже могут быть притушены дающие уладу сердцу восторженность, чувства тщеславия, довольства собой. Каждая очередная учебная «игра» в поле, на командном пункте или за штабными столами может не восприниматься как игра в смысле ее условности, а уже обязательно должны видаться за ней те трудные, кровавые схватки, которые рождаются в столкновении двух миров.

И разумеется, если расстанешься с родной дивизией, в выучку которой вложил немало сил, когда любое ее подразделение понятно и дорого тебе, как влюбленному в музыку настройщику пианино понятно и дорого звучание каждой струны от прикосновения к ней клавиша, трудно удержаться от тревоги в сердце. Но если тебя, Рокоссовского, назначают командиром кавалерийского, а потом механизированного корпуса, вчерашние тревоги уходят с вчерашним днем, и рождаются новые заботы, сменяя друг друга с той естественностью, как сменяются времена года.

Случалось, что в привычное и хлопотливое течение жизни врывается беда, потрясая своей неожиданностью и своей сущностью. Так произошло в 1937 году. Необоснованный арест, вздорные обвинения в шпионаже на иностранную разведку, состряпанные затаившимися врагами Октябрьской революции, которые мечтали о возврате старых порядков, обретении утерянных богатств и с этой целью делали все возможное, чтоб ослабить командный состав Красной Армии, внести разлад в ряды партии и в ее руководство. Много несчастий принесли они советскому народу... Но Константин Рокоссовского не сломали, не поселили в его сердце злобу и обиду. Он хорошо понимал глубокий смысл происходящего и боролся за свою судьбу, за товарищей с тем упорством и с той твердой целеустремленностью, какие проявились еще в годы гражданской войны...

Запомнилась ему с молодой поры где-то прочитанная мысль о том, что подражать не значит копировать; это значит работать на манер великих мастеров, это упражнять свою собственную деятельность, это производить в их духе и подобными же средствами. И зажила в нем эта мысль, будто вычеканенная в мозгу светящимися словами. Дело в том, что, когда в начале тридцатых годов он командовал 7-й Самарской кавалерийской дивизией, она входила в состав 3-го кавалерийского корпуса, командиром которого был Тимошенко. И Рокоссовский не раз ловил себя на мысли, что в повседневном обращении с подчиненными или на войсковых учениях он с каким-то внутренним постоянством стремился походить на командира корпуса. А когда позже сам стал командиром корпуса — 5-го кавалерийского, то уже не представлял своего внутреннего мира, чтобы не звучал в нем наставляющий голос Тимошенко а со временем еще и Георгия Жу-

кова, под командование которого впервые попал он в канун освободительного похода в Бессарабию войск Киевского военного округа.

И речь здесь идет не о каком-то подражании, а о том, что он, Константин Рокоссовский, как бы одинаково со своими военно-духовными наставниками чувствовал под ногами земную твердь и умел со своей командирской вышки устремлять мысленный взгляд в далекие окрестности, увидев на огромных просторах неприятельские и свои войска, конфигурации разделяющих их линий, оценив соотношение сил, и, пусть даже сомневаясь, принимать решения, которые для подчиненных будут казаться единственно правильными. Мужество, твердость характера — вот что роднило его с Тимошенко и Жуковым. Рокоссовский оставался во многом похожим на них, хотя у него была своя манера рассуждать и убеждать, создавать вокруг себя атмосферу доверчивости, заинтересованности — без нервозности и напряженности. Он всегда был самим собой — Константином Рокоссовским.

В один из дней первой половины июля 1941 года, когда начальник Генерального штаба Жуков докладывал в Ставке Верховного Главнокомандования очередную сводку боевых действий на советско-германском фронте, Сталин завел неожиданный разговор:

— Товарищ Жуков, в боях под Луцком и Новоград-Вольнским особо отличился девятый механизированный корпус. — Голос Сталина звучал ровно и утвердительно. — И мы многих командиров и политработников, в том числе и командира корпуса, наградили орденами...

— Так точно, товарищ Сталин, — подтвердил Жуков.

— И вы часто, — продолжил Сталин, — обозревая события на Юго-Западном фронте, подчеркиваете удачные боевые действия девятого механизированного корпуса. Он действительно лучший наш корпус?

— Дерется уверенно, товарищ Сталин. В пятой армии это главная ударная сила... — ответил Жуков. — Хорошая подвижность в маневре, осмотнительное прикрытие флангов. Ну и стойкость в обороне...

— Если мне не изменяет память, командует девятым корпусом генерал Рокоссовский?

— Так точно, товарищ Сталин.

— Тот самый Рокоссовский, о котором вы с Тимошенко писали мне, что он необоснованно был репрессирован?

— Так точно, тот самый. Как видите, мы не ошиблись.

— Вижу, — со строгостью в голосе согласился Сталин, кинув вопросительный взгляд на сидевших за длинным столом Молотова и Кузнецова — наркома Военно-Морского Флота. — Вы оказались правы... И сейчас я вот о чем думаю: у нас самое неустойчивое положение в районе Смоленска. Немцы прорвались к Ярцеву, нацеливаются на Вязьму. Это уже непосредственная угроза Москве. Не перебросить ли нам Рокоссовского под Ярцево?

— Нельзя, товарищ Сталин. Этим мы обескровим пятую армию, откроем немцам путь на Житомир и Киев, — подавленно возразил Жуков. — Никак нельзя...

— Вы меня неправильно поняли. — Сталин привычно для всех стал набивать трубку, предварительно вышедшую табак из двух папирос «Герцеговина-Флор». — Я имею в виду самого Рокоссовского. Надо назначить его командующим армией и поставить перед ним задачу не пустить немцев в Ярцево и не дать им форсировать Воль.

Жуков молча смотрел на Сталина, углубившись в какую-то мысль.

— Почему молчите? — требовательно спросил у него Сталин. — Или вы не согласны, что Западному фронту надо помогать не только резервами войск и техники, но и надежными, толковыми командными кадрами?

— Согласен... Мы найдем, кем заменить Рокоссовского на Юго-Западном... Но где мы возьмем для него армию на Западном?.. Сместить кого-нибудь из командующих резервными армиями?

— Нет! — твердо возразил Сталин. — Над этим пусть думает Тимошенко. Надо приводить в порядок войска, выходящие из окружения... Группировать их надо! И изъять часть сил у девятнадцатой армии... Она ведь распадается!

— Возражений нет, — коротко ответил Жуков как о решенном вопросе.

— Нет возражений? — Сталин посмотрел на Молотова и Кузнецова. — А вопросы?

— Есть вопрос, товарищ Сталин, — с улыбкой вдруг сказал Молотов. — Давно собираюсь спросить у тебя: зачем ты потрошишь папиросы? Почему не распорядишься, чтоб этот табак доставляли тебе в натуральном виде?..

— Можно, конечно... Можно распорядиться, чтоб и трубку набивали, и раскуривали ее. Но зачем? Набить трубку табаком — это приятный, так сказать, ритуал... Не работа для пальцев, а активизация работы мысли.

— Ясно. — Молотов тихо засмеялся. — Ты из трубки мысли высасываешь.

— А ты полагаю, что из пальца? — Глаза Сталина при зажженной спичке вспыхнули молодым лукавством. — Вот сейчас, например, у меня родился вопрос о наших проблемах международного порядка, которыми заправляет товарищ Молотов... Как там они у нас?

— На должном уровне, — в тон Сталину ответил Молотов. — Особенно после того, как Председатель Совнаркома СССР товарищ Сталин дважды — 8 и 10 июля — принял английского посла в Советском Союзе Стаффорда Криппса и вместе с наркомом иностранных дел товарищем Молотовым вел с послом переговоры. В последние дни Наркомат иностранных дел готовил и предварительно согласовывал с английским посольством проект соглашения между правительствами СССР и Великобритании о совместных действиях в войне против фашистской Германии... Как условились, сегодня будем подписывать. — И Молотов, раскрыв оклеенную красным шелком папку, придвинул ее к краю стола, поближе к Сталину.

— Мне разрешите отбыть? — спросил Жуков, приняв стойку «смирно».

— И мне? — Из-за стола поднялся Кузнецов. Сталин, вынув изо рта трубку, в знак согласия кивнул им.

28

Полог у палатки был откинут, и сквозь вход виднелся в синем сумраке лес. Рокоссовский лежал на узкой железной кровати с тощим матрасом, покрытым плащ-накидкой, натянув на себя колочее грубошерстное одеяло, и смотрел в лес. Проснулся он внезапно, как от толчка, хотя чувствовал себя невыспавшимся. Можно б еще поспать: утро было где-то еще на востоке, а здесь рассвет только начинал вытеснять из леса ночь. Но сон уже не шел к Константину Константиновичу, и он, отбросив одеяло, рычком поднялся с кровати. Опустил долу ноги и будто обжегся: трава в палатке была росной, холодной, а сегодня генерал спал разувшись, чтоб дать отдых ногам. И он опять лег, накрывшись одеялом: «Ну, еще пяток минут...»

Роса на траве будто прояснила его мысли: всплыл в памяти виденный странный сон...

Уже пошла вторая неделя с тех пор, как генерал-майор Рокоссовский встретил на развилке Минской магистрали и короткой дороги на Вязьму раненого генерала Чумакова, а разговор с ним все не забывался. Часто вспоминался Константину Константиновичу ответ Чумакова на вопрос о том, какой главный опыт вынес он из боев. Тогда слова его показались наполненными самым элементарным смыслом: «...Максимум сил для противотанковой обороны и обязательное наличие хоть каких-нибудь артиллерийско-противотанковых резервов... Ну и связь...» А сегодня эти слова пригрезились ему во сне, но произнес их почему-то не генерал Чумаков, а покойный отец Ксаверий Юзеф. И это было до невероятности странным, ибо

отец, сколько ни являлся к нему во сне, всегда был безмолвным, хотя в глазах его постоянно светился невысказанный укор. Константин Константинович очень хорошо понимал, в чем упрекал его покойный-отец, и просыпался с чувством неискусимой вины перед ним, с тяжелым, тоскливо ноющим сердцем. Ведь действительно он, урожденный Константин Ксаверьевич, сам того не желая, в 20-х годах переименовал отчество на Константинович — для упрощения, ибо во всякого рода документах имя Ксаверий то и дело перевиралось, писалось неправильно. А однажды в какой-то бумаге назвали его Константином Константиновичем, и он наконец смирился с этим, перестав и сам именовать себя Ксаверьевичем.

А когда прошли годы и он поднялся до новых вершин мудрости, когда понял, что имя хорошего отца, как и матери, священо, тогда словно прозрел, стал чувствовать вину перед отцом, и укоряющие мысли об этом часто переносились в сновидения, воскрешая в затуманенной сном памяти далекий, полузабытый образ отца.

Генерал Рокоссовский не был суеверным человеком, не верил ни в дурные приметы, ни в вещие сны, однако сегодшний сон почему-то встревожил его, посеял смуту в сердце и заставил мысленно оглядеться, откуда можно ждать беды. А ждать ее здесь надо было каждый день, каждый час — он понимал это, зная, что стоит со своим войском на самом главном направлении, на острие войны.

И будто увидел сквозь недалекое расстояние древний, оваянный легендарными победами, составлявшими военную историю России, Смоленск. И сейчас, в это смертное время, Смоленск величаво, как могучий, вросший в глыбы России утес, стоял на самой яростной стремнине вражеского нашествия. Стоял и сражался, стоял и, сражаясь, звал себе на помощь близкие и дальние земли России...

Вчера вечером из 16-й армии генерала Лукина вернулся офицер связи капитан Безусов. Усталое, блеклое лицо его с глубоко впавшими коричневыми глазами было взволнованным и в то же время по-особому одухотворенным. Константин Константинович знал, что на недалеких Соловьевской и Радчинской переправах через Днепр не прекращалось кровавое столпотворение тысяч машин и десятков тысяч людей — раненых, беженцев, «окруженцев»; и догадывался, что капитан Безусов, пройдя под непрерывной бомбежкой и непрерывным артиллерийским обстрелом одну из этих узких, страшных теснин, сейчас чувствовал себя человеком удачливой военной судьбы и словно вернувшимся с «того света». Когда капитан Безусов сбивчиво докладывал о виденном им в Смоленске и в частях армии генерала Лукина, Рокоссовскому почудилось, что это лично он побывал в том сражающемся древнем русском городе и, как и капитан Безусов, испытывал то душевное потрясение, которое сродни некоему гордому «вознесению духа», трепетной взволнованности, рождающимся только при виде чего-то величественно-грандиозного, трудно поддающегося осмыслению, а тем более описанию.

Капитан привез с собой и копию боевого донесения штаба 16-й армии в штаб фронта, напечатанную под избитую копиру, однако легко читаемую. Генерал Лукин тоже не без взволнованности писал:

«С 25 на 26 июля противник решил усилить свой гарнизон г. Смоленска. 137-я пехотная дивизия 8-го армейского корпуса немцев прорвалась по северному берегу Днепра и готовилась нанести удар по тылам 152-й стрелковой дивизии, наступавшей с запада на Заднепровье г. Смоленска. Командир 152-й стрелковой дивизии полковник П. Н. Чернышев проявил осмотрительность. Наступая двумя полками, он оставил два полка в резерве (один из них сформирован из отбившихся частей 19-й, и 20-й, и других армий под командованием полковника Александрова). Рано утром разведка донесла, что большие колонны пехоты противника, орудий и машин сосредоточиваются недалеко от переднего края нашего 644-го стрелкового полка, в редком лесу, что западнее Смоленска. Полковник Чернышев, выждав удобный момент, четырьмя артиллерийскими полками, двумя дивизионами и двумя полками артиллерии резерва Главного Командования и сдвоенными и счетверенными

зенитными пулеметами, установленными на машинах, одновременно открыл ураганный огонь по заранее пристрелянным квадратам. В лагере противника началась невероятная паника.

646-й стрелковый полк под командованием майора Алахвердяна и «сборный» стрелковый полк под командованием полковника Александрова, упредив противника в разворачивании, перешли в наступление. Бой был коротким, но по последствиям для противника печальным. Это действительно была 137-я пехотная дивизия 8-го армейского корпуса 9-й армии, укомплектованная австрийцами.

Захвачены богатые трофеи и более трехсот человек пленных. Многие наши воины вооружились немецкими автоматами, которые очень пригодились впоследствии...

Далее генерал Лукин докладывал в штаб фронта, что ощутимую помощь армии начали оказывать партизаны, проявляя при этом невиданную дерзость, героизм и умение сочетать свои действия с действиями войск. Командует партизанскими силами присланный из Москвы «Батя» — Коляда Никифор Захарович, человек необычайной храбрости и мужества.

Упоминание в донесении имени Никифора Коляды всколыхнуло память Рокоссовского, устремив ее в дальние годы гражданской войны, когда командовал он 35-м кавалерийским полком, входившим в состав 35-й стрелковой дивизии. Тогда полк Рокоссовского прикрывал в районе станции Желтуриной участок советско-монгольской границы от набегов банды атамана Сухарева и крупных конных белогвардейских сил барона Унгерна. Вот тогда и был он наслышан о члене Военного совета партизанских отрядов Приморья Никифоре Захаровиче Коляде. Особенно пространно рассказывал о руководителе дальневосточных партизан Петр Щетинкин, который тоже возглавлял партизанское движение, но в Сибири. Во время боев с войсками Унгерна отряд Щетинкина был объединен с его, Рокоссовского, кавалерийским полком... Кстати, тогда же, когда Щетинкина и Рокоссовского за проявленные отличия в бою у станции Желтуриной наградили орденами Красного Знамени, родилась легенда, будто барона фон Унгерна захватил в плен именно он, Константин Рокоссовский, и ему пришлось даже письменно доказывать, что это не так. Главаря белогвардейских банд пленили бойцы Монгольской народно-революционной армии и передали его партизанам Щетинкина, а Рокоссовский, допросив Унгерна, приказал отправить его в Новосибирск, где барон был судим ревтрибуналом и расстрелян.

Потом, в конце 20-х годов, Петр Щетинкин был инструктором монгольских пограничных войск, а он, Рокоссовский, инструктором монгольской кавалерийской дивизии. Тогда Щетинкин и умер — в присутствии его, Рокоссовского... А сегодня воскрес в памяти, встав рядом с вожакom когда-то приморских, а сейчас смоленских партизан Никифором Колядой.

Да, война есть суд силы. Давно истлели кости Унгерна фон Штернберга — прибалтийского немца, который набегами с востока пытался уничтожить Советскую власть. А сегодня с запада штурмует центр России 9-й и 4-й полевые армии, 2-й и 3-й танковыми группами немецкий фельдмаршал фон Бок. И ему, Рокоссовскому, приказано остановить на самой главном направлении 3-ю танковую группу Гота.

На самом главном... Ярцево, речка Вопь и магистраль Минск—Москва. Именно сюда нацелен стальной наконецник могучей стрелы бронетанкового лука передовых ударных войск немецко-фашистской группы армий «Центр». Это хорошо уяснил генерал-майор Рокоссовский еще там, в Касне, где располагался штаб Западного фронта, когда он явился к маршалу Тимошенко. В кабинете главнокомандующего застал члена Военного совета фронта Булганина и начальника политуправления Лестева. Лица у всех были хмурыми, озабоченными. Заулыбался при появлении Рокоссовского только Тимошенко, выразив ему свои давние симпатии и крепким рукопожатием, когда тот доложил о своем прибытии «для дальнейшего прохождения службы»... Встретились ведь бывшие кавалеристы-сослуживцы. С этого и начал разговор Тимошенко: «Забудь, конник, былую тактику. Тебе предстоит задача

сразиться с крупными танковыми и моторизованными соединениями врага». И далее кратко обрисовал обстановку на Западном фронте. Ее суть, как понял генерал Рокоссовский, сводилась к тому, что центральная группа армий противника прорвала на нескольких участках фронт нашей обороны, устремилась в глубь советской территории, имея главную задачу окружить и уничтожить соединения Красной Армии в районах Невеля, Смоленска и Могилева. Многого немцы уже достигли и, полагая, что на Московском стратегическом направлении войска Красной Армии обескровлены окончательно, решили, не дожидаясь полного подхода своих полевых армий, скованных боями с нашими войсками западнее Минска, силами 2-й и 3-й танковых групп расцезать войска Западного фронта на нескольких направлениях и устремиться к Москве.

Когда Рокоссовский побывал в оперативном и разведывательном отделах штаба, настроение его ухудшилось: ощутилась нервозность работников отделов оттого, что была утрачена связь с 19-й армией Конева и 22-й — Ершакова. Кое-какие горячие головы уже грозили генералу Коневу ревтрибуналом, хотя было неизвестно, что происходило в полосе его армии.

Хождение по отделам штаба прервали сигналы воздушной тревоги. А затем началась бомбежка — массированная и длительная. Немцам удалось частично подавить батареи зенитной артиллерии, прикрывавшие расположение штаба фронта, и их бомбардировщики нагло пикировали на здания, на землянки, машины... Ничего подобного в своей жизни генерал Рокоссовский еще не переживал... Штаб понес тяжелые потери.

Когда ехал в направлении Вязьмы, в памяти звучали слова маршала Тимошенко, сказанные на прощание: «Подойдут регулярные подкрепления — дадим тебе две-три дивизии, а пока подчиняй себе любые части и соединения для организации противодействия врагу на ярцевском рубеже», — и вручил документ, в котором указывалось, что ему, генерал-майору Рокоссовскому, даны полномочия приказывать от имени Военного совета Западного фронта.

Это, кажется, был один из последних документов, на котором перед фамилией Тимошенко или на его именном бланке значилось: «Народный комиссар обороны СССР», ибо через два дня Политбюро ЦК эту должность возложило на Сталина, сосредоточив усилия маршала Тимошенко на Западном направлении как главнокомандующего.

За Вязьмой магистраль Минск—Москва с наступлением ночи делалась все оживленнее — никто не опасался налета немецких бомбардировщиков. Но зато все чаще останавливалась группа машин, которую возглавлял в закамуфлированном легковом автомобиле ЗИС-101 генерал Рокоссовский. В кабине следовавшего сзади грузовика ехал начальник штаба подполковник Тарасов Сергей Павлович, а в кузове, как и в машинах со счетверенными пулеметами, до двух десятков командиров; для половины из них армейское дело являлось главной профессией — все они окончили Военную академию имени Фрунзе. Это и был штаб создававшейся войсковой группы генерал-майора Рокоссовского.

Здесь, на магистрали Минск—Москва, штаб начал свою боевую деятельность, приостановив движение пеших и автоколонн, будто перекрыв могучей плотной реку. Сам Рокоссовский и командиры его штаба тут же, на шоссе, определяли, что за подразделения движутся в сторону Вязьмы. Это были остатки разбитых немцами наших воинских частей, или вырвавшиеся из окружения группы, либо просто одиночки, отбившиеся от своих подразделений. Среди них назначались старшие, записывались их фамилии и номера частей, в которых они до этого служили, и на их картах точно указывались места, куда они должны немедленно следовать. Места эти находились в лесах близ реки Вопь, справа и слева от магистрали Минск—Москва и недалеко от Ярцева. У кого не было карт, им тут же на чистом листе бумаги рисовали кроки — соответствующую карте схему с обозначением ориентиров. Каждый из старших обязан был по прибытии

А. Китаев. Род. 1925. ВОЗВРАЩЕНИЕ С ПОБЕДОЙ. 1963—1984.

Всероссийская выставка «Мир отстояли — мир сохраним».

Г. Коржев. Род. 1925. ОБЛАКА 1945 ГОДА. 1980—1985.

Всесоюзная выставка «40 лет Великой Победы».

в указанное место лично явиться в штаб Рокоссовского с докладом...

И к утру от Вязьмы до Ярцева живая людская река будто потекла вспять. Только машины с ранеными да беженцы продолжали двигаться навстречу изменившему направлению потока.

Как и полагал генерал Рокоссовский, не могло быть совсем неприкрытым главное место, через которое враг рвался к Москве. К приезде Константина Константиновича в районе Ярцева на Вопи уже оборонялась прибывшая из Северо-Кавказского военного округа 101-я танковая дивизия Героя Советского Союза полковника Г. М. Михайлова. Восточнее Ярцева закопалась в землю 38-я стрелковая дивизия полковника М. Г. Кириллова, ранее входившая в состав 19-й армии (при отступлении она потеряла связь со штабом генерала Конева). Южнее Ярцева оборонял днепровские переправы сводный отряд полковника Лизюкова Александра Ильича. А в подступах к Вопи лесах накапливались части и подразделения, которые выходили на магистраль Минск—Москва между Вязьмой и Ярцевом. Сила эта немалая, если учитывать полнокровность той же 101-й танковой дивизии. В ее двух танковых и двух мотострелковых полках насчитывалось вместе с резервом командира дивизии 415 танков, хотя 318 из них были легкими и устаревшими. Резерв командира дивизии состоял из пяти тяжелых машин «Клим Ворошилов» (КВ) и десяти — Т-34. В дивизии, кроме танковых и мотострелковых полков, были еще два артиллерийских полка, отдельный зенитный артиллерийский дивизион, отдельный разведывательный и отдельный инженерный батальоны...

Не удержаться бы советским войскам на Вопи, если б не было там этих внушительных сил, когда враг форсировал реку, овладел Ярцевом. Здесь наносили удары танковые соединения Гота, а также 7-я и 20-я танковые дивизии, моторизованные части из танковой группы Гудериана и воздушный десант, выброшенный северо-западнее Ярцева. Каждый день враг переходил в наступление, сопровождая его могучими бомбовыми ударами и шквалами артиллерийско-минометного огня.

Стойко оборонялись войска группы генерала Рокоссовского. Этому способствовало не одно лишь их упорство, но и умелая расстановка сил, своевременный и точный маневр огневыми средствами, сказавшее и то обстоятельство, что почти заново сформировался штаб группы: командование фронтом прислало в распоряжение Рокоссовского полный состав штаба со всеми отделами и техническими средствами 7-го механизированного корпуса генерала Виноградова Василия Ивановича — ветерана гражданской войны, опытного войскового, особо отличившегося в советско-финляндской войне. Энергичный и целеустремленный, он стал заместителем Рокоссовского. Штаб же возглавил полковник Малинин Михаил Сергеевич. Как бывший начальник тактического цикла одного из высших военно-учебных заведений, Малинин знал штабное дело на всю глубину его сложности. Рокоссовскому будто стало легче дышаться при столь ощутимом подкреплении.

А 27 июля, когда противник крупной танковой колонной пытался в районе Соловьева смять нашу оборону и захватить плацдарм на восточном берегу Днепра, вовремя подошла 108-я стрелковая дивизия полковника Миронова из 44-го стрелкового корпуса и, с ходу вступив в бой, помогла отбросить и частично уничтожить вражеские танки. В этот же день главнокомандующий Западным направлением подчинил 44-й стрелковый корпус генерал-майора Юшкевича Василия Александровича генералу Рокоссовскому.

И вот 28 июля первый наступательный бой с самыми серьезными целями — то самое сражение, которое планировалось маршалом Тимошенко как составная часть удара пяти армейских групп в направлении Смоленска. Наносить удар раньше было невозможно: немцы рвались к Вязьме, и Рокоссовскому приходилось только обороняться...

Мысль о начале наступательной операции будто опалила Константина Константиновича, и он рывком поднялся с уютной постели.

— Хватит обороняться! — сказал он сам себе и стал надевать сапоги.

Продолжение следует.

У ПАРТИЗАНСКОЙ ЗЕМЛЯНКИ

Эта фотография сделана в августе 1943 года в Чехословакии, в десяти километрах от городка Босковице. Третий слева на снимке я, Вотинцев Мелетий Ефремович. Договорившись с Владимиром Дембровым (он на фотографии первый слева), в июне 1943 года мы бежали из фашистского лагеря. Вместе с Эдмундом Долежалом (в центре снимка, в пиджаке) и Антонином Кралем (крайний справа) стали организовывать партизанский отряд. Работа подвигалась хорошо, и в подпольной организации было уже 80 человек. Но в наши ряды проник провокатор, и в середине сентября мы оказались в гестапо, в тюрьме города Брно. Антонина Краля, Эдмунда Долежала, Эдуарда Станека и Рудольфа Сыхра фашисты казнили. Многих чехов отправили в концлагерь. Нас, русских, после допросов

и пыток тоже отправили в лагерь. Из всех, кого вы видите на снимке, в живых остались только я и капитан Логинов Иван Васильевич (третий справа). Мы с ним встретились в 1975 году.

Теперь в лесу, где была наша землянка, дети погибших чехов соорудили ее макет. 9 мая 1980 года здесь был митинг, посвященный открытию памятной доски и землянки, и нас с Иваном Васильевичем Логиновым пригласили на эти торжества. Ивана Васильевича из фашистской неволи освободили наши войска, а я в июне 1944 года бежал — уже второй раз — из фашистского плена, воевал в Словакии, был участником Словацкого национального восстания.

М. ВОТИНЦЕВ

Пермская область, село Б. Соснова.

СВАДЬБА В ГОРОДНИЦЕ

Районный центр Городница на Житомирщине расположен в большом лесном массиве, примерно в сорока километрах от Новоград-Волынского. Здесь активно действовали партизаны. К началу февраля 1943 года на территории Городницкого и частично Новоград-Волынского районов были уничтожены все небольшие гарнизоны фашистских войск, жандармерии, полицейские участки. Оккупантам ничего не оставалось делать, как увеличить численность войск в Городнице, хорошо их вооружить и создать надежную систему оборонительных сооружений.

В конце декабря 1942 года Шитовское партизанское соединение начало тщательно готовить крупную боевую операцию по разгрому фашистского гарнизона в Городнице. Операция была приурочена к свадьбе гебитскомиссара Ганса Вагнера. Связные, которые проживали в Городнице и работали в различных учреждениях, дали командованию соединения точную информацию о численности гарнизона, вооружении, расположении огневых точек, месте и времени свадьбы, кто будет приглашен на торжество, какая будет охрана.

В разгар свадебного пира разведчики, автоматчики и пулеметные расчеты скрытно проникли в Городницу и заняли исходные позиции, ожидая сигнала для начала операции. Вот в небо взвились три красные ракеты — сигнал атаки. Быстро, без шума были сняты часовые и патрули, охрана на объектах, обезоружены караульные и солдаты, отдыхавшие в казарме. Часть гитлеровцев и полицейских, отстреливаясь, отходила к центру Городницы. Они засели в здании Госбанка и вели интенсивный огонь из окон. Николай Дурнев и Виталий Ватава подползли к зданию и в окна бросили гранаты. Пулемет противника замолк, партизаны бросились в атаку и заняли здание. Примерно через два часа после начала боевой операции комендантом гарнизона стал командир соединения Иван Шитов, старшим офицером — Григорий Кутерин. В здании комендатуры шел допрос пленных фашистов.

Командир роты Федор Кот привел немецкого коменданта Городницы, которого он схватил, когда тот отправлялся на свадьбу.

Между тем свадебное торжество шло своим чередом в доме, окруженном мощным кольцом хорошо вооруженных партизан. Пир был, что называется, в разгаре. Охмелевшие хозяева и гости танцевали под аккордеон, когда командир роты разведчиков, Герой Советского Союза Михаил Малышев ворвался в дом со словами: «Пришло время и партизан пригласить к свадебному столу!» Поднялась паника, пирующие бросились на улицу, но во дворе их встречали партизаны.

Партизаны, допрашивая пленных фашистов, выявили офицера, ответственного за специальную связь с комендантом Новоград-Волынского. Командир соединения Иван Шитов предложил ему сообщить коменданту Новоград-Волынского, что на Городницу напали партизаны, идет жаркий бой и нужно срочно выслать подкрепление. «Сообщите», — сказал партизанский командир, — что для встречи подкрепления будет выслан офицер со взводом солдат. Если вызовешь подкрепление, узнай численность его, мы сохраним тебе жизнь». Немецкий офицер выполнил приказ партизан.

Вскоре в условленное место прибыли три автомашины с шестьюдесятью гитлеровцами. Подкрепление встретил тот самый офицер, который звонил по телефону. Немецкие солдаты по команде быстро выстроились и приготовились слушать его приказ. Стоящие рядом с офицером партизаны, переодетые в форму гитлеровских солдат и полицейских, открыли по выстроившимся фашистам огонь из автоматов, ручных пулеметов и забросали их гранатами. Ни одному фашисту из прибывшего подкрепления не было суждено остаться в живых.

Население встретило нас с большой радостью.

После удачно проведенных боевых операций и особенно хорошо сыгранной «свадьбы» в Городнице авторитет Шитовского соединения возрос на всем украинском Полесье. Увеличился приток населения в ряды партизан, расширилась сеть подпольных организаций, появились новые отряды народных мстителей.

М. А. ЕРМАКОВ,
бывший начальник медицинской службы
и ведущий хирург Шитовского,
а потом имени Г. К. Жукова
партизанских соединений на Украине

Гомель.

СТО ДНЕЙ КАК ОДНА НОЧЬ

40 лет
ПОБЕДЫ

К. ГАРИН,
В. ЗАХАРЕНКОВ

День сотый... Яркими кострами горели избы соседнего Брюханова. С минуты на минуту та же участь ожидала и Якино. Отступая, каратели сжигали все. Грохот близкой канонады вдруг оборвался... Каждый услышал собственное дыхание.

— Воды, воды,— повторял кто-то из раненых. Люди застыли у стен. Здесь были все, кто смог встать с пропахшего кровью и лекарствами пола. Ждали неминуемого. Обидно будет попасть к врагу перед самым освобождением. Позади ровно сто дней испытаний, риска. Сто дней между жизнью и смертью...

В дверь постучали. Никто не шелохнулся. Приблизился на костылях Виктор Юрченко, заслонил собой доктора, спросил: «Кто?»

— Откройте,— слышались русские слова. Люди, не веря счастью, вслушивались в родную речь: «Наши! Наши, родненькие...»

Из сообщения «Правды» № 88, 29 марта 1942 года.

«10 октября 1941 года из Сычевского госпиталя выехала машина с ранеными. Раненые были доставлены в Серединскую больницу — четыре бойца и девять граждан, в том числе шесть детей. В село пришли немцы. Местные жители представили раненого лейтенанта Юрченко, троих красноармейцев лесорубами. 14 октября жители Середы привезли в больницу еще четырех раненых бойцов.

Недели через две в Серединской больнице разместились немецкий лазарет. Старший врач немецкого госпиталя приказал выбросить всех русских больных. Врач М. К. Ринкман обратился к населению с просьбой принять раненых. Она сходилась к жителям Шухиным, Доброходовой, Баженковой, Орешковой, Евграфовой, и раненые были размещены у них. Всего за время нахождения советского госпиталя в тылу у немцев на излечении находилось 100 бойцов и командиров.

Врачу М. К. Ринкман помогали ее бывшие работники по госпиталю — акушерка М. С. Алимова, которая работает в больнице 27 лет, депутат сельского Совета Е. Ф. Фролова, М. Д. Фомина, санитарки Ф. М. Яновлева, Е. С. Грязнова, кухарки К. М. Волкова и У. Синеева, дворник Ф. Н. Скалунов и врач Е. И. Афонина.

Так советские патриоты спасли жизнь нашим бойцам».

Мальчик Коля. Больница в Середке спешно эвакуировалась. Когда Мария Карловна Ринкман вернулась из Москвы после прерванных хирургических курсов, она уже не

застала заведующего Василия Тимофеевича Гука: ушел на фронт. На месте оказались только стоматолог Лена Афонина и сестры. У Ринкман на руках было предписание: возглавить больницу. Мимо Середы по большаку шли и шли отступающие части Красной Армии. Немцы прорвали фронт под Вязьмой. Нужно было эвакуироваться, и срочно. Но куда? На руках малолетние Ира и Таня. Сама Ринкман выросла в этих местах. За двенадцать лет после института все деревни в округе исходила пешком. Уходить... А телега на весь персонал одна. Инструменты, лекарства припрятут жители, сберегут до возвращения. Но что ждет больных?

— Мой транспорт готов, Мария Карловна,— сказал возчик Шухин, дядя Ваня. У крыльца стояла телега. Мария Карловна побежала к себе. На пороге ее ждала десятилетняя Таня с чемоданом, набитым игрушками: «Мама, я собралась».

А через считанные мгновения Мария Карловна уже знала, что никуда не поедет. Не имеет права. Тормознула у ворот трехтонка. Молоденький шофер с усталым и почерневшим от гари и пыли лицом крикнул из кабины: «Больница?»

— Да,— ответили ему с крыльца.

— Тогда принимай раненых! Полный кузов. Есть приказ — до ближайшей больницы.

Когда подошла Мария Карловна, шофер сказал:

— Не выдюжат они дальше. Изпод самого Гжатска едем. Дорога — сплошь воронки.

Врач заглянула в кузов. И сразу же встретила устремленный на нее взгляд детских глаз:

— И ты солдат? — попыталась она улыбнуться.

— Нет,— ответил за мальчика шофер.— Коля — из Сычевской больницы. Туберкулез костный. Одиннадцать лет, а боевое крещение принял! Раз пятнадцать, пока до вас ехали, под бомбежку попадали...

Раненых разместили быстро. А потом медперсонал собрался в кабинете главврача:

— Я не могу бросить больницу. Остаюсь,— тихо сказала Мария Карловна.— Задерживать никого не буду.

Все молчали. Имела ли она право настаивать? Нет, конечно. У любой санитарки, медсестры кто-то из родных на фронте или ушел в лес. Сама вчера получила письмо

от брата с передовой. Он командовал ротой. Леонид писал о кровопролитных боях... И удивительное спокойствие вернулось к ней. В ее руках здоровье, жизни красноармейцев, многих людей. Будь что будет.

Остаться в больнице решили медсестры Мария Алимова, Ульяна Синеева, Екатерина Фролова, Феодосия Яковлева, Мария Фомина, санитарка Елена Грязнова, рабочая Клавдия Волкова, аптекарь Мария Скалунова, врач Елена Афонина. Раненых переодели в гражданское белье. Завели фиктивные истории болезней. В графе «специальность» записали: лесоруб, тракторист, машинист бензопилы.

Ночью в Середу вошли танки со свастикой. И начался отсчет великого противостояния. Сто дней и ночей...

Операция. Из письма И. А. Кириллова.

...Елена Грязнова отвечала немецкому офицеру, сокрушенно разводя руками: «Что вы, какие такие лекарства...»

— Где есть хирургические инструменты?

— Нету. Ваши все забрали... Первые вы тут, что ли? — отвечала санитарка.

За всю ночь Грязнова не сомкнула глаз, помогая у операционного стола. Она загодя припрятала в надежном месте сверкающий стерилизатор с новейшими хирургическими инструментами. Подарил их больнице земляк, известный в стране хирург. С семнадцати лет работала Грязнова операционной няней. Но такая операция впервые!.. Кавалериста-лейтенанта Виктора Юрченко вражеская пуля прошла с самолета. Размотав грязную повязку, Мария Карловна ужаснулась и не смогла скрыть тревогу. Самое страшное было в том, что за все двенадцать лет работы она еще ни разу не выступала в роли хирурга. Она же терапевт...

— Никогда не забуду ту операцию,— вспоминает Елена Семеновна Грязнова.— В палате холод, а нам глаза застит пот. Я только приговаривала: терпи, казак, атаманом будешь.

Потом-то много раз бралась Мария Карловна за операционный нож и всегда удачно...

Непокоренные.

Все новости приносил одиннадцатилетний парнишка Коля. Ему уже разрешили вставать с посте-

ли, и он частенько наведывался в село. Колина обувь — немецкий сапог и валенок дяди Вани Шухина — вызывала невольную улыбку. Однажды Коля вбежал возбужденный: «Наши забили фашистам клин. В Клину!»

Обрадоваться сообщению они не успели. Заревели за окном моторы грузовиков. Фашисты выгнали на улицу больничных коллектив, и офицер приказал:

— Здесь будет немецкий лазарет. Русских больных эвакуировать. Имущество, белье убрать. Остаться врачу, скотнику. За невыполнение приказа — расстрел!

У всех дверей больницы замаячили часовые. Подпольный госпиталь надо было переводить в другое место. Но куда?

В домике Григория Скородумова редко бывало без гостей. Григорий в Косилове уважали. До войны скородумовское льноводческое звено считалось лучшим. Звеньевой был депутатом сельсовета. И хотя хозяйничал в Косилове немецкий староста, для сельчан Скородумов оставался депутатом, и не удивился Григорий, когда увидел на своем пороге знакомую врачиху из Середы.

— Раненые поправляются, дядя Гриша,— начала с порога Мария Карловна.— Да немцы приказали убираться. А у нас человек семьдесят.

Фото Д. ДЕБЛОВА

М. К. Ринкман (с права) и бывшая медсестра Е. С. Грязнова среди врачей и сестер Серединской больницы.

— А ну-ка садись, покумекаем,— спокойно проговорил дядя Гриша...

И придумал.

Сколько раз, бывало, каратели заглядывали в больничные подвалы, а там пусто. И вдруг обнаружили бутылку спирта. Они и не догадывались, что обязаны находкой медсестре Марии Алимовой. Расчет ее удался. Вскоре в одной из больничных комнат, где размещалась охрана, зазвенела гармошка, слышались песни. В палатах готовились к переезду. Собрали и надели на раненых все лишнее белье. Завернули в старые халаты операционный стол, автоклав, кое-что из продуктов, две бутылки спирта. В сумерках у крыльца остановились сани: «От Скородумова». Потом подошли вторые, третьи, четвертые. Из Яшкина, Сережи, Косилова, Брюханова. Незнакомые люди выносили раненых, прятали под соломой лекарства, инструменты, бинты. Осталось загадкой, как мог Скородумов организовать обоз. В ушах Марии Карловны еще звучали его слова: «В Яшкино перебирайтесь. От дорог подальше. Раненых в школу... Там помогут».

Обоз заскрипел. Тридцать с лишним саней. На последних санях с дочерью ехала врач. Очень уж звонко пели полозья! Было

морозно. От Рузы доносилась перестрелка. А в Серее «гуляли» охранники...

— Разместили нас в пустующей школе,— вспоминает сейчас бывшая учительница Серединской школы Мария Михайловна Васильева.— Классы жарко истопили. Постарались местные женщины. Одной из них была бригадир Вера Егоровна Улитина. Принесли картошку, хлеб, огурцы, градусники, марлю... В школе оставили часть раненых. Остальных, в том числе и меня, разобрали по домам жители. Так было безопаснее. Помню, туго было с питанием. Однажды вечером пришла Мария Карловна и говорит: «А знаешь, игнатовские колхозники две подводы с зерном дали». А через несколько дней мука появилась. Только позднее от дяди Вани узнала я, какой ценой досталась она. Нашли мельницу с верным человеком. Но дорога к ней оказалась заминирована. «Едем,— сказал дядя Ваня.— Чему быть, того не миновать. Ждать некогда». Вот и поехали... через мины.

Сильно выручил хлеб. Жители помогали медикам. Это затем уже подсчитают, что все вместе спасли от гибели около ста советских раненых и больных.

А потом был тот самый день — сотый, последний.

— Как же вы тут? Сто дней? — не переставал удивляться командир разведгруппы, пробиравшейся в Яшкино. Ему отвечали: как одна ночь...

Письмо с фронта. Действующая Армия. 1942 год. «Уважаемая Мария Карловна. Привет с передовой. Сегодня мороз, а в моей землянке тепло. Я пишу Вам это письмо, и уж не это ли согревает меня? Пожалуй, что так. Снова в тех местах, где подобрал меня когда-то в ваш госпиталь. Только теперь ведем наступление. Я счастлива, что могу идти в бой. И благодарен Вам за это. А. Коробов».

* * *

Весенним утром в апреле 1942 года главного врача Серединской больницы Марию Карловну Ринкман вызвали в райфо. «Зачем?» — недоумевала дорогой Мария Карловна.

— Деньги вам тут причитаются, зарплата,— встретил ее финансист.

— Какая зарплата? — не могла понять главный врач.

— За три месяца работы в тылу врага. Вам и всему медперсоналу.

За все сто дней в оккупации никто не видел слез у нее. А сейчас молодая поседевшая женщина плакала... Позднее за самоотверженный труд в тылу врага Президиум Верховного Совета СССР наградил медицинский пер-

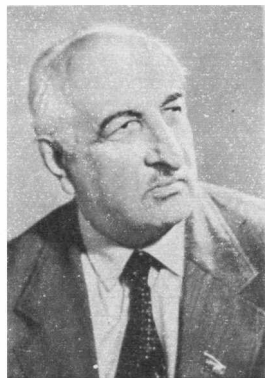
сонал подпольного госпиталя орденами и медалями. Ордена Ленина удостоилась врач Ринкман, орденом Красной Звезды были награждены Грязнова и Волкова, пять медсестер получили медаль «За боевые заслуги».

...Более сорока лет прошло с тех пор. Мы сидим в уютной квартире Марии Карловны, перебираем письма: не забывают ее бывшие пациенты и раненые.

«Мария Карловна. Поздравляю с праздником Великого Октября. Желаю Вам здоровья, долгих лет жизни и счастья». Подпись: «Мальчик Коля». Это прислал Николай Алексеевич Филимонов, оператор газовых установок на одном из столичных предприятий. А вот письмо от Николая Дорошенко, которого выкрали в тяжелом состоянии из фашистского концлагеря: «Здравствуйте, дорогие и любимые наши врач, сестрички. Большая просьба к вам, приезжайте в гости. Поживете, отдохнете. Место очень хорошее. Сады, виноград, овощи какие хотите. А езды от Москвы всего восемнадцать часов. Я и жена будем Вас ждать всегда. Кстати, еще один пациент, которого вы спасли, это Александр Степанович Блошин. Он живет в Кабардино-Балкарии... Н. Дорошенко, пос. Куйбышево, Ростовской области».

Давно миновала война, но идут в Шаховскую, к Марии Карловне, солдатские письма. Добро не забывается.

Московская область.

Баграт ШИНКУБА

Взгляд

ДОБРОТА ЗЕМЛИ

Не клял вовек ни в бедах,
ни в тревоге
Я землю: можно ль клясть
родную мать?
Могу ли я, споткнувшись
на дороге,
Вдруг палку в гневе на нее поднять?

Твой сын и властелин
одновременно,
Пью из ключа, что слаще молока...
Земля моя, о будь благословенна,
Богаче становишься на все века!

Земля, тебе забот немало с нами...
В себе ты прячешь пращуров моих.
Где дым их вился?.. И зажжется ль
пламя
Там, где зажглось когда-то,
в некий миг?
...Друг, не смотри с обидой ли,
с испугом,
Она твоя защита и жилье.
Но станет камнем для тебя —
не пухом,
Коль не оценишь доброты ее.

Меня кормила сладкими плодами
Та яблоня и весело, и бодро,
Но и она состарилась с годами,
Лишь ствол остался, жалок
и ободран.

«Что есть, то есть:
мы плакаться не будем...
Пусть я жалка. Но говорю
заране:
За все добро, что сотворила
людям,
Я не прошу ни славы, ни
признания!

Единственным охвачена я страхом:
Ужель исчезну без следа,
как тень, я?
О только б корень получил
продление —
Немедля, в ту же ночь рассыплюсь
прахом!»

Пришла весна-отрада,
Всех солнцем заливая,
И новые наряды
Деревья надевают.

И снег, как сахар, тает,
Прохожих поражая,
Вновь ласточки летают,
Суля нам урожай.

И человек с мольбою
Весны извечно просит...
Она ж лучи с собою
И радость всем приносит.

И в жилах колобродит,
И щедрости не прячет.
...Когда ж она уходит,
По ней он горько плачет.

Верхом на палочке скачу,
Коня я погоняю,
Все мне по силам, по плечу,
Не соскочу с коня я!

И в путь пустился я! Сперва
Весна, восторг ребячий...
Потом подъем. Сошла трава.
И стало все иначе.

Все в гору... Меж камней и льдов
Все круче, все труднее.
Там не было ничьих следов,
Но даль было виднее.

Не по дороге я скакал,
По ровной и просторной,
А между пропастей и скал,
Тропу торя упорно.

Меня не вьюга ль сединой
Одела вековой?
Что нажил?.. Все мое — со мной:
И боль, и жар сердечный.

Меня по свету конь носил,
Меня дороги звали...
Но сколько я потратил сил —
Измерю я едва ли!

Но сколько лет, часов, минут
Потратил — неизвестно,
На тяжкий, непрерывный труд,
Быть может, бесполезный...

Гора седая — скоро ли
проснется?
Кто знает, что она перенесла!
Порой случайный луч ее
коснется —
А так в ней холод царствует
и мгла.

Безгласная, стоишь ты молчаливо,
Кто знает, радуясь или скорбя.
Наверно, в сердце умерли
порывы —
И это-то состарило тебя...

И слышу глас: печален тех удел,
Кто не сумел ни в шепоте,
ни в крике
То выразить, чего всегда хотел:
Он много нас несчастней —
безъязыких...

МОЕМУ МАЛЕНЬКОМУ ВНУКУ БАГРАТУ

Мой милый внучек, маленький
Баграт!
Всегда ты моему приходу рад!
Ты только позови меня: «Даду!» —
И я к тебе немедленно приду.
В Москве рожденный, поскачи
верхом
В Абхазию ты на коне лихом!
Решайся: «Чоу!» — прищпорь
коня — и в путь!..

Путь пред тобой... И ты кем
хочешь будь.
Будь воином, строителем, певцом,
Кем бы ни стал ты, будь всегда
творцом!
Взмой в небеса ты птицею
стальной
Иль поклонись земле своей
родной...
Трудись, борись... А коль больших
побед
Добьешься, удивительного нет.
Что нажили отцы — не урони,
И честь и совесть сызмальства
храни.

Дед радуется внуку своему...
Но все-таки как быть тут,
не пойму:
Живет тревога в нем, как ветра
свист,
Что сушит сердце, как осенний
лист.

В Члоу прискачи, в заветные
места:
Взгляни — апацха старая пуста,
Грустит о чем-то или кого-то
ждет...

Святыней наш ее считает род.
В Лаганиях явись ты на заре
И громко щелкни плетью
во дворе,
Чтоб слышно было пращурам
в земле...

Хлеб-соль чтоб появились
на столе,
Чтоб снова песня крылья обрела
И, как бывало, в небе поплыла...
Чтоб вспомнил ты круговорот
времен,

Хоть ты и не в апацхе был
рожден:
Твой долг — чтоб в доме прадедов
твоих

Очаг бы не затух и не затих.
Хочу, чтобы ты стал детьми богат,
Пусть двор заполнят и в саду
галдят.

И двор услышит шаг хозяйский
твой —
Двор прадедов, кусок земли
святой.
Деревья вздрогнут, кронами
тряхнут:

«Хозяин новый поселился тут!» —
Ты вырастешь, Баграт, пройдут
года,
Земли опорой будешь ты всегда...
В трудах и испытаньях бытия
Себя не пожалеешь, верю я.

И было б славно, если б хоть
до сне
Ты, мой Баграт, вдруг вспомнил
обо мне
Когда-нибудь, когда придет пора:
Мол, дед любил стихи, желал
добра...

А я?.. Хотел бы я весенним днем
Проснуться вдруг и убедиться
в том,
Что и чиста, и безмятежна высь,
Что все мои желания сбылись.

Перевела с абхазского
Елена НИКОЛАЕВСКАЯ.

Кто из нас с юных лет не-
подвластен ему? Кого не тянет
проникнуть в его тайну? И
сколько бы мы ни читали о
Есенине, наш интерес к новому
слову о нем не угасает.

Писать о Есенине и легко и
трудно. Легко — потому что он
близок и понятен всем. Трудно
— потому что видимая про-
стота и доступность этого поэ-
та обманчивы, за ними — глу-
бины и мучительные противоречия,
открывающиеся только
зоркому, любящему взгляду. Ве-
лика и посвященная поэту ли-
тература, казалось бы, не ос-
тавляющая места для дополни-
тельных комментариев его жиз-
ни и творчества.

Тем не менее книга Сергея
Кошечкина «Весенней гулкой
ранью...» убеждает в обратном.

Автор, критик и литературо-
вед, перу которого принадлежат
статьи о многонациональной со-
ветской поэзии, является дав-
ним знатоком творческого пути
замечательного русского лири-
ка. Мимо внимания широкого
читателя не прошли работы
С. Кошечкина «Сергей Есенин»,
«Раздумья о Есенине», «Есенин
и его поэзия». Новая книга до-
стойно продолжает и развивает
эту поистине неисчерпаемую
тему.

Написанная в живой, непо-
средственной форме этюдов-раз-
думий, книга как бы заново
знакомит нас с известными
страницами биографии поэта,
показывает истоки его духовно-
го мира, рост мастерства, вво-
дит в круг друзей и близких.
Автор прослеживает неустанно
поэтические поиски Есенина, пе-
редает колорит тогдашней ли-
тературной среды, атмосферу
революционной эпохи.

Используя малоизвестные ма-
териалы, С. Кошечкин расска-
зывает о прославленном теперь
на весь мир рязанском селе
Константиново, где родился

РАЗДУМЬЯ О ЕСЕНИНСКОЙ ПОЭЗИИ

среди книг

«мальчик... желтоволосый, с го-
лубыми глазами», который до
конца дней был «нежно болен
воспоминанием детства». Сказ-
ки бабушки, первые школьные
стихи, книжка московского
детского журнала «Мирок» за
1914 год, впервые напечатанно-
го под псевдонимом Аристон
есенинское стихотворение «Бе-
реза», происхождение этого не-
обычного поэтического псевдо-
нима... От главы к главе разво-
рачивается перед читателем ве-
реница примечательных собы-
тий, лиц, фактов, и для каждо-
го автор находит свой, подчас
неожиданный угол зрения, свою
доверительную интонацию.

С пониманием и любовью
вслушивается он в есенинскую
лирику разных лет, разбирает
связь ее с фольклорными моти-
вами, делится личными впечат-
лениями от поездок в дорожные
сердцу поэта места. Эти пейзаж-
ные зарисовки, беседы у рыбац-
кого костра с земляками Есени-
на удачно дополняют в книге
многогранный образ певца
«страны березового ситца».

Хорошо иллюстрированная и
оформленная, книга С. Кошечки-
на «Весенней гулкой ранью...»
утверждает юных читателей в
мысли, что большой художник
навсегда с людьми.

Ю. ОСИПОВ

С. Кошечкин. «Весенней
гулкой ранью...», М., «Детская
литература», 1984, 224 с.

КРИТЕРИИ КРАСОТЫ

Извечный спор о том, что такое шахматы — игра, спорт, борьба, наука, искусство, — в наши дни потерял былую остроту. Теперь очевидно, что притягательная сила и прелесть шахмат в том и состоит, что они обладают всеми этими признаками и для каждого, кто уделяет им внимание и любовь, оборачиваются какой-то особо привлекательной гранью. Вспомним корифеев. Для Ласкера квинтэссенцией шахмат была борьба. Он четко сформулировал, что борется не против фигур, а против соперника, и всю стратегию игры строил на психологической оценке возможностей партнера. Для Алехина шахматы прежде всего были искусством, способом творческого самовыражения. Ботвиннику ближе оказалась научная основа шахмат — он исследовал движущие пружины стратегии и тактики, устанавливал закономерности шахматного процесса. Карпов, в начале своего творческого пути утверждавший приоритет спортивного духа шахмат, пришел теперь к их универсальному охвату, а Смыслов говорит, что его увлекает в шахматах удивительный мир идей и красоты.

Так глубоко, широко и многогранно трактовали сущность шахмат чемпионы мира. И все же если говорить об эмоциональном воздействии шахмат, то здесь пальма первенства, бесспорно, принадлежит художественной стороне.

У каждого шахматиста — от начинающего до гроссмейстера — есть любимые партии, запомнившиеся словно произведение искусства. К ним хочется возвращаться, заново переигрывать, наслаждаясь эстетической стороной. Их и называют подобно художественным ценностям — красивыми.

Такие партии отмечаются специальными призами на турнирах, они порой удостоиваются хрестоматийной славы и увековечиваются помпезными титулами — «бессмертная», «неувядающая», «вечнозеленая»...

У нас в стране Спорткомитетом установлены даже особые почетные дипломы, которые ежегодно присуждаются шахматистам, сыгравшим, по мнению авторитетного жюри, самые красивые партии. Показательно, что лауреатами последних лет были сильнейшие шахматисты мира Карпов и Каспаров. (Эти партии знакомы нашим читателям. Они были опубликованы в № 46 «Огонька» за 1983 г. и № 25 за 1984 г.)

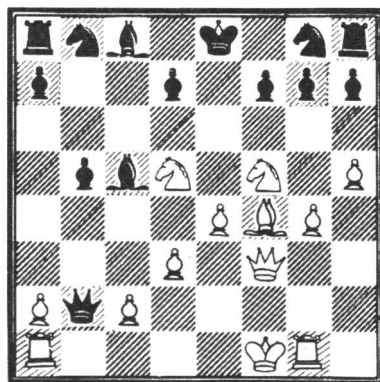
Чем же отличаются такие партии? В чем их красота?

Ответ на это не однозначен. Более того, с прогрессом шахматной культуры он меняется, поскольку художественные критерии претерпевают заметную эволюцию.

Когда-то выше всего ценились комбинации с жертвами фигур — неожиданные эффектные замыслы, где дух словно торжествовал над грубой материей и успех достигался «не числом, а умением». При этом не учитывались ни закономерность возникновения таких комбинаций, ни логика предшес-

товавших им событий. Красивый замысел воспринимался как вспышка гения.

Вот характерный пример такого рода. Он взят из бессмертной партии.

Это положение возникло после 17 ходов в поединке, состоявшемся в Лондоне в 1851 году между знаменитым шахматистом Адольфом Андерсеном и одним из известных шахматных мастеров того времени, Лионелем Кизерицим.

Уже беглого взгляда на доску достаточно, чтобы понять, каким бесшабашным и, по нынешним критериям, несолидным было начало схватки. Правда, Андерсен преуспел в своей стратегии — за пожертвованную фигуру он получил более чем достаточную компенсацию в виде подавляющего перевеса в развитии. Но, что касается его партнера, тот играл, пренебрегая всеми законами дебютной осторожности. Неудивительно, что возмездие стало неизбежным и, как показали последующие анализы, осуществленным даже не единственным способом. Так, к выигрышу белых приводило здесь и 18. Сс3 и 18. Ле1 и, наконец, путь самый эффективный и энергичный, который избрал А. Андерсен. Он сыграл 18. Сс6!, зажимая в жесткие тиски черного короля. С этого момента игра Андерсена обрела импровизационную вдохновенность.

Последовало:
18... Сс1! (упорнее было 18... Ф:а1+ 19. Кре2 Фб2) 19. е5!! Ф:а1+ 20. Кре2 Ка6 (Удивительное положение! У черных грандиозный материальный перевес, но их двум лишним ладьям и слону суждена лишь роль пассивных свидетелей надвигающейся матовой атаки. Последним ходом черные отразили непосредственную угрозу 21. К:q7+ Крд8 22. Сс7х, но беда приходит с другой стороны...) 21. К:q7+ Крд8 22. Фг6+!! К:ф6 23. Се7х!

А вот еще один пример немеркнувшей шахматной красоты прошлого. Это поединки между замечательным русским шахматистом XIX века Петровым и польским мастером Гофманом. Несмотря на то, что этой партии уже свыше ста сорока лет и, по нынешним критериям, на ней лежит печать некоторой наивности (во всяком случае, в дебютной стадии), она не потеряла своей свежести и привлекательности и по сей день.

ГОФМАН — ПЕТРОВ (Варшава, 1844 г.)

1. е4 е5 2. Кf3 Кс6 3. Сс4 Сс5. Естественно, что в духе временные партнеры разыгрывают романтическую «итальянскую» партию, где помыслы с первых же ходов обращены на атаку и под обстрел берутся наиболее уязвимые мишени — пешки f7 и f2.

4. с3 Кf6 5. d4 еd6 6. е5 Ке4. Дебютную часть партии не следует судить строго — теория в те времена была «подслеповатой дамой». Теперь известно, что вместо последнего хода черных сильнее 6... d5.

7. Сd5! К:f2 8. Кр:f2 dс+ 9. Кр:q3 сb 10. С:b2 Ке7.

Очевидно, что три пешки за отданную фигуру здесь эквивалент недостаточный, ибо положение белых явно активнее, и путем 11. Се4 Гофман мог рассчитывать на благоприятное течение дальнейшей борьбы. Однако ему показалось, что в его распоряжении есть еще более энергичный путь:

11. Кg5! К:d5 12. К:f7

Вот в чем была идея Гофмана. На естественное 12... Кр:f7 (а что еще? Ведь под боем сразу три черные фигуры) следует просто 13. Ф:d5+ и 14. Ф:с5. Но, казалось бы, привлекательный замысел Гофмана встречает еще более красивое возражение:

12... 0—0!!
Один из самых замечательных ходов в сокровищнице шахмат — парадоксальный, блестящий и эффективный одновременно! Картина борьбы резко меняется.

13. К:d8
Ясно, что при 13. Ф:d5 Л:f7 14. Ф:с5 Фg5+ белые проигрывают сразу, но и теперь атака черных неотразима:

13... Сf2+ 14. Крh3
Не помогает 14. Крg4 ввиду 14... Лf4+ 15. Крg5 h6+ 16. Крh5 Лh4+ 17. Крg6 Ке7х.

14... d6+ 15. е6 Кf4+ 16. Крg4 Ке6 17. Ке6 С:e6+ 18. Крg5 Лf5+ 19. Крg4 h5+ 20. Крh3 Лf3х!

Не правда ли эффектно?
Известный русский шахматист и аналитик Карл Янши писал об этой партии: «Она навсегда останется в шахматной литературе памятником необыкновенной прозрачности корифея наших шахматных игроков».

Атака черных действительно великолепна, но, по современным представлениям, партии недостает и цельности, и последовательности. Комбинация стала возможной только благодаря ошибке соперника, а положение победителя в один момент было весьма тревожным...

Проходили годы, и эстетика шахмат обрела новые критерии. С постижением глубин стратегии шахматной борьбы, раскрытием законов позиционной игры все большую ценность завоевывали понятия красоты стратегического замысла, последовательности проведения плана, проникновения в тайны создавшихся позиций и их оригинальной трактовки. Комбинация стала восхищать уже не сама по себе, а как завершение единой и целостной стратегической идеи.

В своей книге-эссе «В поисках гармонии» В. Смыслов писал: «Эстетика шахматного творчества для меня означает прежде всего привлекательность идеи, ее истинность, раскрытую в ясной логике мысли. Красота проявляется не только в комбинационной игре с эффектными жертвами, но также в простой, казалось бы, позиции, когда обнаруживается вдруг богатство ее содержания».

Как подчеркивал один из исследователей эстетики шахмат, А. Смирнов: «Красота шахмат имеет много общего с красотой научной мысли, суть которой в целесообразности, полезности и вместе с тем в парадоксальности и совершенстве формы».

Примером такого понимания шахматной красоты может послужить одна из замечательных партий, завоевавших хрестоматийное признание, партия между Ботвинником и Капабланкой, сыгранная на авро-турнире в Голландии в 1938 году.

Признаюсь, разбирая ее, я каждый раз испытываю истинно художественное наслаждение.

БОТВИННИК — КАПАБЛАНКА

1. d4 Кf6 2. с4 е6 3. Кс3 Сb4 4. е3 d5 5. а3 С:с3+ 6. bс c5 7. cd еd 8. Cd3 0—0 9. Ке2.

Разыгран один из принципиальных вариантов защиты Нимцовича, в котором, по теоретическим оценкам того времени, черные не должны испытывать дебютных затруднений. У Ботвинника, однако, на этот счет было иное мнение... В создавшейся пешечной структуре, где у белых лишняя единица в центре, Ботвинник усмотрел возможность развития инициативы посредством захвата пространства на главном участке доски. Намеченный им план состоит в подготовке продвижения пешки е3 (при поддержке ее ходом f2—f3) сначала на поле е4, а затем и дальше, что создает предпосылки для атаки на королевском фланге. Поучительно проследить, с какой настойчивостью и целеустремленностью осуществит Ботвинник этот стратегический замысел.

9... b6 10. 0—0 Сa6 11. С:a6 К:a6 12. Сb2

Современная теория рекомендует здесь сразу 12. f3, но и сделанный ход направлен на реализацию основного плана, поскольку для осуществления продвижения е3—е4 нужно надежно защитить пешку d4.

12... Фd7 13. а4 Лfe8 14. Фd3
Хитрый ход. Ботвинник провоцирует продвижение неприятельской пешки, что облегчит ему осуществление генерального плана.

14... с4.
Капабланка принимает вызов. Снимая напряжение в центре, он, с одной стороны, идет на уступки, но зато создает предпосылки для контригры на ферзевом фланге, где имеет объект для нападения — пешку а4. Игра резко обостряется.

15. Фс2 Кb8 16. Лае1 Кс6 17. Кq3 Ка5 18. f3 Кb3 19. е4 Ф:a4

Первый этап конфликта завершился реализацией планов обеих сторон. Белые осуществили программное продвижение в центре, черные завоевали пешку. Чьи достижения значительнее? Дальнейшее течение партии полностью подтверждает глубину стратегического замысла Ботвинника. Захват пространства, намеченный им еще в дебюте, позволяет белым развить опасную атаку на неприятельского короля.

20. е5 Кd7 21. Фf2 q6
Иначе очень неприятен маневр Кq3—f5—d6.

22. f4 f5
Тщетная попытка приостановить надвигающийся штурм.

23. еf К:f6 24. f5! Л:e1 25. Л:e1 Леб 26. Леб! Ле6 27. fe Крq7 28. Фf4!

Несмотря на размены, угрозы белых не утихают, главная из них сейчас 29. Кf5+ qf 30. Фg5+.

28... Фе8 29. Фе5 Фе7
Казалось бы, черным удалось отразить натиск и консолидировать свое положение, но последовательная наступательная стратегия белых находит неожиданное эффективное тактическое завершение.

30. Са3!!
Замечательная комбинация, впечатление от которой усиливается закономерностью ее возникновения! Слон приносит себя в жертву ради отвлечения от защиты главной фигуры черных.

30... Фa3 31. Кh5+ qh 32. Фg5+ Крf8 33. Фf6+ Крg8 34. е7!

Торжество стратегии белых! Лишняя пешка в центре, образованная еще в дебюте, сделав большую карьеру, определяет исход борьбы. Контршансы черных, заключающиеся в раскрытом положении белого короля, были тоже точно рассчитаны Ботвинником. Еще последовало:

34... Фс1+ 35. Крf2 Фс2+ 36. Крg3 Фd3+ 37. Крh4 Фе4+ 38. Крh5 Фе2+ 39. Крh4 Фе4+ 40. q4 Фе1+ 41. Крh5.

Шахи кончились, и Капабланка сдался. Вся партия — эталон классической шахматной красоты.

К 60-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ
Н. И. РОДИЧЕВА

ПРАВДА ЖИЗНИ

Имя этого писателя хорошо известно читателям «Огонька». На страницах нашего журнала четверть века тому назад были напечатаны его рассказы, очерки о людях Дальнего Востока и Центральной России. Издательства страны опубликованы четыре десятка книг Н. Родичева, его переводы с других языков.

О самом первом выступлении в печати писатель рассказывает:

— Это случилось в январе сорок четвертого на Никопольском плацдарме. Ночью после завершения атаки к нашим окопам приполз по-пластунски корреспондент дивизионки. Не знаю, почему он избрал для взятия интервью именно мою ячейку. Стал расспрашивать о последнем бое. Как мог, я рассказал об отличившихся товарищах по взводу. Под вспышками осветительных ракет фронтовой журналист что-то записывал. И вдруг спросил, нельзя ли подписать заметку моей фамилией... И протянул мне блокнот. Опухшими от холода пальцами я едва держал карандаш и с трудом написал свою фамилию.

Вслед за маленькой заметкой в дивизионке появился рассказ Родичева под названием «Егор Ильич» — о мальчишке из прифронтовой полосы, перепечатанный в войну и после Победы множество раз сначала в военных, затем в гражданских газетах и журналах. Верность армейской теме Николай Родичев сохранил на всю жизнь. Многие его романы, повести и рассказы обращены к людям, проявившим лучшие свои качества в сражениях за Родину.

Писатель ездит по стране, подолгу живет на шахтах, на заводах. Жажда открытий в людях, современниках писателя, не однажды приводила его к истинным находкам. Так, в ивановской глубинке Н. Родичев встретил художника-самородка Николая Михайловича Зиновьева, выпустил о нем книгу «Живет в деревне человек». В маленьком селе на Орловщине встретился с председателем колхоза А. Артюховым, сумевшим создать прообраз хозяйства для будущего всего Нечерноземья, и появилась еще одна книга.

— У меня много друзей среди читателей, — говорит Н. Родичев. — Но особую гордость составляет дружба с теми людьми, о которых удалось сказать свое слово в печати. Дело не в том, что слово это было добрым. А в правоте жизни, в той правде, которой служит советская литература.

Н. ПОЛИВИН

«Сестра привезла мне из Москвы модную хлопчатобумажную блузку, а к ней яркочетчатую юбку из легкой шотландки и сказала, что там появился дож, в котором молодые смогут одеться «от» и «до». На вещах стоял знак «ММ». Хотелось бы побольше узнать об этой «фирме».

С. ЕНГАЛЫЧЕВА

Казань.

ММ— МОЛОДЕЖНАЯ МОДА

ММ — фирменный знак единственного пока в стране Дома молодежной моды, открывшегося в столице в конце прошлого года.

Поиск индивидуального стиля — главная тема сегодняшней моды. А для молодых это особенно важно. Любому молодежному вечеру с танцами — это не только развлечение, но, если хотите, и спорт вкуса, красоты, грации, умения быть привлекательной.

Современный грим помогает решить проблему красивого или некрасивого лица, выбор модных стрижек необычайно широк, ценность же туалета определяется не стоимостью ткани, а мерой его элегантности, художественности.

— Открывая Дом молодежной моды, — рассказывает его главный художник Лидия Матвеевна Соселия, — мы хотим помочь молодым людям найти свой стиль, учитывая профессию, индивидуальность, учитывая то, как они проводят свободное время. Конечно, очень важно знакомить посетителей Дома с новинками моды. Но этого мало. Во время показа наши художники-модельеры читают лекции о том, как лучше приспособить моду к реальной жизни. Учитываем мы и материальные возможности молодых. Свою работу Дом адресует тем, кому и 17, и 25. Модели, предлагаемые школьникам, учащимся профтехучилищ, живущим пока за счет родителей, естественно, отличаются от одежды, которую могут себе позволить старше, уже самостоятельно стоящие на ногах. Для юных предлагаются вещи из недорогих и практичных материалов.

...Выставочный зал на первом этаже. Тут и костюмы в стиле сафари, и брюки, юбки, куртки, блузоны, спортивные рубашки, строгие, почти гимназические платья и расшитые шелком, золотом свадебные наряды, костюмы для дискотек. Предложения и более остроумные, так любимые молодыми, и строгие, почти классического стиля, всегда находящие своих приверженцев. Но главное, что все представленное здесь, любую вещь, можно выбрать по образцам и сразу заказать. Тут же дополнения к платьям, костюмам — шляпы, шарфы, косынки, гетры, скоро появятся и обувь. Дом моды ведет переговоры с ереванской фирмой «Масис».

Девушка обходит выставочный зал, подолгу останавливается около каждой модели. Я спросила ее:

— Что вам больше всего понравилось?

— Все так красиво, просто теряюсь, что выбрать, на чем остановиться, — растерянно ответила она. — Скоро собираюсь в отпуск, хотела заказать «бермуды», а вижу тут гораздо более интересные новинки.

На помощь ей приходит художник-консультант Людмила Тарасевич.

— Как вас зовут? Таня? Вы правильно сомневаетесь. «Бермуды» уже устаревают. К тому же, учитывая вашу индивидуальность, они вряд ли украсили бы вас. Обратите внимание вот на эти брюки из нового материала. Он выглядит чуть жатым. Это новинка и очень вам пойдет. К нему мы можем предложить легкую недорогую курточку. Таким образом, у вас сразу будет почти законченный ансамбль.

— Комплектность в одежде по-прежнему сохраняется, но она уже лишена былой строгости стиля, — разъясняет Лидия Матвеевна Соселия. — Раскованность, непринужденность — основные ее черты. Классический блейзер может быть смягчен присборенной юбкой и дополнен вышитым жилетом, а к спортивной куртке можно подобрать и более женственную одежду. Комплект чаще всего состоит из классических, почти стандартных вещей, но всегда

индивидуален. Цветные тесемки у ворота, различные галстуки (особенно модны вязанные), шапочки, шарфы, платки помогут в каждом случае составить новый интересный ансамбль. В нашем Доме к выбранной одежде специалисты могут посоветовать соответствующую новую стильную прическу, легкий грим.

...Просторный, светлый зал швейного цеха. Он оснащен самой современной техникой. И работают здесь молодые. Как-то Миша Родионов, мастер лаборатории верхней мужской одежды, привел на экскурсию ребят из ПТУ, где сам недавно учился. Понравилось многим. Вот и пришли они сюда.

— Пусть им иногда не хватает опыта, — считает Лидия Матвеевна, — но ребята легко улавливают идеи наших художников и стремятся внести что-то свое, новое. Очень много талантливых предложений получаем мы не только от наших художников-профессионалов, но и от рядовых швей. С такими увлеченными людьми и работа спорится.

Все большее распространение получает ритмическая гимнастика. Для занятий аэробикой разрабатываются красивые, удобные комплекты одежды со спортивными нарядными костюмами, гетрами, украшениями из лент и обручей для волос.

Одно из самых массовых увлечений молодых — дискотеки. Наши художники-модельеры решили не только создать образцы дискомоделей, ультрамодные комплекты, костюмы, но тут же в нижней части здания открыли свою дискотеку. На ее вечерах с музыкой, танцами, выступлениями диск-жокеев мастера продемонстрируют свои новинки. Открытие дискотеки — дело ближайшего будущего.

К Всемирному форуму молодежи здесь подготовлен сюрприз. Художники-модельеры Дома моды решили организовать театрализованную выставку своей собственной мини-улицы с прогуливающейся нарядной публикой, молодыми людьми, сидящими за столиками кафе или просто беседующими на скамейках бульвара.

— Наша улица, — рассказывает Лидия Матвеевна, — будет улицей моды, улицей молодежного праздника. Здесь вы сможете увидеть и самые новые модели одежды и образцы обычной, более спокойной одежды, но преобразенной, так сказать, осовремененной за счет деталей: яркого шарфа, оригинального платка, необычной шляпы, новой формы кожаного пояса с кистями. Москвичи и гости фестиваля, придя на эту своеобразную улицу, познакомятся с огромным многообразием народного костюма. Наши художники решили показать гостям богатство национальных традиций, самобытность народного творчества, раскрыть зрительно сокровенные тайны и законы красоты искусства одежды, связывая художественное прошлое наших народов с его настоящим.

В фестивальной коллекции много современных молодежных моделей, навеянных темами народного костюма. Посмотрите на эти женские головные уборы, созданные Катей Бурмировой. Не напоминают ли они наш русский картуз? А обувь, сшитая по эскизам художника-модельера Яны Степановой, во многом сродни деревенским лаптям, и в то же время она глубоко современна. Вышивки на платьях по своему характеру, манере исполнения очень напоминают изделия старинного народного промысла — золототкачества, кружевоплетения.

Вся коллекция художников Дома молодежной моды решена в цветовой гамме фестивальной — красной, зеленой, желтой, синей, белой.

В. МОРОЗОВА

БОЛДИНСКАЯ ВЕСНА

Первый месяц весны я проводил в Болдине, в Доме творчества писателей, литературном комбинате на семьдесят творческих мест. Осенью там большой наплыв классиков, стремящихся повторить известный исторический опыт, а весной приобрести путевку легче, поскольку болдинская весна никак в истории себя не зарекомендовала.

Мой сосед по столу, в прошлом известный юморист, позднее известный поэт, а в последнее время известный прозаик, знакомил меня с болдинскими нравами, давал нашим коллегам характеристики, а больше всего рассказывал о своем жизненном пути.

Да, у него уже был жизненный путь, который, несомненно, впоследствии станет известным, но для меня мой сосед сделал исключение, позабывшись, чтобы мне он стал известен уже сейчас.

— Почему я сатиру сменил на поэзию, а поэзию — на прозу? Дорогой мой, в этом повинна арифметика. Да, да, не сатира, не поэзия, даже не проза, а простая арифметика... (Он кому-то кивнул, с кем-то раскланялся, ного-то мимоходом прижал к сердцу и продолжал.) Возьмите прозаиков. Возьмите самых крупных. Льва Толстого возьмите. Достоевского, Тургенева, Гончарова... Затем Герцена возьмите, — говорил он, словно передавая мне холодную закуску, — Лескова, Горького, Алексея Толстого... Кого еще? Бунина, Куприна... Каков средний возраст этих десяти крупнейших наших писателей? Не трудитесь подсчитывать: ровно семьдесят лет.

Он доел первое и принялся за второе.

— Теперь возьмите поэтов. Тоже самых крупных, разумеется. Пушкина возьмите, Лермонтова, Некрасова, Тютчева, Фета, Блока и Маяковского. Есенина возьмите. Пастернака и Ахматову. Средний возраст — пятьдесят два. На восемнадцать лет ниже, чем у прозаиков. Вы понимаете?

Да, теперь я начал понимать.

— Ну, а теперь возьмем сатириков Гоголя возьмем, Щедрина, Чехова, конечно. Затем Аверченко и Сашу Черного. Булгакова, Зощенко, Ильфа и Петрова. И что же нам говорит арифметика? Средний возраст —

сорок восемь лет. Меньше, чем у поэтов, хотя из названных поэтов почти половина умерла не своей смертью. А сатирики все умерли своей смертью, но какой ранней! А еще говорят, что юмор продлевает жизнь.

А теперь посмотрим на потолок, — тут он и в самом деле посмотрел на потолок, хотя имел в виду возрастную проблему. В группе прозаиков он составлял восемьдесят два года, в группе поэтов — семьдесят семь лет, а в группе сатириков — всего лишь шестьдесят три года. Что вы на это скажете?

— Скажу, что мало.

— А почему? Вы задайтесь вопросом: почему? Значит, что-то укорачивает сатирикам жизнь — почище, чем поэтам дуэли и самоубийства. Зощенко умер в расцвете лет, а ведь он среди сатириков считается долгожителем. Средний возраст — сорок восемь лет! Да если б Достоевский прожил столько лет, не видать бы нам ни «Бесов», ни «Братьев Карамазовых»!

Он доел второе и взялся за компот.

— Конечно, пока молодой, можно заниматься сатирой. И я занимался, вы это знаете! А как перевалило за сорок, думаю — стоп, так и помереть недолго. И перешел на поэзию. Ну, конечно, жил сдержанно, смирлял свои страсти. До среднего возраста. А как перевалило за пятьдесят — средний-то возраст поэтический пятьдесят два года! — стоп, думаю. И перешел на прозу. До семидесяти у меня еще десять лет. Поживу, поработаю. А там, возможно, займусь переводами: переводчики у нас живут долго. Особенно если не сатиру переводить, а что-нибудь поспокойнее...

— То-то, я смотрю, у нас мало сатиры.

— Естественно. Как же ее будет много, когда в ней люди не живут? И поэзии настоящей мало. В ней тоже люди не живут.

Я хотел сказать, что и поэзия настоящей не так много, но воздержался: мой сосед мог придумать, будто он мало написал. За окном шумело Болдино, не слыша нашего разговора.

— Осень здесь чудесная, — вздохнул мой сосед-прозаик, допивая компот.

Феликс КРИВИН

это интересно

ЧИСЛО ИСТИНЫ

В СССР и ряде других стран знания учащихся оцениваются по пятибалльной системе, высшая оценка здесь — 5 баллов. Но не многие могут дать правильный ответ на вопрос о происхождении особого значения этого числа.

В самой глубокой древности, исчисляемой по меньшей мере пятью тысячелетиями до н. э., древние египтяне выражали число «пять» двойю: пятью вертикальными палочками и пятиконечной звездой. Позднее в демократической (народной) письменности к этим двум знакам добавился третий, «V», который впоследствии был заимствован римлянами.

У древних египтян число «пять» выражало понятие «космос», то есть порядок во Вселенной: раз и навсегда установленный порядок движения светила, чередования зимы и лета, ночи, дня и т. п.

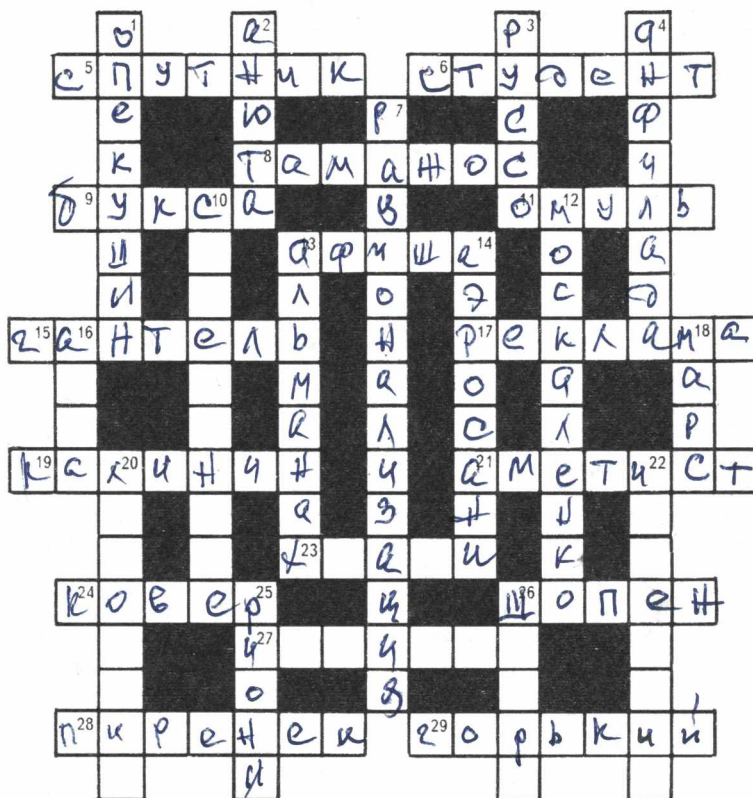
Это число на небе символизировалось (для египтян) яркой звездой созвездия Лиры — Ве-

гой. Кстати, созвездие Лиры получило свое название у древних астрономов потому, что, по их представлениям, оно создает особые колебания в эфире. (Интересно отметить, что в последние годы с помощью современной совершенной техники установлено, что созвездие Лиры излучает мощные радиоволны.)

Число «пять» в Египте символизировало судьбу, находившуюся в руках богини истины, правосудия и справедливости — Маат.

Знак пятиугольной звезды занимал важное место в учении пифагорейцев. Они имели обыкновение в начале письма ставить слово «здоровствуй» или «будь здоров», рассматривая здоровье как высшее благо человека. Это понятие выражалось в письме изображением пятиконечной звезды.

В. АНДРЕЕВ,
профессор

По горизонтали: 5. Советская молодежная туристская организация. 6. Учащийся вуза. 8. Река в Бразилии. 9. Металлическая коробка с подшипником колесной пары вагона, локомотива. 11. Ценная промысловая рыба. 13. Объявление о спектакле, концерте. 15. Гимнастический снаряд. 17. Популяризация товаров, услуг. 19. Областной центр в РСФСР. 21. Минерал, драгоценный камень. 23. Приток Куры. 24. Плотная хлопчатобумажная или шерстяная ткань с ворсом. 26. Выдающийся польский композитор и пианист. 27. Редкая, ценная вещь. 28. Горная система на юго-западе Европы. 29. Основоположник литературы социалистического реализма.

По вертикали: 1. Скульптор, автор памятника А. С. Пушкину в Москве. 2. Героиня повести А. И. Герцена «Сорока-воробья». 3. Французский писатель и философ XVIII века. 4. Сквозной ряд комнат. 7. Усовершенствование. 10. Иллюстрированное приложение к «Комсомольской правде». 12. Маршал Советского Союза. 13. Сборник литературных произведений. 14. Средство передвижения по снегу с помощью воздушного винта. 16. Среднеазиатский можжевельник. 18. Планета. 20. Обезьяна. 22. Небольшая музыкальная пьеса. 25. Курорт в Армении. 26. Цилиндрический стержень.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 26

По горизонтали: 1. Парад. 4. Орден. 7. Алаколь. 8. Экскурс. 9. Рокоссовский. 12. Волк. 14. Канистра. 18. Веер. 19. Зыкина. 20. Верн. 21. Теркин. 22. Гимн. 23. Арабеска. 26. Корж. 29. Коммуникация. 32. Снегирь. 33. Амфибия. 34. «Война». 35. Ласка.

По вертикали: 1. Пуля. 2. Ректор. 3. Долгота. 4. Оркестр. 5. Дикция. 6. Нара. 10. Покрышкин. 11. Вершигора. 13. Капитан. 14. Кокарда. 15. Неврюра. 16. Турнепс. 17. Арктика. 18. Вторник. 24. Ремарка. 25. Крахмал. 27. Хонгай. 28. Сириус. 30. Снов. 31. Лира.

НА ПЕРВОЙ СТРАНИЦЕ ОБЛОЖКИ: Молодожены из города Счастья: элктрослесарь Зинаида Бондаренко и сварщик Игорь Рощупкин.

(См. в номере материал «Разговор о счастье в городе Счастье».)

Фото В. КОРЕШКОВА

НА ПОСЛЕДНЕЙ СТРАНИЦЕ ОБЛОЖКИ: Модели одежды художников московского Дома молодежной моды. (См. в номере материал «ММ — молодежная мода».)

Фото И. ГАВРИЛОВА

Главный редактор — А. В. СОФРОНОВ.

Редакционная коллегия: Д. Н. БАЛЬТЕРМАНЦ, В. В. БЕЛЕЦКАЯ, И. В. ДОЛГОПолов (главный художник), Д. К. ИВАНОВ (ответственный секретарь), Н. А. ИВАНОВА, Б. А. ЛЕОНОВ (первый заместитель главного редактора), В. Д. НИКОЛАЕВ (заместитель главного редактора), Ю. С. НОВИКОВ, А. Г. ПАНЧЕНКО, Ю. П. ПОПОВ, Н. П. ТОЛЧЕНОВА.

Адрес редакции: 101456, ГСП, Москва, Бумажный проезд, 14.

Оформление Н. И. БУДКИНОЙ.

Телефоны отделов редакции: Секретариат — 212-23-27; Отделы: Очерка, публицистики и информации — 250-56-88; Морали и права — 251-00-26; Международный (капиталистические страны) — 212-30-03; Международный (социалистические страны) — 212-22-90; Искусств — 250-46-98; Экономика быта — 250-38-17; Поэзии — 250-51-45; Прозы — 212-63-69; Критики и библиографии — 251-21-46; Военно-патристический — 250-15-33; Науки — 212-21-68; Юмора и занимательной информации — 212-14-07; Спорта — 212-22-19; Фото — 212-20-19; Оформление — 212-15-77; Писем и массовой работы — 212-22-69; Литературных приложений — 212-22-13.

Сдано в набор 10.06.85. Подписано к печати 25.06.85. А 00370. Формат 70х108 1/8. Глубокая печать. Усл. печ. л. 7,0. Уч.-изд. л. 11,55. Усл. кр.-отт. 16,80. Тираж 1 510 000 экз. Изд. № 1567. Заказ № 791.

Ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции типография имени В. И. Ленина издательства ЦК КПСС «Правда», 125865, ГСП, Москва, А-137, улица «Правды», 24.

ПУДЕЛИ, ПИНЧЕРЫ, СЕНБЕРНАРЫ...

наш досуг

Фото А. БОЧИНИНА

В этот солнечный день в конноспортивный комплекс «Битца» москвичи привезли самого разного рода декоративных собак на традиционную XI Московскую городскую выставку. Идут по кругу очаровательные пудели, изысканные афганы, чинно двигаются сенбернары. А вот и бассеты, про них говорят, что это воплощение собачьего очарования... Внимательно наблюдают за судьями хитрые доберманы, угольно-черные ньюфаундленды; карликовые пинчеры заняты лишь одним — идти рядом с хозяином, не отставая ни на шаг...

В Московском городском обществе любителей собаководства работают на общественных началах люди самых разных профессий. Разговариваю с Татьяной Николаевной Никулиной. Она заместитель председателя правления, в недавнем прошлом артистка цирка.

полный доверия к людям, он бродит по городу и снова ищет хозяина.

Люди заводят собак из самых разных побуждений. Иные склонны к прогулкам, других одолевает скука, третьи одиноки и хотят удовлетворить потребность любить и быть любимыми. Прекрасно, когда есть на свете существо, которое радуется — и как! — вашему возвращению домой...

Многие привели ребятшек на выставку. Члены клуба «Дружок» показали свое искусство в дрессировке. Руководит клубом Людмила Кирилловна Райнова. В нем только беспородные собаки...

— Хочется, чтобы люди, заводя собак, — говорит Елена Александровна Антонова, — не отдавали дань моде... А то идет эдакий щеголь и рядом без намордника, иногда без поводка

Жарко...

Одного взгляда достаточно, чтобы полюбить это милое существо — собаку породы бассет.

Победитель.

В кулуарах «пуделиного» клуба.

Не правда ли, она кокетка!

Где же хозяйка?

Чтобы малыша бедлингтон-терьера не хватил солнечный удар.

— Выставку, — рассказывает Татьяна Николаевна, — посетили сорок тысяч человек. Посмотреть две тысячи собак сорока разных пород — право же, интересно! И, представьте, все прошло великолепно: псы не дрались, не было ни одного покуса. Значит, не зря мы ведем постоянную работу, объясняя, как воспитывать животных, учим и взрослых, и детей с самого раннего возраста умению «общаться» с собакой...

— Да, конечно, у меня тоже есть... С ризеншнауцером Даном мы с моим мужем, Юрием Владимировичем Никулиным, выступали на арене. Теперь наш четвероногий артист на «заслуженном отдыхе», — смеется Никулина. — Еще у нас фоксик, жесткошерстный. Его мы подбирали на улице. Это ведь такая проблема — берут на забаву щенка, а потом он вырастает — и, пожалуйста, уже никому не нужен, значит, на улицу! Жалкий, брошенный, но

огромный пес. Человека-то он не тронет, а вот маленькую собачонку непременно обидит!...

Елена Александровна говорит об этом с подлинной страстью и волнением. Она любит и знает животных, много лет работала в обществе по охране природы. Сейчас возглавляет клуб карликовых пуделей. У Антоновой всегда много посетителей, жаждущих получить ее добрые напутствия и мудрый совет.

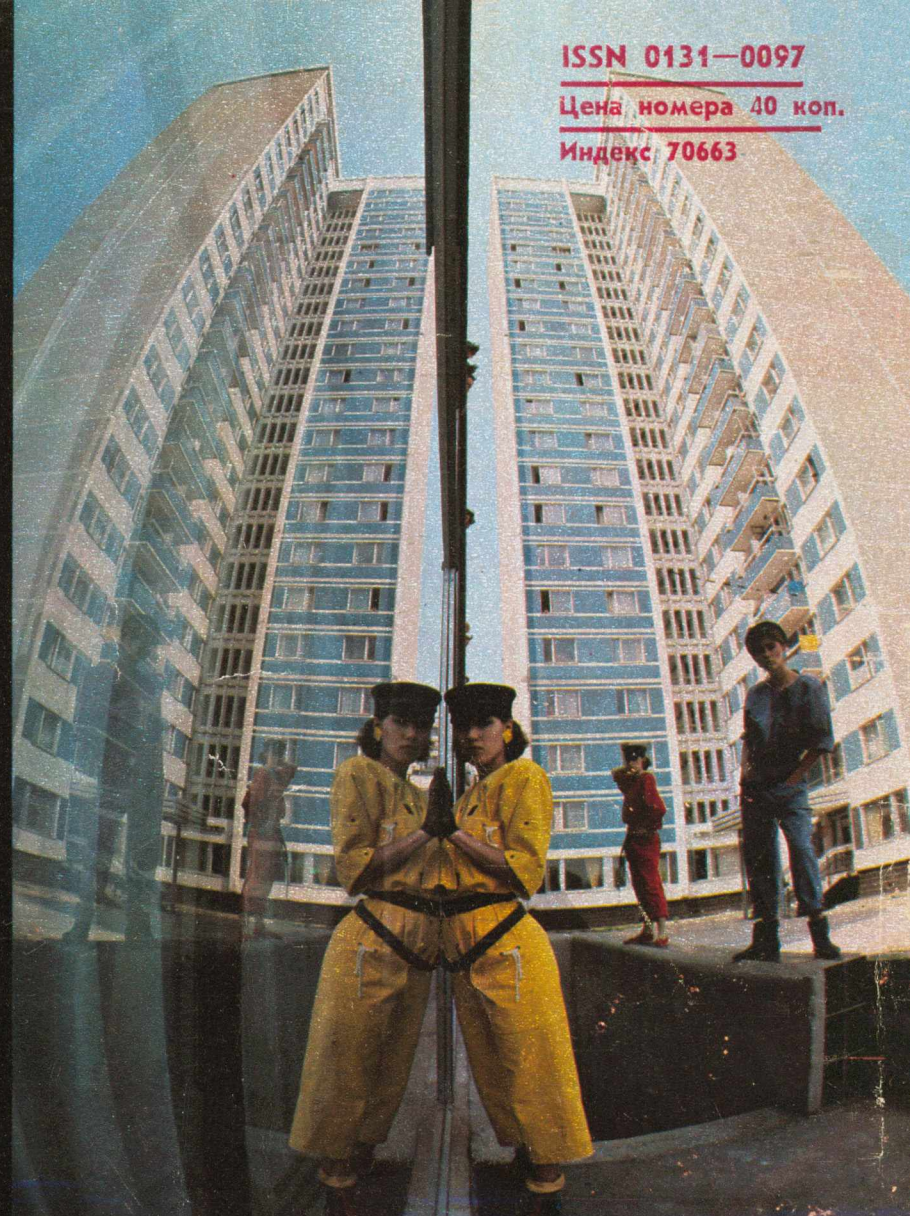
— Вы знаете, почему так популярны пудели! — продолжает Елена Александровна. — Они, право же, милые, ласковые, послушные, очень аккуратные и умные... Недаром англичане говорят: пудель еще не человек, но уже не собака.

...Взлохмаченные от ветра прически женщин и десятки раз перед выходом начесанные хохолки пуделей. Выставка в самом разгаре. Зрители довольны, судьи строги.

Т. ТРОИЦКАЯ

ISSN 0131-0097
Цена номера 40 коп.
Индекс 70663

